Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям

На правах рукописи

КАПЛУНОВА МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ В КНР

10.02.19 — Теория языка
Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Биткеева Айса Николаевна

Москва — 2017

Оглавление

Введение 4
Глава 1. История изучения языков КНР в китайской и зарубежной социолингвистике 22
1.1. Основные направления исследований в китайской социолингвистике 22
1.2. Исследование аспектов китайской социолингвистики в зарубежной социолингвистике 34
1.3. Сопоставительный анализ терминологического аппарата китайской и российской социолингвистики 39
Глава 2. Языковая ситуация и языковая политика в КНР в синхронии и диахронии 46
2.1.Типология языковых ситуаций в КНР 47
2.1.1. Социально-коммуникативная система в КНР (1949-2000 гг.) 47
2.1.2. Языковая ситуация в КНР в XXI в. 63
2.2.Типология моделей языковой политики в КНР 71
2.2.1. Языковая политика и языковое строительство «с китайской спецификой». 71
2.2.2. Языковое законодательство КНР 84
2.3. Социальные функции путунхуа и языков нацменьшинств в КНР 93
2.3.1. Сферы регламентируемого общения 96
2.3.2.Сферы нерегламентируемого общения 102
Глава 3. Количественные и качественные параметры функционального развития языков в КНР 106
3.1. Анализ функционального развития путунхуа и диалектов в КНР 108
3.2. Функционирование языков нацменьшинств в КНР 118
3.3. Функционирование иностранных языков в КНР 128
3.3.1.Функционирование английского языка в КНР 129
3.3.2.Функционирование русского языка в КНР 133
Заключение 140

Список литературы 146
Приложение 163
Приложение 1. Список высокочастотных социолингвистических терминов 163
Приложение 2. Основные законодательные документы КНР о языке 169
Приложение 3. Анкета 1, Анкета 2, Анкета 3 183

Введение

Проблема взаимодействия языка и общества является центральной в социолингвистической науке. Различные формы этого взаимодействия способствуют развитию одних языков и вытеснению других, отражая языковую ситуацию. В свою очередь, языковая ситуация, представляющая собой совокупность форм существования и функционального развития языка или языков на определенной территории, особенностей языковой общности, ее ценностных ориентаций и других факторов, способна в полной мере охарактеризовать специфику того или иного государства с точки зрения социолингвистики, а следовательно, внести вклад в развитие данного научного знания. Непосредственно оказывающая влияние на языковую ситуацию языковая политика, будучи, как правило, частью общегосударственной политики, является результатом сознательного воздействия общества на язык. Наибольший интерес для исследования всегда представляет языковая политика полиэтнических стран, в каждой из которых она имеет свои особенности. На эти особенности влияет ряд факторов, включающих культуру, менталитет народов, внутреннюю и внешнюю политику государства и т.д. В настоящее время, когда в условиях глобализации во всем мире происходят социальные перемены, проблема языковой политики не утратила своей актуальности.

Предлагаемое диссертационное исследование посвящено анализу специфики языковой политики и языковой ситуации в полиэтническом государстве Китайская Народная Республика (далее – КНР) с учетом функционального развития языков КНР на материале социолингвистического исследования, а также обзору российских и зарубежных (в первую очередь, китайских) источников по этой теме. Помимо рассмотрения основных тенденций и динамики в решении языковых процессов в КНР, исследование также подразумевает сопоставление ключевых особенностей китайской и российской

социолингвистики с точки зрения ведущих направлений исследования и понимания базовой терминологии.

Итак, сегодня КНР – это стремительно развивающееся государство, полиэтнический и мультикультурный состав населения которого непосредственно повлиял на особенности его языкового устройства. В стране официально выделяют 56 национальностей, при этом 91,6 % населения (1,2 млрд жителей) относятся к народности хань, говорящей на ханьском (китайском) языке, чем обусловлено функционирование китайского языка на территории КНР в качестве средства межнационального общения. Остальные 55 национальностей, численность которых варьируется от 3556 чел. (татары) до 16,9 млн чел. (чжуаны), принято относить к национальным меньшинствам, а их языки, соответственно, к языкам национальных меньшинств[1]. Общее число языков, функционирующих на территории, по разным данным, варьируется от 80 до 300. В соответствии с китайской классификацией [Language Atlas of China 1987; Языки Китая 2007] все языки КНР делятся на сино-тибетские (китайский, тибетский, язык ну, бай и др.), алтайские (монгольские, тюркские, тунгусо-маньчжурские), австронезийские (амисский, язык бунэнь, пайвань), австроазиатские (язык ва, дэан, булан) и индоевропейские (русский, таджикский). При этом варианты классификации языков, предложенные, начиная с 1940-х гг. западными [Benedict 1942] и с конца 1960-х гг. советскими учеными [Яхонтов 1972, 1973], отличаются от китайского подхода по ряду принципиальных моментов. В частности, в китайских работах языки мяо-яо и тай-кадайские включены в состав сино-тибетской семьи, в то время как западные и отечественные лингвисты сходятся во мнении, что эти языки должны быть выделены в отдельные семьи. Гипотетической считается также алтайская семья языков [Баскаков 1981; Котвич 1962; Тенишев 1996]. При этом 25 народностей, включая ханьцев, используют 33 разновидности национального письма (народы мяо и дай используют четыре вида письма, а лису и цзинпо – два) [Дай Цинся 1993: 209].

[1] Данные представлены в соответствии с переписью населения КНР за 2010 г.

Таким образом, в условиях многонациональности и многоязычия китайский язык является основным этнообъединяющим языком. При этом за всю историю существования китайской цивилизации по мере изменения территориальных границ Китая, смены государственного строя, приоритетов государственной национальной и языковой политики китайский язык неоднократно претерпевал изменения. Согласно периодизации, представленной лингвистом Чэнь Пином, китайский язык прошел несколько стадий развития от древнего китайского во втором тысячелетии до н.э. до стадии современного китайского языка с началом правления последней императорской династии Цин (1644 – 1911 гг.), поскольку к этому периоду «основные изменения в характеризующих современный язык грамматике, фонологии, базовой лексике уже завершились» [Chen Ping 2004: 2]. Тем не менее китайскому языку еще предстоял долгий путь реформ, касающихся стандартизации письменной и устной форм языка, его функционального развития и других аспектов, находящихся в центре внимания языковой политики. Важно понимать, что даже среди ханьского населения наблюдается значительное разнообразие диалектов китайского языка. В соответствии с классификацией, представленной в атласе языков Китая, китайский язык включает в себя 10 основных диалектов: гуаньхуа / северные диалекты (官话), у (吴语), минь (闽语), гуандунский/кантонский (粤语), сян (湘语), цзянсийский (贛语), хакка (客家话), аньхойский (徽语), пин (平语) и цзинь (普语) [Language Atlas of China 1987; 2012]. Иногда выделяют лишь первые семь групп, определяя последние три в качестве диалектных подгрупп. Наибольшей диалектной группой является гуаньхуа, которая охватывает около 70 % всей территории КНР и примерно такое же число говорящих среди китаеязычных граждан [Юань Чжунжуй 2004].

Подобное разнообразие диалектов подтолкнуло языковую политику страны к формированию «общеупотребительного» варианта путунхуа, основанного на пекинском диалекте, относящемся к северной группе диалектов. Распространение путунхуа среди населения Китая стало одной из ключевых задач языковой

политики КНР, которая столкнулась с рядом трудностей на пути ее реализации, вызванных, прежде всего, необходимостью определенного компромисса между путунхуа и другими языками, функционирующими на территории государства.

В настоящее время китайский язык постоянно сталкивается с вызовами технологического процесса, что требует внесения изменений в стратегию языкового планирования на государственном уровне. Кроме того, социально-экономические изменения внутри страны, а также всеобъемлющее влияние глобализации извне оказывают серьезное воздействие на развитие китайского языка в КНР. Подобные изменения в условиях полиэтнического состава населения и диалектного разнообразия китайского языка касаются и всей языковой ситуации в КНР, что, несомненно, отражается на динамике внесения коррективов в языковую и национальную политику государства.

Актуальность проблемы и степень ее разработанности

В центре внимания данной работы находится целый комплекс социолингвистических проблем. Основной упор в исследовании делается именно на современный период развития языкового строительства в КНР, ознаменованный принятием 1 января 2001 г. первого в истории государства Закона об общегосударственном языке и письменности, совпавшего по времени со вступлением Китая в новое тысячелетие.

В последнее время наблюдается повышенный интерес к вопросам языкового строительства и языковой политики КНР, в первую очередь, со стороны самих китайцев, которые в силу полиэтнического состава своего населения, а также значительного диалектного разнообразия на своей территории осознают важность разумной сбалансированной политики в отношении языков и уделяют ей серьезное внимание, а также со стороны зарубежных исследователей, занимающихся изучением соответствующих аспектов социолингвистики в разных странах. В данном контексте на современном этапе назрела необходимость в рассмотрении современной языковой ситуации в КНР, анализе успехов и неудач в языковом планировании в КНР в XXI в., оценке перспектив языковой политики КНР, а также исследовании динамики развития языков страны.

На протяжении всей китайской истории в языковой политике государства прослеживаются разные направления языкового строительства, вызванные стремлением создать «систему лингвистических связей» [Софронов 1979: 3]. Изначально эти направления включали контроль за развитием иероглифической письменности и официального письменного языка вэньянь, и впоследствии – распространение путунхуа и разработку транскрипционной системы записи иероглифов. Однако наиболее взвешенный подход в отношении развития языков в КНР оно приобрело за последние десятилетия.

Поскольку в центре внимания данного исследования находится языковая политика и функциональное развитие языков в КНР в XXI в., то нами, прежде всего, представлен анализ деятельности Китая в сфере языковой политики после выхода первого закона о языке и письменности КНР в 2001 г. Данная работа предусматривает анализ новых черт в языковой ситуации и языковой политике в КНР за последние годы на фоне экономического и политического возвышения страны. Тем не менее диссертационное исследование предполагает также рассмотрение социально-коммуникативной системы в Китае в общих чертах в диахронии и синхронии, включая, в частности, и период до XX в., для возможности анализа динамики ситуации до и после перемен в общественно-политическом строе страны, ознаменованных падением монархии и провозглашением республики в результате Синьхайской революции 1911 г.

Наибольшее освещение вопросы языковой политики в Китае получили в трудах китайских и зарубежных лингвистов конца XX – начала XXI вв. [см. Дай Цинся 1994; Ли Юймин 2001, 2010, 2015; Чэнь Пин 2004; Роберт Каплан и Ричард Балдауф 2008; Чжао Шоухуэй 2008 и др.]. Среди работ этой тематики следует отметить докторскую диссертацию Ван Сянъюя «Современная языковая политика в Китае. Политический аспект» («当代中国语言政策分析», «Дандай чжунго юйянь чжэнцэ фэньси»), посвященную современной языковой политике КНР с политологической точки зрения [Ван Сянъюй 2014].

Среди российских ученых наибольший вклад в изучение языковой политики в Китае внесли исследователи О.И. Завьялова (2010 – 2016), А.А. Москалев (1981, 1992), А.Л. Семенас (1998) и М.В. Софронов (1978 – 1993). Непосредственно период латинизации иероглифической письменности в первой половине XX в. описан в работе возглавлявшего Комиссию по латинизации китайской письменности при Институте востоковедения Академии наук СССР В.М. Алексеева (1932). Языковой политике Китая во второй половине XX в. в историческом аспекте посвящено диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук В.А. Клиновского (2012).

На сегодня существенным источником знаний о современной языковой политике КНР являются аналитические отчеты о языковой ситуации («中国语言生活状况», «Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан») представителей Государственной языковой комиссии Китая, организованной в 2004 г. с целью мониторинга языковой политики своей страны во всех сферах, включая образование, печать, СМИ, телевидение и Интернет. Отчеты ежегодно издаются в Китае с 2005 г. и содержат подробное исследование наиболее актуальных социолингвистических проблем в КНР с использованием статистических данных, законов, публикаций и другого ценного с точки зрения вопросов языковой ситуации и языковой политики материала. Вместе с монографиями выдающегося китайского лингвиста, заместителя директора Государственной языковой комиссии Китая, заведующего отделом по вопросам языка министерства образования КНР Ли Юймина отчеты также составляют неоценимую теоретическую базу китайской социолингвистики, которая, укрепив свои позиции, выходит в XXI в. на новый уровень. В настоящее время в рамках внешней языковой политики КНР Инновационным центром исследований языков и культур граничащих с Китаем стран Пекинского университета языка и культуры (北京语言文化大学中国周边语言文化协同创新中心) запущен проект, направленный на изучение языковой ситуации в соседних государствах, что, в свою очередь, свидетельствует о повышенном интересе со

стороны Китая к опыту языкового строительства в других странах, что, с социолингвистической точки зрения, способно повлиять на языковую политику в самом Китае и компетенцию владения китайскими гражданами языками соседних стран. Проект подразумевает предоставление аналитических отчетов о языковой ситуации в том или ином соседнем государстве с привлечением иностранных исследователей. С российской стороны в проекте принимает участие Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук. Данное диссертационное исследование также проводится в рамках этого проекта.

Научная новизна работы заключается в попытке представить типологию языковой ситуации и языковой политики в КНР, установить динамику функционального развития языков в КНР с момента принятия в 2001 г. Закона об общегосударственном языке и письменности с применением методик и инструментария российских социолингвистов на конкретном языковом материале. В рамках исследования также проведено составление словника основных терминов, принятых в китайской социолингвистике.

Несмотря на то, что языковой вопрос в Китае всегда был актуальным, его исследование в рамках взвешенной государственной языковой политики началось лишь в 80-е гг. XX в. Появление социолингвистики в этот период можно связать с провозглашением политики реформ и открытости на 3-м пленуме Коммунистической партии Китая в 1978 г., ознаменовавшем собой новый этап в китайской истории и начало построения «социализма с китайской спецификой» («中国特色的社会主义»). Кроме того, данный период, положивший конец масштабным репрессиям Мао Цзэдуна против оппозиции в ходе так называемой «культурной революции» (1966-1976 гг.), позволил Китаю включиться в процесс глобализации. В это время становятся доступными результаты исследований иностранных социолингвистов, что позволяет Китаю подробно ознакомиться с данным направлением лингвистики.

Особое внимание в работе уделяется китайской социолингвистической терминологии, поскольку появление устойчивой терминологии способно свидетельствовать об определенной степени развитости того или иного научного знания. Стоит отметить, что в Китае до сих пор отсутствует терминологический словарь, содержащий социолингвистическую лексику, что делает полезным данное социолингвистическое исследование, и, в частности, его приложение, содержащее список наиболее часто встречающихся в китайской литературе социолингвистических терминов с переводом на русский язык. Кроме того, представленное в работе сопоставление российского толкования того или иного социолингвистического понятия с его аналогом в китайской социолингвистике, предполагающее наличие определенных расхождений как следствие разных социолингвистических школ, позволяет глубже понять специфику языковой ситуации в КНР.

Данное диссертационное исследование также ставит задачей проведение сравнительного типологического анализа структурной модели языковой политики, а также классификации типов языковой ситуации в КНР в XXI в. с использованием различных подходов к исследованию языковой ситуации и языковой политики, представленных в работах российских социолингвистов (В.М. Алпатова, В.А. Виноградова, Ю.Д. Дешериева, А.И. Коваль, В.Ю. Михальченко, Л.Б. Никольского, В.Я. Порхомовского, А.Д. Швейцера и др.). В работе делается упор именно на типологию российских исследователей, как на наиболее приближенную к китайской языковой ситуации в силу ее ориентированности на полиэтническое государство.

Важной частью диссертационной работы является также анализ количественных и качественных параметров функционального развития языков КНР на материале полевых социолингвистических обследований, проведенных нами в Китае в период с 2014-2016 гг. Обследования включали опрос среди китайских информантов различного этнического происхождения (наибольшее число информантов неханьского этноса составили представители монгольской национальности, в основном проживающие на территории автономного района

Внутренняя Монголия), разных социальных групп (студенты, интеллигенция, рабочие), проживающих в разных частях КНР (что имеет принципиальное значение в силу указанных диалектных различий в китайском языке), о степени владения и сферах использования путунхуа и иностранных языков. Среди последних особое внимание в нашем исследовании получил русский язык как язык международного общения.

Цель работы заключается в том, чтобы представить наиболее полную картину языковой ситуации и языковой политики в КНР, проводимой в настоящее время, проанализировав динамику в сравнении с прошлыми тенденциями, а также обозначить степень функционального развития языков на территории КНР.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач исследования*:

- определить степень изученности функционального развития языков в Китае как в китайской, так и в зарубежной социолингвистике;

- исследовать социально-коммуникативную систему КНР в синхронии и диахронии;

- проанализировать языковую политику КНР в синхронии и диахронии;

- апробировать социолингвистическую типологию российских социолингвистов применительно к языковой политике и языковой ситуации в КНР на современном этапе;

- представить модель языковой политики и классифицировать языковую ситуацию в КНР в XXI в. с использованием социолингвистических параметров;

- выделить ключевые задачи языковой политики КНР в контексте языкового законодательства;

- проанализировать функциональную дистрибуцию языков КНР, при этом особое внимание уделить роли миноритарных языков, а также иностранных языков, в частности, русского языка в социально-коммуникативной системе КНР;

- проанализировать роль китайского языка в языковом самосознании проживающих на территории КНР национальных меньшинств;

- наметить перспективы избранной КНР стратегии в отношении языковой политики в настоящее время;

- представить общие выводы по современной языковой ситуации в КНР.

Объект исследования – это языковая политика и функциональное развитие языков в КНР. Кроме того, в центре внимания исследования находится социолингвистика с китайской спецификой.

Предметом исследования являются законодательные акты, статистические данные, архивные материалы, полученный в ходе обследований языковой материал и другие источники, отражающие все аспекты языкового вопроса в КНР.

Основные материалы исследования. Важной теоретической основой исследования послужили труды российских социолингвистов В.М. Алпатова, Н.Б. Вахтина, Е.В. Головко, Ю.Д. Дешериева, В.Ю. Михальченко, Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера,и др. Основные русскоязычные источники включают также труды В.М. Алексеева, О.И. Завьяловой, А.А. Москалева, М.В. Софронова, энциклопедию «Духовная культура Китая» [ред. М.Л. Титаренко, том 3, 2008], статьи журналов «Общество и государство в Китае», «Проблемы Дальнего Востока» и т.д. В основе описания и толкования социолингвистических понятий и терминов лежат данные Словаря социолингвистических терминов под ред. В.Ю. Михальченко [Словарь 2006].

Китайские источники включают имеющие отношение к функционированию языков в КНР законодательные акты, прежде всего, действующую Конституцию КНР, Закон об общегосударственном языке и письменности от 1 января 2001 г.; статьи ученых Китайской академии общественных наук, журналов «Национальные исследования» («民族研究», «Миньцзу яньцзю»), «Прикладная лингвистика» (“Applied Linguistics”), «Журнал китайской социолингвистики» (“The Journal of Chinese Sociolinguistics”), «Китайский журнал о языковой политике и языковом планировании» (“Chinese Journal of Language Policy and Planning”), «Журнал о языковом планировании» (“Journal of Language Planning”) и др. Теоретической основой среди китайских источников послужили работы

Дай Цинся «Введение в социолингвистику» («社会语言学教程», «Шэхуэй юйяньсюэ цзяочэн», 1993), «Язык и этнос» («语言和民族», «Юйянь хэ миньцзу», 1994), «Введение в социолингвистику» под ред. Дай Цинся («社会语言学概论», «Шэхуэй юйяньсюэ гайлунь», 2014), «Проблемы языков народов Китая» Ван Юаньсиня («中国民族语言学论纲», «Чжунго миньцзу юйяньсюэ луньган», 1994), «Введение в социолингвистику» под ред. Ю Жуцзе и Цзоу Цзяяня («社会语言学教程», «Шэхуэй юйяньсюэ цзяочэн», 2016), «Социолингвистика» Лиу Баоцзюня («社会语言学», «Шэхуэй юйяньсюэ», 2016). Основным источником современных знаний о языке и обществе в Китае послужил труд Ли Юймина «Языковая ситуация в Китае» в трех томах («中国语言规划论», «Чжунго юйянь гуйхуа лунь», 2010; «中国语言规划续论», «Чжунго юйянь гуйхуа сюлунь», 2010; «中国语言规划三论», «Чжунго юйянь гуйхуа сань лунь», 2015), а также ежегодные аналитические отчеты о языковой ситуации в Китае. Кроме того, активно привлекались различные статистические данные: перепись населения КНР, данные национального статистического бюро КНР (中华人民共和国国家统计局 / National Bureau of Statistics of the People's Republic of China) и Государственной комиссии по языку.

Среди англоязычных работ следует отметить сборник трудов «Языковое планирование и политика в Азии» под ред. профессора Университета Квинсленд (Австралия) Ричарда Балдауфа и профессора Университета Южной Калифорнии Роберта Каплана (“Language Planning and Policy in Asia”, 2008), в котором представлены статьи китайских ученых о ситуации в Китае; работу профессора Гонконгского и Сиднейского университетов Линды Тсунг «Языки меньшинств, образование и сообщества в Китае» (“Minority Languages, Education and

Communities in China", 2009), «Энциклопедию Китая» от издательства "Berkshire" под ред. профессора Вашингтонского университета Чэн Линьсуня (Berkshire Encyclopedia of China: Modern and Historic Coverage of the World's Newest and Oldest Global Power, 2009), работу профессора Университета имени Адама Мицкевича в Познани (Польша) Марии Курпаски «Язык(и) Китая: взгляд сквозь призму великого китайского словаря диалектов» ("Chinese Language(s). A Look through the Prism of the Great Dictionary of Modern Chinese Dialects", 2010) и другие, связанные с социолингвистическим аспектом исследования языков в Китае, труды зарубежных ученых.

Таким образом, источники знаний о языковой ситуации в Китае в XXI в. в основном представлены на китайском и английском языках. Интересно, что во многих обнаруженных источниках на английском языке (книгах американских, немецких и других мировых издательств), авторами или редакторами являются проживающие за рубежом исследователи китайского происхождения.

Методология и методы исследования

Методологической основой данного диссертационного исследования является комплексный аналитический подход при интерпретации результатов исследования, подразумевающий рассмотрение функционального развития языков КНР с социолингвистической, психологической и политологической точек зрения. Социолингвистический подход в работе предполагает учёт социальных и лингвистических факторов в функциональном развитии языков КНР, анализ уровня языковой компетенции разных социальных групп, проживающих на территории государства.

Значимое место в данном диссертационном исследовании занимают социолингвистические методы исследования, что обусловлено характером работы. Среди существующих методов (непосредственное наблюдение, анкетирование (опрос), интервьюирование, анализ документальных источников, тестирование) мы отдали предпочтение анкетированию, которое, будучи одним из наиболее широко используемых средств социолингвистического обследования, в сочетании с использованием статистического аппарата для анализа полученных данных

позволяет выявлять закономерности и анализировать уровень функционального развития языков, их витальность в КНР, что непосредственно входит в основные задачи данной работы. Вопросы, представленные в анкетах, можно разделить на вопросы общего характера (предоставляющие общую информацию об участнике опроса: возраст, пол, национальность, род деятельности), вопросы о месте рождения и родном/материнском языке информанта и его родителей, а также вопросы, непосредственно имеющие отношение к уровню владения информантом путунхуа и иностранными языками и основным сферам употребления этих языков. В анкетировании принимали участие представители различных социальных групп: студенты, интеллигенция, рабочие. Все анкеты делились на три группы: для взрослых граждан, студентов любых специальностей (с упором на информацию о владении иностранными языками) и студентов-русистов (с упором на информацию о владении русским языком и факторам, побудившим информанта к его изучению). Кроме того, для подтверждения результатов полученных анкетных данных и соответствующих выводов нами также применялся метод устной беседы с информантами с китайской стороны, в частности, с профессорами и аспирантами Пекинского университета языка и культуры. В результате общее число информантов составило около 400 человек. Кроме того, анализ полученных результатов учитывал также опыт социолингвистических исследований китайских ученых в отношении функционального развития языков КНР, а также данные, полученные российским социолингвистом А.Н. Биткеевой в ходе исследований 2005-2006 гг. среди ойратов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Ознакомиться со структурой применявшихся в опросе анкет можно в Приложении 3 данного диссертационного исследования.

Анализ данных социолингвистического исследования осуществляется с использованием статистического метода. Язык рассматривается как общественное явление, функциональное развитие которого неразрывно связано с изменениями, происходящими в обществе. Применение комплексного аналитического подхода, основанного на сопоставлении количественных и качественных показателей функционирования языков с учетом демографических, социально-экономических,

культурных и других факторов, позволило получить наиболее полное представление о языковой ситуации в КНР.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что данное исследование вносит определенный вклад в разработку теоретических положений социолингвистики, в частности, в изучение языковой политики и языковой ситуации в полиэтническом государстве. Языковой материал, собранный в ходе социолингвистического обследования, послужит основой для дальнейшей разработки и уточнения фундаментальных понятий социальной лингвистики, таких как «языковая ситуация», «языковая политика», «миноритарный язык» и др. Кроме того, изучение факторов, влияющих на функциональное развитие языка в различных социальных условиях, может оказаться полезным в определении наиболее эффективных методов осуществления функциональной дистрибуции языков в масштабах государственного планирования.

Практическая значимость диссертационной работы обусловлена тем, что языковой материал исследования способствует уточнению социолингвистической классификации языков мира. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы государственными и общественными организациями КНР и РФ при выработке стратегии языковой политики в полиэтническом государстве, разработке законодательных актов и т.д.

На защиту выносятся следующие *положения*:

– функциональное развитие языков в КНР в различных сферах коммуникации дифференцировано и находится в определенной зависимости от экстралингвистических факторов, а также от ключевых задач общегосударственной политики;

– китайский язык играет важную роль в формировании этнического самосознания населения КНР, прежде всего, ханьцев, несмотря на значимые структурные расхождения в диалектах китайского (особенно при сопоставлении северных и южных диалектов), а главное, способствует национальному единству в условиях полиэтнического состава населения;

– специфика языковой ситуации Китая, как и прежде, заключается в значительном разнообразии диалектов китайского языка, которые по своим лингвистическим особенностям могут претендовать на роль самостоятельных идиомов;

– языковая политика современного Китая обусловлена стремлением государства предоставить свободу развития диалектов китайского языка и языков национальных меньшинств на фоне распространения нормированного языка путунхуа;

– в рамках современной языковой политики КНР наблюдается как положительная, так и отрицательная динамика в функциональном развитии языков на территории государства;

– функциональная дистрибуция языков в КНР характеризуется доминированием путунхуа во всех сферах социально-коммуникативной системы КНР;

– в условиях расширения сфер употребления языков одних национальных меншинств (монгольский, уйгурский, тибетский и др.) происходит ассимиляция других языков численно недоминирующих этносов (языки народностей шэ, гэлао, тутзя и др.);

– функциональное развитие иностранных языков в стране по-прежнему является незначительным, тем не менее в настоящее время в Китае отмечается большая степень открытости к их изучению;

– роль русского языка в Китае вновь усиливается на фоне укрепления российско-китайских связей на международной арене.

Объем и структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений. Во введении обосновывается выбор темы исследования, его научная значимость, указываются основные материалы исследования и прочие данные, необходимые для получения общего представления о работе.

Первая глава включает основные теоретические положения, которые легли в основу исследования и способствовали решению поставленных задач. В частности, рассматривается проблема изучения развития языков в Китае в китайской и зарубежной социолингвистике, анализируются основные источники материала, сопоставляются результаты деятельности ученых разных стран в изучении данного вопроса.

Представленный в первой главе сопоставительный анализ ключевых терминов российской и китайской социолингвистики, отражающих специфику языковой ситуации РФ и КНР, придает дополнительную значимость данной работе.

Вторая глава посвящена характерным особенностям языковой ситуации в КНР в синхронии и диахронии, отдельное внимание уделяется вопросам языкового законодательства, непосредственно отражающего основные направления языковой политики КНР. В конституциях Китайской Республики, принимавшихся с 1912–1947 гг., отсутствует какое-либо обращение к проблеме языка, как и само слово «язык». Все упоминания о нем в законодательном акте относятся к 1949 г. При этом первой из форм языка, статус которой был закреплен конституционно, стали языки национальных меньшинств (см. Ст. 53 действующей Конституции КНР, 1982). Первым законом о языке в КНР стал Закон об общегосударственном языке и письменности от 1 января 2001 г. В главе представлен анализ основных имеющих отношение к языковым вопросам законодательных документов и положений КНР, тексты которых доступны в Приложении 2 данного исследования.

Содержание второй главы диссертации отражает постепенное изменение приоритетов языковой политики в Китае с течением времени. Кроме того, в данной главе представлена классификация моделей языковой политики и типов языковых ситуаций в современном Китае на основе критериев, выделенных в работах российских социолингвистов.

Отдельный раздел главы посвящен социальным функциям путунхуа и языков нацменьшинств в КНР в сферах регламентируемого и нерегламентируемого общения как отражения языковой политики государства.

Третья глава данного диссертационного исследования нацелена на исследование языкового разнообразия Китая в количественном и качественном аспекте, а также функционального развития языков в контексте языковой политики китайского правительства на материале проведенных нами социолингвистических обследований. В главе рассматривается функционирование иностранных языков в Китае, особое внимание уделяется вопросу распространения русского языка, с одной стороны, как языка русской диаспоры, проживающей на территории КНР, и как иностранного языка, с другой. В частности, речь идет о его использовании в разных сферах общения, преподавании русского языка в КНР, а также уровне владения русским языком разных социальных групп. Этот вопрос наиболее актуален в настоящее время, когда отношения между Россией и Китаем вышли на новый уровень, и изучение русского языка в Китае становится почти столь же популярно, как и в советские времена.

Освещение вопроса функционирования языков в КНР, а также оценка успешности политики, направленной на распространение путунхуа, включает анализ анкетных данных, полученных в результате опроса граждан, проживающих на территории различных субъектов КНР.

В приложениях к данному диссертационному исследованию содержатся, во-первых, социолингвистический глоссарий, основанный на терминологии, встречающейся в китайских источниках; во-вторых, апробированные в ходе исследования анкеты, и, в-третьих, тексты законодательных актов КНР, имеющих отношение к языку.

Апробация работы

Материалы диссертации обсуждались на заседаниях Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (2013–2016 гг.), а также в ходе реализации совместного проекта

Центра с Инновационным центром исследований языков и культур граничащих с Китаем стран Пекинского университета языка и культуры (2014–2016). Основные положения исследования были изложены на следующих всероссийских и международных конференциях:

– Международная конференция «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире», НИЦ НЯО ИЯз РАН, 16 – 19 сентября 2014 г., г. Москва;

– VI Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир», Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, 29 сентября – 3 октября 2014 г., г. Ялта;

– "The 2nd Forum on China's Neighboring Languages and Countries", Beijing Language and Culture University, 5–6 декабря 2014 г., г. Пекин, Китай;

– "Language and Impact" conference, the Centre for Applied Linguistics; the University of Warwick; 9 –11 апреля 2015 г., г. Ковентри, Великобритания;

– Международная научно-практическая конференция «Современный испанский язык в глобализированном мире», РУДН, 21–22 апреля 2015 г., г. Москва;

– Международная научная конференция «Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова», Институт востоковедения РАН, 22–23 апреля 2015 г., г. Москва;

– Международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания», МГИМО, 24–25 апреля 2015 г., г. Москва;

– Международный круглый стол «Функциональное развитие языков в полиэтнических странах мира: Россия – Вьетнам», 26–27 октября 2015 г., г. Ханой, Вьетнам;

– Всероссийский научный семинар «Основы полевого социолингвистического исследования: теория и практика», КалмГУ, 27-30 сентября 2016 г., г. Элиста.

По результатам исследования опубликовано 15 статей, из которых 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ.

ГЛАВА 1
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ КНР В КИТАЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

Язык как основное средство общения является центральным объектом изучения языкознания, в рамках же социолингвистики язык рассматривается в совокупности с его социальной природой, его общественными функциями и экстралингвистическими факторами. Следовательно, любые изменения в языке, особенности его развития как в синхронии, так и в диахронии, представляют определенный интерес для ученых-социолингвистов.

В эпоху глобализации на фоне усиления международных контактов, развития Интернета, возможностей СМИ и т.д. происходит активное воздействие на язык, который с течением времени начинает меняться. Подобные изменения могут происходить стихийно, а могут происходить в результате сознательного воздействия общества на язык. Так или иначе, взаимосвязь между языком и обществом остается неразрывной, что подтверждается устойчивым развитием социолингвистики как самостоятельной области научного знания.

Достигнув определенных успехов в странах Запада и СССР, а затем и РФ как правопреемнице последнего, социолингвистика не обошла стороной и Китай, в котором, как и в любом полиэтническом и многоязычном государстве, вопросы развития языка неразрывно связаны с социальными факторами и по сей день требуют принятия адекватных решений.

1.1. Особенности китайской социолингвистики

Социолингвистика, как отдельная отрасль научных знаний о языке в обществе, укрепив позиции в странах Запада и в России, постепенно получила свое развитие и в Китае, что представляется вполне естественным для государства с наибольшим числом жителей и весьма непростой языковой ситуацией, требующей взвешенного подхода.

«Нет языка, который мог бы существовать вне общества, следовательно, нет языка, который бы под воздействием общества не подвергался тем или иным изменениям», – отмечает китайский лингвист Чэнь Сунцэнь в книге «Изучение вариативности языка» («研究语言变异», «Яньцзю юйянь бяньи»), посвященной описанию основных языковых закономерностей в рамках прикладной лингвистики и социолингвистики [Чэнь Сунцэнь 1999: 45]. В настоящее время в КНР серьезное внимание уделяется изучению развития языков и языковых явлений в рамках социолингвистического научного знания. Однако для того, чтобы проследить динамику, необходимо разобраться, когда возникла социолингвистика как самостоятельное научное знание в Китае, определить основные этапы ее развития, объекты исследования, оценить состояние в настоящее время и перспективы ее развития на территории КНР в будущем.

Социолингвистика, будучи сравнительно молодым научным знанием, получила распространение на территории Китая лишь в 80-е гг. XX в. Такой временной период определен не случайно: как отмечается во многих источниках, социолингвистика, как отдельная наука, возникла в КНР лишь после начала проведения политики реформ и открытости («改革开放»), провозглашенной на 3-м Пленуме КПК КНР в 1978 г. [Лю Лия 2015: 36; Бай Гэ, Ду Минь 2011: 145]. При этом все ученые сходятся во мнении, что основным фактором, препятствовавшим более раннему развитию социолингвистики в стране, послужила культурная революция 60-х – 70-х гг. XX в.

Тем не менее истоки социолингвистических учений прослеживаются в Китае еще со времен сражающихся царств («战国») с V по III вв. до н.э., когда китайские ученые в своих исследованиях описывали феномен взаимодействия языка и общества, что нельзя не учитывать при описании развития социолингвистических учений в Китае. Китайский философ Сунь Цзы стал одним из первых, кто размышлял о связи предмета и его названия, языка и мышления, о социальной сущности языка [Бай Гэ, Ду Минь 2011: 145]. Дай Цинся также

обращает внимание на то, что взаимосвязь языка и общества отмечали еще в древнем Китае, тем не менее по его словам, «подобные наблюдения были еще далеки от научного знания» [Дай Цинся 2000: 10].

По мнению Дай Цинся, «Китай является сокровищницей для социолингвистических исследований» [Дай Цинся 2000: 9]. Действительно, будучи полиэтническим и многоязычным государством, КНР является неисчерпаемым источником знаний для данного научного знания: сложная система диалектов китайского языка, проблема стандартизации литературного китайского языка, как в устной, так и в письменной форме – все эти вопросы повлияли на возникновение интереса к социолингвистике в Китае в XX в.

Еще до начала осуществления языковых реформ в начале 50-х гг. XX в., направленных на стандартизацию языка, распространение путунхуа и внедрение транскрипционной системы пиньинь (подробнее см. Главу 2), китайские ученые столкнулись с рядом проблем, вызванных необходимостью учета социальных факторов, оказывавших влияние на развитие диалектов китайского языка, языков национальных меньшинств и т.д. Уже в первой половине XX в. появляются труды китайских лингвистов, посвященные языковой политике и языковым реформам в стране в рамках движения за национальный язык, предпосылками которого стало «движение 4 мая».

Множество диалектов, складывавшихся на протяжении длительного периода в пределах языковых общностей, и другие социальные факторы, так или иначе, приводят к необходимости учитывать языковую ситуацию, сложившуюся в различных частях страны в зависимости от используемого языка или диалекта и условий его функционирования. Стандартизация китайского языка, иероглифической письменности и другие реформы в отношении языка требовали анализа большого объема информации, отражавшей взаимосвязь языка и общества. Так, в первой половине XX в. в центре внимания ученых оказываются вопросы социолингвистики. Однако последовавший в 1960-е гг. период «культурной революции», ознаменованный правительственной борьбой с ревизионизмом, обернулся массовой репрессией представителей интеллигенции,

что привело к застою в развитии социолингвистики как самостоятельного научного знания до начала периода реформ и открытости 80-х гг. XX в., позволившего переосмыслить языковую политику государства уже в рамках социолингвистики. Именно в этот период происходит «пересмотр теоретических подходов к национальной проблеме в целом», поскольку последняя абсолютно не учитывалась в силу «нигилистических взглядов» в годы культурной революции [Москалев 1992: 23].

Основным теоретическим документом, содержащим анализ лингвистической стуации в первой половине XX в., является Декларация Всекитайского съезда движения за национальный язык, написанная китайским просветителем Ли Цзиньси [Ли Цзиньси 1926]. В центре внимания лингвиста оказываются вопросы создания национального языка и разработка письменных средств для его выражения [Ли Цзиньси 1934; 1949]. В 1950 г. выдающийся китайский лингвист Ло Чанпэй издал труд «Язык и культура», в котором в разных аспектах описал связь между языком, обществом и культурой в Китае [Ло Чанпэй 1950]. Также следует отметить книгу «Аспекты китайской социолингвистики» (“Aspects of Chinese Sociolinguistics”, 1976), вышедшую в издательстве Стэнфордского университета на английском языке при поддержке языковой исследовательской группы Пакистана. Издание представляет собой собрание эссе китайского ученого Чжао Юаньжэня, написанных в период с 1943 по 1976 гг. Большинство статей посвящены диалектам, проблемам перевода, структурным особенностям китайского языка. Следует отметить, что большую часть своей жизни Чжао Юаньжэнь провел в США, обучаясь в Корнеллском университете, продолжив образование в Гарварде и затем занимаясь преподавательской деятельностью. Этот факт свидетельствует в пользу влияния западного опыта на научные взгляды ученого.

Китайские исследователи постепенно начинают рассматривать связь между языком и обществом в различных аспектах данного научного знания. Ключевыми объектами изучения становятся диалекты, билингвизм, взаимосвязь языка и культуры, стандартизация языка и др. В 1985 г. было издано «Введение в

социолингвистику» Чэнь Сунцэня [Чэнь Сунцэнь 1985], ставшее первым учебным пособием по социолингвистике. Однако китайские монографии, в которых помимо основных тенденций западной социолингвистики описаны и последние достижения китайской социолингвистики в изучении функционирования языков в КНР, появились относительно недавно [Сю Дамин 1997, Ли Юймин 2010].

При этом довольно сложно установить, когда в китайском языке впервые был употреблен термин «социолингвистика» (社会语言学), ставший калькой с английского термина “sociolinguistics”. В 1978 г. в третьем номере китайского издания «Преподавание языка за рубежом» («外国语教学») была представлена статья китайского лингвиста и преподавателя английского языка Сюй Гочжана под названием «Социолингвистика и другие прикладные науки» («社会语言学及其应用», «Шэхуэй юйяньсюэ цзи ци инъюн»), впоследствии вошедшая в отдельный сборник статей этого автора [Сюй Гочжан 1978;1991]. Несмотря на то, что работа представляла собой значимый труд в истории китайской социолингвистики, как отмечает Лю Баоцзюнь, после выхода в печать она не привлекла должного внимания со стороны китайских лингвистических кругов [Лю Баоцзюнь 2016: 14]. В результате в китайских источниках можно встретить информацию о том, что термин «социолингвистика» впервые появился в работе 1980 г. китайского лингвиста Чэнь Юаня «Жизнь языка и общества – социолингвистические заметки» («语言与社会生活 – 社会语言学札记», «Юйянь юй шэхуэй шэнхо – шэхуэй юйяньсюэ чжацзи») [Чэнь Юань 1980].

По мере распространения социолингвистики на территории Китая проводились новые исследования языков и социального взаимодействия различных культур народов страны. Исследователи Бай Гэ и Ду Минь выделяют три основных периода развития современной социолингвистики в Китае: 80-е гг., 90-е гг. XX века и начало XXI в. соответственно [Бай Гэ，Ду Минь 2011:146–147].

Первый период, с начала 1980-х гг., ознаменовал собой возникновение интереса к

социолингвистике за счет трудов вышеупомянутого китайского языковеда Чэнь Юаня «Язык и общество – социолингвистические заметки» («语言与社会生活 – 社会语言学札记», «Юйянь юй шэхуэй шэнхо – шэхуэй юйяньсюэ чжацзи») и «Социолингвистика» («社会语言学», «Шэхуэй юйяньсюэ»), изданных в 1980 г. и в 1983 г. соответственно [Чэнь Юань 1980; 1983]. В данных трудах поднимаются следующие вопросы: язык и общество, в рамках которого язык рассматривается как социальное явление и основное средство общения; проблема «загрязнения языка» (语言污染) посредством «абсорбирующей функции языка» (语言的吸收功能) за счет иностранных заимствований и пиджина как показателя «пика загрязненности языка» (语言污染的«顶峰»); язык и мышление, язык и этнос, влияние общественных изменений на лексику. В работах представлены как теоретические представления о данных явлениях, основанных на опыте зарубежных социолингвистов, так и их практическая реализация в условиях социальных изменений в Китае. Таким образом, исследования лингвиста легли в основу зарождавшейся на территории Китая социолингвистики в качестве самостоятельного научного знания [Бай Гэ, Ду Минь 2011:146].

Среди других работ, представляющих ценность для развития социолингвистики в данный период, Бай Гэ и Ду Минь отмечают «Диалекты и китайская культура» («方言与中国文化», «Фанъянь юй чжунго вэньхуа») [Ю Жуцзе, Чжоу Чжэньхэ 1986], «Новый взгляд на язык, культуру и общество» («语言文化社会新深», «Юйянь вэньхуа шэхуэй синь шэнь») [Чэнь Цзяньминь 1989]. Появляются работы, основанные на переводе западных трудов, в частности «Сборник переводов по социолингвистике» («社会语言学译文集», «Шэхуэй юйяньсюэ ивэньцзи») [Чжу Ваньцзинь 1987]. В декабре 1987 г. Исследовательский институт лингвистики Китайской академии общественных

наук, учрежденной в конце 80-х гг. XX в., провел «Первый симпозиум по социолингвистическим исследованиям» («首届社会语言学言论会», «Шоуцзе шэхуэй юйяньсюэ яньлунь хуэй»), способствовавший усилению интереса к данной дисциплине со стороны лингвистов Китая [Бай Гэ, Ду Минь 2011: 146]. В симпозиуме приняли участие более 80 ученых со всей страны и было представлено около 70 работ, в центре внимания которых находились такие вопросы, как объект, область применения, методы социолингвистики. В этот же временной отрезок публикуется «Атлас языков Китая» («中国语言地图集» «Чжунго юйянь дитуцзи»), включающий в себя набор карт, отражающих территорию распространения диалектов и языков меньшинств в Китае, а также пояснительную информацию по языкам Китая [Language Atlas of China 1987]. Данный труд представляет собой результат совместной научной деятельности Китайской академии общественных наук и Австралийской академии гуманитарных наук, что вновь свидетельствует о западном влиянии на развитие социолингвистики в Китае. В действительности, данная работа представляет собой беспрецедентный труд, результаты которого, как отмечается в предисловии к Атласу, «ранее не были представлены не только за границей, но и отсутствовали в самом Китае» [Language Atlas of China 1987].

Второй период развития социолингвистических учений на территории Китая, согласно Бай Гэ и Ду Миню, относится к 90-м гг. XX в. Этот этап ознаменован «подъемом» китайской социолингвистики, что подтверждается большим количеством опубликованных трудов, содержащих результаты социолингвистических исследований [Бай Гэ, Ду Минь 2011:146]. Среди основных трудов отмечаются «Социолингвистика» («社会语言学», «Шэхуэй юйяньсюэ») [Хао Дэсэнь, Дин Синьшань 1990], «Сборник статей по социолингвистике» («社会语言学论丛», «Шэхуэй юйяньсюэ луньцун») [Чэнь Юань 1991], «Китайская социолингвистика» («汉语社会语言学», «Ханьюй

шэхуэй юйяньсюэ») [Сунь Вэйчжан 1991], «Социолингвистические очерки» («社会语言学概论», «Шэхуэй юйяньсюэ гайлунь») [Чжу Ваньцзинь 1992], «Введение в социолингвистику» («社会语言学教程», «Шэхуэй юйяньсюэ цзяочэн») [Дай Цинся 1993], «Языковые контакты и языковой союз» («轮语言接触与语言联盟», «Лунь юйянь цзечу юй юйянь ляньмэн») [Чэнь Баоя 1996], «Современная социолингвистика» («现代社会语言学», «Сяндай шэхуэй юйяньсюэ») [Сю Дамин 1997], «Социолингвистика в Китае» («中国社会语言学», «Чжунго шэхуэй юйяньсюэ») [Го Си 1997] и др. В указанных трудах на фоне общих теоретических обозрений проблем социолингвистики на основе опыта зарубежных исследователей представлены вопросы китайской социолингвистики, такие как билингвизм, двуязычие, диалекты, миноритарные языки и т.д. Проблема билингвизма, двуязычного образования среди представителей национальных меньшинств оказываются в центре внимания таких работ, как «Исследования билингвизма среди национальных меньшинств Китая» («中国少数民族双语研究论集», «Чжунго шаошу миньцзу шуанъюй яньцзю луньцзи») [под ред. Фо Тинсюня 1990], «Проблемы языков народов Китая» («中国民族语言学论纲», «Чжунго миньцзу юйяньсюэ луньган») [Ван Юаньсинь 1994], «Язык и этнос» («语言和民族», «Юйянь хэ миньцзу ») [Дай Цинся 1994], «Сборник трудов по языкам этносов Китая» («中国民族语言论丛», «Чжунго миньцзу юйянь луньцун») [отв. ред. Нин Юя 1996]. Тем не менее в силу недостаточно развитых международных связей в этот период социолингвистика представляет собой некую «модель развития лингвокультурологии» [Сю Дамин 2006:123]. Эту проблему описывает в своем труде и Дай Цинся: в период укрепления позиций социолингвистики в

Китае китайские ученые разделились на тех, кто воспринимал социолингвистику как часть культурологии, и тех, кто утверждал обратное [Дай Цинся 1993: 11]. Таким образом, если сравнить особенности возникновения социолингвистики в других странах, то можно заметить следующее: в США и Великобритании социолингвистика возникла на стыке лингвистики, социальной психологии и культурной антропологии; во Франции данная отрасль научного знания сформировалась на стыке лингвистики, социологии и философии [Вахтин, Головко 2004: 13], в России – на стыке лингвистики и социологии, а в Китае социолингвистика, сформировавшись на стыке лингвистики и культурологии, могла остаться в качестве модели лингвокультурологии, если бы не перешла на следующий этап развития.

Третий период развития социолингвистики в Китае относится к настоящему времени, когда, завершив период становления, социолингвистика переходит к дальнейшему развитию уже в качестве самостоятельного научного знания. Как отмечают Бай Гэ и Ду Минь, если прежде лингвокультурология оказывала воздействие на развитие социолингвистики, то, начиная с 2001 г., социолингвистика стала рассматриваться в качестве самостоятельного научного знания, в центре внимания которого оказались языки сообществ, развитие языков, языковые контакты, билингвизм и другие социолингвистические задачи [Сю Дамин 2006: 12; Бай Гэ, Ду Минь 2011: 147].

Вступление в новое тысячелетие ознаменовало начало очередного периода развития китайской социолингвистики. Новый этап был обозначен выходом 1 января 2001 г. Закона об общегосударственном языке и письменности КНР (中华人民共和国国家通用语言文字法), что свидетельствует о повышении интереса к языковым вопросам на государственном уровне. Также в 2002 г. в Пекине была проведена Первая международная конференция по китайской социолингвистике (首届社会语言学国际学术研讨会) с последующей организацией Ассоциации китайской социолингвистики и изданием журнала «Социолингвистика в Китае»

(“Journal of Chinese Sociolinguistics”) в 2003 г. [Xu Daming 2015: 96]. В феврале 2003 г. в Макао возникло социолингвистическое сообщество, а в июне того же года в Нанкинском университете – «Социолингвистическая лаборатория» («社会语言学实验室»), основанная на опыте и методах исследования Социолингвистической лаборатории Пенсильванского университета США, которая наряду с аналогичной лабораторией Оттавского университета Канады является ведущей в мире [Сю Дамин 2006: 125].

В процессе осуществления языковых реформ в любом полиэтнисеском государстве необходимо учитывать этнопсихологию, культуру и другие черты народностей, проживающих на территории государства. Языковые реформы XX в. в КНР, включавшие стандартизацию и унификацию китайского языка, стали актуальными в связи с острыми социальными проблемами в китайском обществе, прежде всего, нерешенной проблемой массовой неграмотности среди населения. Поскольку по официальным данным в Китае проживает 56 народностей, игнорирование социолингвистических факторов способно негативно сказаться на языковом строительстве и сопутствующих реформах. Во время реформ 50-х гг. XX в. необходимо было осознать роль китайского языка и языков национальных меньшинств в жизни их носителей, и решению этих вопросов способствовали социолингвистические исследования. Как отмечает лингвист Дай Цинся, в ходе языковых реформ, имеющих отношение к национальным языкам, невозможно не учитывать социолингвистический фактор, влияющий на развитие языка, будь то этнопсихология народа, условия функционирования языка, культура народа и т.д. [Дай Цинся 2000: 169]. В условиях многонационального состава населения Китая, в котором представители всех этносов с большой любовью относятся к своему языку и письменности, любое действие, направленное на угнетение того или иного языка, будет рассматриваться как направленное против самого народа [Дай Цинся 2000: 170]. Таким образом, нельзя забывать, что язык, как социально обусловленное явление, может выполнять как консолидирующую, так и дезинтегрирующую функцию. Так или иначе, социолингвистика в Китае активно

развивается, что особенно заметно в масштабах глобализации. Стремительное развитие данной научной дисциплины также принято связывать с изменениями в китайском обществе.

В центре внимания современной китайской социолингвистики находятся следующие вопросы: билингвизм, языковая ситуация в стране в целом (с учетом особенностей языковой ситуации на территории Гонконга, Макао и Тайваня) и, прежде всего, вопросы языкового планирования и языковой политики, направленной на поддержание стабильности в государстве в условиях многонациональности населения. Кроме того, интерес для исследователей представляют вопросы микросоциолингвистики, например, изучение городского языка на фоне активного процесса урбанизации в масштабах индустриализации всего государства [Бай Гэ, Ду Минь 2011: 148]. Сегодня в условиях стремительного развития экономики Китая, усиления его позиции на международной арене перед государством стоят задачи сохранения достигнутого статуса, что невозможно без поддержания стабильности внутри самого государства без единения всех входящих в него народностей. В настоящее время китайские ученые активно вовлечены в процессы языкового строительства, сопровождающегося ежегодной публикацией аналитических отчетов о результатах языковой политики и языковой ситуации в Китае с 2005 г. («中国语言生活状况报道», «Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баодао»), которые являются свидетельством тщательно продуманной реформаторской деятельности с учетом социолингвистических факторов. В 2007 г. издательство The Commercial Press выпустило книгу «Языки китая» («中国的语言», «Чжунго дэ юйянь») под ред. Сунь Хункая, Ху Цзэнъи, Хуан Сина. В 2008 г. был издан «Атлас диалектов китайского языка» («汉语方言地图集», «Ханьюй фанъянь дитуцзи»), а в 2012 г. – переработанный вариант «Атласа языков Китая» (《中国语言地图集》 «Чжунго юйянь дитуцзи») с учетом данных последнего десятилетия. В 2010 г. издаются

книги по языковому строительству в Китае («中国语言规划论», «Чжунго юйянь гуйхуа лунь»; « 中 国 语 言 规 划 续 论 », «Чжунго юйянь гуйхуа сюлунь») выдающегося китайского лингвиста, главного редактора вышеупомянутых ежегодных отчетов о языковой ситуации в Китае Ли Юймина. Последняя книга из этой серии («中国语言规划三论», «Чжунго юйянь гуйхуа сань лунь») вышла в 2015 г. В настоящее время данные труды являются основополагающими для всех, кто интересуется языковой политикой в КНР. Теоретические и практические аспекты социолингвистики представлены в таких современных периодических изданиях, как «Журнал китайской социолингвистики» (“The Journal of Chinese Sociolinguistics”), «Китайский журнал о языковой политике и языковом планировании» (“Chinese Journal of Language Policy and Planning”), «Журнал о языковом планировании» (“Journal of Language Planning”) и др.

Функциональное развитие языка обусловлено особенностями исторического развития общества, состоянием экономики, общественно-политической жизни, а также социальной и профессиональной дифференциацией общества [Дешериев 1977: 211]. Таким образом, «функциональная сторона языка под воздействием социальных факторов постоянно находится в движении» [Биткеева 2006: 17]. Следовательно, наблюдая за тенденциями в функциональном развитии языка того или иного государства, можно заметить определенную динамику. При этом источником положительной динамики принято считать развитие общественных функций языка [Дешериев 1977: 186]. Китайская социолингвистика также не обходит стороной вопрос функционального развития языка (语言功能的发展). При этом в китайских источниках отмечается, что функциональное развитие языка оценивается по следующим критериям: степень распространения языка (使用量), т.е. число говорящих; формы языка (устная и письменная); сферы функционирования языка (语言的活动场) [Чэнь Цигуан 1988: 77–78]. В то же

время в российском понимании функциональное развитие языка зависит непосредственно от последнего указанного фактора – сфер функционирования. Подобное расхождение можно объяснить различием между русским и китайским языком, иероглифическая письменность которого не отражает фонетической стороны языка. Следовательно, в связи с отрывом письменной формы китайского языка от устной, взаимодействие этих форм является важнейшим условием функционального развития языка, а вместе с тем и одним из основных вопросов языковой политики КНР. Поэтому если в сознании носителя русского языка понятие «язык» ассоциируется одновременно с устной и письменной формой, а в случае отсутствия последней именуется «бесписьменным языком», то в китайском языке понятия «язык» (语言) и «письменность» (文字) разграничиваются, как, например, в названии Закона КНР об общегосударственном языке и письменности от 1 января 2001 г. (中华人民共和国国家通用语言文字法).

Важность исследования функционального развития языка как отдельного аспекта признается китайскими учеными. На протяжении длительного периода в китайских исследованиях, посвященных языку, вопрос функционального развития языка значительно уступал структурному изучению языка, однако для улучшения социолингвитических исследований этот аспект было необходимо усилить. Особенно это касалось изучения функционального развития языков национальных меньшинств Китая, которому до образования КНР не придавалось значения, вследствие чего знания о языковой ситуации среди национальных меньшинств были весьма ограничены. В первые годы после образования КНР, в частности, в период с 1956 по 1960 гг. в стране проводится масштабное исследование языков национальных меньшинств, в котором проблеме функционального развития языков не уделялось должного внимания [Дай Цинся 2015: 2]. В настоящее время данному социолингвистическому аспекту в КНР придается значение, что отражено в ежегодных аналитических отчетах о

языковой ситуации в КНР, а также трудах китайских социолингвистов. Среди последних работ стоит отметить результаты исследования, проведенного с 2012 – 2014 гг. Пекинским центральным университетом национальностей под руководством лингвиста Дай Цинся, посвященного функциональному развитию языков национальных меньшинств в отдельных районах южной провинции КНР Юннань.

Таким образом, за более чем три десятилетия с момента возникновения социолингвистики в Китае данное научное знание прошло три этапа: зарождение, становление и развитие, что признается многими лингвистами [Го Си 1997]. Следует отметить, что за столь небольшой срок китайская социолингвистика достигла значительных успехов и в настоящее время продолжает активно развиваться как самостоятельно, так и за счет международных контактов с социолингвистами других стран.

1.2. Исследование аспектов китайской социолингвистики в зарубежной социолингвистике

Социолингвистическая теория, как и языкознание в целом, не может функционировать в рамках одного государства: ее развитие во многом зависит как от возможности обмена научным опытом между исследователями социолингвистики в разных странах, так и от анализа языковой ситуации в том или ином государстве даже при невысокой степени развитости в нем социолингвистики. Интерес к развитию языков в Китае в китайской и зарубежной социолингвистике возрос с момента возникновения этой науки в КНР, т.е. в 80-е гг. XX в., когда, благодаря провозглашенной политике реформ и открытости, страна начинает активное взаимодействие с внешним миром, что, с одной стороны, дает стимул к развитию социолингвистических учений внутри страны за счет изучения международного опыта в этой сфере, а с другой, позволяет зарубежным социолингвистам получить представление о языковой ситуации в Китае. Кроме того, в силу того факта, что социолингвистика в Китае возникла

позже, чем в СССР или в странах Запада, представители иностранных социолингвистических кругов уже обладали арсеналом социолингвистических методов и достаточным опытом для самостоятельного проведения анализа языковой ситуации как непосредственно в 80-е гг. XX в., так и во время культурной революции и предшествующих периодов. Таким образом, в своих трудах зарубежные ученые описывают развитие языков в Китае не только в 80-е гг., но и десятилетиями раньше, еще до возникновения социолингвистики как таковой на территории Китая, представляя картину развития языков в Китае в диахронии.

В центре внимания советских лингвистов вопросы взаимодействия языка и общества в Китае оказались еще в 30-е гг. XX в. Так, уже в 1932 г. вышел первый советский труд, посвященный китайской диалектологии [Драгунов, Драгунова 1932]. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в трудах А.Г. Шпринцина, посвященных русско-китайскому пиджину пограничных районов, также упоминаются китайские диалекты [Шпринцин 1968, 1972]. Следует отметить, что русско-китайский пиджин, сформировавшийся в результате языковых контактов на российско-китайской границе, впоследствии также привлекал внимание российских социолингвистов в рамках описания процессов пиджинизации [Дьячков 1987; Головко, Беликов 1994; Беликов 1998]. В 1960-е гг. появляются труды С.Е. Яхонтова, посвященные классификации китайских диалектов и их географическому распространению [Яхонтов 1966, 1967]. Начало изучения дунганского языка было положено А.А. Драгуновым, Е.Н. Драгуновой, Е.Д. Поливановым и Ю. Яншансином в 30–40-е гг. XX в., а в 70-е гг. XX в. О.И. Завьялова провела исследование, основанное на сопоставлении дунганского с диалектами северо-западной части Китая с применением метода лингвогеографии и экспериментальной фонетики [Завьялова 1973]. В период с конца 1970-х – начала 1990-х выходит шеститомное издание, посвященное этнической истории китайцев в разные периоды, в котором М.В. Софроновым и коллективом ученых затрагиваются проблемы этнического самосознания китайцев, диалектов китайского языка, вопросы функционирования языков,

развития национального языка и т.д. [Софронов, Крюков, Малявин, Переломов, Чебоксаров 1978–1993]. Примечательна также монография М.В. Софронова «Китайский язык и китайское общество», в которой автор представил анализ реформ языка и письменности в Китае [Софронов 1979].

Значительный вклад в изучение диалектов китайского языка и их ареального распространения вложили Е.Б. Астрахан и О.И. Завьялова [Астрахан, Завьялова, Софронов 1985]. В ходе последующих исследований китайской диалектологии О.И. Завьяловой удалось установить прежде неизвестную границу разделения фонологических явлений в китайских диалектах, проходящую вдоль хребта Цинлин и реки Хуайхэ [Завьялова 1982, 1996].

В отношении изучения развития языков в Китае в рамках национальной политики КНР со стороны российской социолингвистики необходимо отметить работы советского китаеведа А.А. Москалева «Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949–1978)» и «Национально-языковое строительство в КНР (80-е гг.)», изданных в 1981 и 1992 годах соответственно [Москалев 1981, 1992].

Среди современных трудов российских лингвистов в отношении вопросов языковой политики КНР следует отметить «Языковую политику в КНР (80–90-е годы)» А.Л. Семенас [Семенас 1998], «Языковую ситуацию и языковую политику в КНР» и «Большой мир китайского языка» О.И. Завьяловой [Завьялова 2010]. Вопросы языковой политики Китая упоминаются также в труде А.Н. Биткеевой в отношении языковой общности ойратов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Внутренней Монголии КНР [Биткеева 2006]. Результатом серьезного труда российских синологов в XXI в. стала энциклопедия в шести томах «Духовная культура Китая», подготовленная учеными Института Дальнего Востока Российской академии наук под редакцией М.Л. Титаренко, А.И. Кобзева и А.Е. Лукьянова, впоследствии удостоившихся государственной премии РФ «за выдающиеся достижения в развитии российского и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной академической энциклопедии» [официальный сайт Президента РФ].

В приложении к «Атласу языков Китая», изданному в 1987 г. совместно с Китайской академией общественных наук и Австралийской академией гуманитарных наук, отмечается, что «во всем мире проявляется интерес к языковой ситуации в Китае» [Language Atlas of China 1987]. Факт привлечения австралийской стороны к разработке фундаментального труда, включающего 35 подробных карт распределения китайских диалектов и языков национальных меньшинств, подтверждает данное высказывание.

В 1992 г. во время международной конференции по китайской лингвистике в Сингапуре была организована Международная ассоциация китайской лингвистики (International Association on Chinese Linguistics), которая на ежегодной основе проводит подобные конференции в различных странах (см. официальный сайт Международной ассоциации китайской лингвистики http://www.iacling.org/). Как отмечается на сайте Пекинского университета языка и культуры, ежегодные конференции ассоциации являются «главным событием для ученых и студентов, интересующихся китайским языком и смежными отраслями знаний» [http://iacl24.blcu.edu.cn/].

Интерес к функциональному развитию языков в КНР со стороны зарубежных исследователей в настоящее время подтверждается изданием англоязычной версии упомянутых выше аналитических отчетов о языковой ситуации в КНР, а также других книг по этой тематике немецким издательством “De Gruyter” [Language Situation in China: Vol. 1 (2013), Vol.2 (2014), Vol. 3 (2015); Language Planning in China (2015), Language Policies and Practices in China (2015)]. Описание языковой ситуации, языковой политики и других вопросов китайской социолингвистики нередко представлено в западных изданиях с привлечением китайских лингвистов: краткое описание социолингвистической ситуации в Китае представлено китайским лингвистом Сю Дамином в книге под ред. американских авторов Дика Спакмена и Патрика Хайнриха “Globalizing Sociolinguistics: Challenging and Expanding Theory” (2015 г.), информацию о Китае можно найти в серии книг “Language Planning and Policy. Language Planning in Local Contexts” (под ред. Anthony J.Liddicoat, Richard B. Baldauf Jr. 2008), интерес также

представляет собрание статей “Language Policy in the People’s Republic of China. Theory and Practice since 1949” [Zhou Minglang 2004] о языковой политике в КНР, “Planning Chinese Characters. Reacting, Evolution or Revolution?” [Zhao Shouhui 2008] о вопросах языкового планирования в отношении китайских иероглифов, “Modern Chinese. History and Sociolinguistics” [Chen Ping 2004] о языковой политике Китая в отношении языка и письменности со времен династии Цин и др. вышедшие за последнее десятилетие издания на английском языке. Тем не менее следует отметить, что в большинстве социолингвистических работ зарубежных изданий, за исключением англоязычных версий китайских изданий, как правило, основное внимание уделяется практической стороне вопроса, тогда как теоретическая основа китайской социолингвистики оказывается в стороне.

Таким образом, мы можем отметить определенный интерес к опыту языкового планирования в Китае со стороны зарубежных и российских лингвистов, которые стремятся выявить плюсы и минусы данного опыта, сопоставить с опытом своей страны и прийти к определенным выводам. В свою очередь, открытость Китая к внешнему миру, которая наиболее ярко проявляется в XXI в. с развитием технологий, упростивших доступ к китайским источникам, способствует активному взаимодействию социолингвистов на международном уровне, позволяет обмениваться опытом и вовлекает в разработку оптимальных средств и путей для наилучшего развития языка в обществе.

В данной работе мы планируем сквозь призму российской социолингвистики рассмотреть принципы исследования языковой ситуации и языковой политики китайских социолингвистов.

1.3. Сопоставительный анализ терминологического аппарата китайской и российской социолингвистики

В отличие от естественных наук, терминологический аппарат которых, как правило, содержит эквиваленты во многих языках, терминологическая лексика гуманитарных наук под влиянием того или иного общества в рамках различных

течений одного и того же научного знания способна варьироваться в разных языках и иметь различную интерпретацию внешне схожего понятия. Терминология социолингвистики в определенной степени отражает развитие научных взглядов в этой сфере научного знания [Кириленко 2015: 149]. Поскольку социолингвистика как наука в Китае возникла позже, чем на Западе или в Советском Союзе, то вполне естественно, что понятийный аппарат китайской социолингвистики в основном вобрал в себя уже сформировавшиеся в мировом социолингвистическом сообществе термины. В то же время нельзя не учитывать как специфику языковой ситуации и языковой политики в Китае, так и типологическую специфику самого китайского языка, т.е. факторы, определяющие особую интерпретацию подходов к пониманию социолингвистического терминологического аппарата.

В контексте типологической специфики языка уместно отметить особенности процесса заимствования лексики в китайский язык (Подробнее о заимствованиях в современном китайском языке см. Голик М.Я. «Язык интернет-СМИ как отражение сознательного воздействия общества на язык в эпоху глобализации (на материале заимствованной лексики в английском, русском и китайском языках)» // Вопросы филологии № 3–4 (48). – М.: 2014. – С. 142 – 152.). А.Л. Семенас выделяет четыре способа заимствования:

1) фонетический, передающий звучание заимствованной лексики в исходном языке;

2) гибридный способ семантически-фонетического характера за счет объединения китайской морфемы и фонетического заимствования;

3) способ объединения фонетического заимствования с родовым словом;

4) семантический способ, передающий смысловое значение слова [Семенас 2005: 213].

Рассмотрим основополагающие термины российской и китайской социолингвистики. В первую очередь, сам термин «социолингвистика» (社会语言学) в китайском языке представляет собой семантическое заимствование из

английского языка: 社会 «общество» + 语言学 «лингвистика». Термин имеет одинаковое значение как в китайском, так и в русском языке, а именно обозначает науку на стыке языкознания и социологии.

Понятия, которые в российской социолингвистике выражены такими терминами как «родной язык» (понимаемый нами как первый язык, усвоенный человеком с рождения) и «материнский язык», в китайском варианте в основном выражаются термином « 母 语 » (букв. «материнский язык»), аналогично подразумевающим под собой язык, который человек усваивает в детстве и, как правило, это стандартизованный вариант или диалектная форма языка определенной национальности [Ли Юймин 2010: 21; Ли Юймин 2015: 18]. Также в отношении языка национальности, проживающей на определенной территории, употребляется термин « 本 族 语 » (букв. «язык данной национальности»), аналогичный английскому термину “vernacular language”. Однако в связи с существованием разветвленной диалектной системы китайского языка, а также большого числа проживающих на территории КНР этносов, в китайской социолингвистике наблюдается противопоставление вышеуказанного термина «материнский язык» (母 语) термину «материнский диалект» (母 言 , букв. «материнская речь»), в котором последний более точно характеризует привычное для российской социолингвистики значение термина «родной язык». Ли Юймин объясняет потребность в разграничении данных терминов психологической особенностью носителей диалектов в качестве родного языка （母语） указывать общенациональный язык [Ли Юймин 2010: 26]. Как и в российской социолингвистике, в китайской социолингвистике признается тот факт, что функционально первый язык (第一语言) по ряду причин не всегда совпадает с родным языком.

Проблема разграничения диалекта и самостоятельного языка общепризнанно является сложной задачей лингвистики. Говоря о диалектах

китайского языка, как и о понятии диалекта в целом, следует учитывать существование разных подходов к интерпретации данного понятия. Существует ряд критериев, способных разделить понятия «язык» и «диалект» со структурной точки зрения с одной стороны и с социолингвистической с другой. Зачастую результаты данных классификаций противоречат друг другу. В отношении китайских диалектов уместнее именно социолингвистическая классификация, включающая в себя этническую общность, самоидентификацию носителей идиома и другие критерии (подробнее см. Главу 2). При сравнительном анализе интерпретации понятия «диалект» российской и китайской социолингвистикой следует отметить, что китайское понимание аналогично российскому и в большинстве случаев приближено к понятию «территориальный диалект», поскольку китайский термин «方言» в буквальном переводе означает «местная речь» и, как правило, относится к устной форме существования языка на ограниченной территории. Тем не менее в китайских трудах можно встретить и разграничение диалектов на территориальные (地域方言), социальные диалекты/социолекты (社会方言), а также временные/темпоральные диалекты (时间方言) [Ли Юймин 2010: 5].

Аналогично с российской социолингвистикой китайская разделяет понятия «билингвизм» / «двуязычие» и «диглоссия». Билингвизм (双语, букв. «два языка») относится к двум разным языкам, используемым человеком или языковым сообществом, тогда как термин диглоссия (双言, букв. «две речи») имеет отношение к использованию диалекта наряду с общеупотребительным вариантом языка [Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014: 3]. Как российские, так и китайские социолингвисты противопоставляют данным понятиям термины «монолингвизм» / «одноязычие» (单语) и «моноглоссия» (单言) соответственно.

Одним из ключевых терминов социолингвистических исследований таких многонациональных государств как РФ (а прежде и СССР) и КНР является «национальное меньшинство» (少数民族). Однако наблюдаются некоторые расхождения в понимании данного термина. Согласно Ст. 1 Федерального закона РФ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации от 1999 г., к малочисленным народам относятся народы, насчитывающие «менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [Закон о гарантиях прав…1999]. В результате среди общего числа народностей, проживающих на территории РФ (около 200), в соответствии с единым перечнем коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г., лишь 40 относятся к национальным меньшинствам. В КНР из 56 официально признанных народностей все, кроме народности хань, составляющей 91,6 % всего населения, относят к национальным меньшинствам. Однако, как отмечает автор статьи «Возникновение и развитие понятия “национальное меньшинство” в Китае с 1905 по 1937 гг.» Ян Сыцзи, восприятие понятия «языковое меньшинство» не основано лишь на численном преимуществе ханьцев, а образовано за счет смешения идеологии антиманьчжурской революционной теории в конце правления династии Цин; идеологии, содержащейся в европейских документах по защите национальных меньшинств; а также коммунистической идеологии [Ян Сыцзи 2012: 1].

Следует отметить, что расхождения в понимании некоторых терминов (например, национальное меньшинство) в российской и китайской социолингвистике обусловлено, с одной стороны, различиями в языковой ситуации РФ и КНР, в свою очередь обусловленными разными демографическими и социальными показателями, проблемой диалектного разнообразия китайского языка и т.д., а с другой стороны, отличиями в направлениях языковой политики РФ и КНР, к примеру, признания китайцами за всеми нациями, кроме ханьской, статуса национального меньшинства без

отдельного выделения титульных наций, присущего языковой политике РФ. Последнее, в свою очередь, вытекает из различного государственного устройства РФ и КНР, обусловленного отличиями в национально-языковой политике государств.

Такие понятия социолингвистики, как «языковая политика» (语言政策), «языковая ситуация» (语言生活状况) и «языковое планирование» (语言规划) не вызывают споров в интерпретации российской и китайской социолингвистики и вполне сопоставимы.

Термин «языковая жизнь», имеющий аналог в китайском языке («语言生活»), как отмечают сами китайские лингвисты, не столь распространен в западной социолингвистике и часто заменяется более конкретными терминами типа «языковая ситуация», «функциональное развитие языка» и т.д., тогда как в китайской социолингвистике он является ключевым [Го Си, Чжу Сяохун 2016: 24]. Стоит отметить, что аналогичный термин является основополагающим в японской социолингвистике (яп. вариант gengo-seikatsu) с момента основания школы языкового существования в Японии в 40- х гг. XX в., сформировавшейся независимо от исследований западных или советских социолингвистов [Алпатов 2008: 50]. При этом наибольшее распространение в китайских работах термин приобрел за последнее десятилетие с появлением аналитических отчетов о языковой ситуации в КНР.

Довольно часто в китайских работах по социолингвистике можно встретить термин «экономолингвистика» (语言经济, букв. «языковая экономика»). Данный термин (англ. вариант «economy of language») восходит к трудам американского экономиста Джейкоба (Якоба) Маршака 1965 г. (см. Чжан Вэйго. Экономический анализ языка: обзор» 张卫国 语言的经济学分析: 一个综述 Economic Review № 4, 2011). Несмотря на наличие анализа влияния социально-экономических факторов на языковую ситуацию в том или ином государстве в работах российских

социолингвистов, в русском языке термин используется довольно редко. К примеру, его можно встретить в учебно-методическом комплексе к дисциплине «социолинвистика», преподаваемой на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Из 55 официально признанных в КНР национальных меньшинств 30 – «трансграничные» (跨境民族). Аналогичный термин используется в отношении языков, употребляемых этими этносами, при этом термин «трансграничный язык» (跨境语言) является семантическим заимствованием английского варианта “cross-border language”. Поскольку некоторые народности владеют двумя и более языками, число трансграничных языков превышает число трансграничных народностей [Дай Цинся 2015: 3]. Несмотря на отсутствие аналогичного термина в российской социолингвистике, подобное понятие существует и, как правило, обозначается в качестве языка диаспоры или, в случае отсутствия этнической базы, в качестве импортированных языков.

Проанализировав основную социолингвистическую терминологию Китая, мы приходим к выводу о том, что вся базовая лексика заимствована из английского языка, причем исключительно семантическим методом. Этот факт подчеркивает специфику языкового строя китайского языка и говорит о том, что все необходимые понятия уже присутствуют в китайском языке, и носители данного языка не склонны «засорять» его иностранными фонетическими заимствованиями, не всегда понятными китайцам, привыкшим к семантической связи иероглифов с обозначаемым понятием. Такой подход к тому же является отражением языковой политики КНР, направленной на сохранение «чистоты» языка.

В заключение стоит отметить, что социолингвистика как отдельное научное знание сформировалось в КНР в 80-е гг. прошлого века, при этом данный процесс еще не завершен и остается актуальным и в настоящее время. В связи с этим многие достижения китайской социолингвистики основаны на западном и

советском (российском) опыте в этой сфере. Тем не менее в условиях специфики китайского языка и языковой ситуации в КНР данное научное знание приобрело собственные отличительные черты., что подтверждается появлением новых работ, посвященных социолингвистике в КНР, как на китайском, так и на других языках.

ГЛАВА 2
ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КНР В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Языковая ситуация представляет собой «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Словарь: 2006]. Как и в любом государстве, языковая ситуация в КНР менялась с течением времени по мере изменения социально-экономических и политических факторов, поскольку, как известно, «радикальным переменам в общественно-политическом строе и экономическом укладе общества и государства обычно сопутствуют изменения в языковых ситуациях» [Баскаков, Насырова, Давлатназаров 1995: 3]. Для Китая образование Китайской Народной Республики в 1949 г. само по себе ознаменовало подобные перемены, за которыми в стране последовала череда изменений, затронувших все сферы жизни китайских граждан, включая языковую. Культурная революция, негативно сказавшись на общественной жизни в стране, завершилась с наступлением периода политики реформ и открытости, способствовавшего построению «социализма с китайской спецификой», расширению внешних связей КНР. В научной сфере это позволило китайским исследователям ознакомиться с результатами трудов зарубежных ученых, затем последовало становление социолингвистики в Китае, благодаря которой удалось систематизировать анализ языковой ситуации в стране и изменить китайский подход к языковой политике с учетом специфики того или иного региона.

Изменчивость языковой ситуации – это свойство языковой ситуации того или иного региона меняться под воздействием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. В истории КНР эти факторы были обусловлены изменениями приоритетов национального строительства, социально-политическими потрясениями, вызванными, прежде всего, периодом «культурной

революции», последующей сменой политического курса на осуществление «политики реформ и открытости», колебанием отношений между континентальным Китаем и Тайванем, возвращением в состав Китая Гонконга (Сянган) и Макао (Аомынь), а также множеством других факторов, которые будут представлены в данной главе исследования.

Поскольку основной задачей данной главы является анализ языковой ситуации и языковой политики КНР, особое внимание будет уделено типологии языковых ситуаций на территории Китая в контексте языковой политики, осуществляемой правительством КНР в XXI в. В основу данной классификации нами были положены критерии, выделенные российскими социолингвистами А.Д. Швейцером, Л.Б. Никольским и В.А. Виноградовым [Швейцер, Никольский:1987; Виноградов:1990]. Успешность подобного эксперимента представлялась нам реальной в силу влияния опыта национальной и языковой политики СССР в период становления КНР, который обусловил некоторую схожесть в современной языковой ситуации КНР и РФ.

2.1.Типология языковых ситуаций в КНР

2.1.1. Социально-коммуникативная система в КНР (1949–2000 гг.)

Социально-коммуникативная система подразумевает совокупность языковых систем и подсистем, используемых определенным языковым или речевым коллективом и формирующихся в результате взаимодействия групп людей разной социальной и этнической принадлежности [Словарь 2006]. Термин был введен А.Д. Швейцером в работе «Ведение в социолингвистику» 1978 г. как понятие, подчеркивающее системное образование данного явления [Швейцер 1978: 72].

Социально-коммуникативная система как средство удовлетворения коммуникативных потребностей того или иного языкового сообщества является комплексным показателем отношения граждан к тому или иному языку,

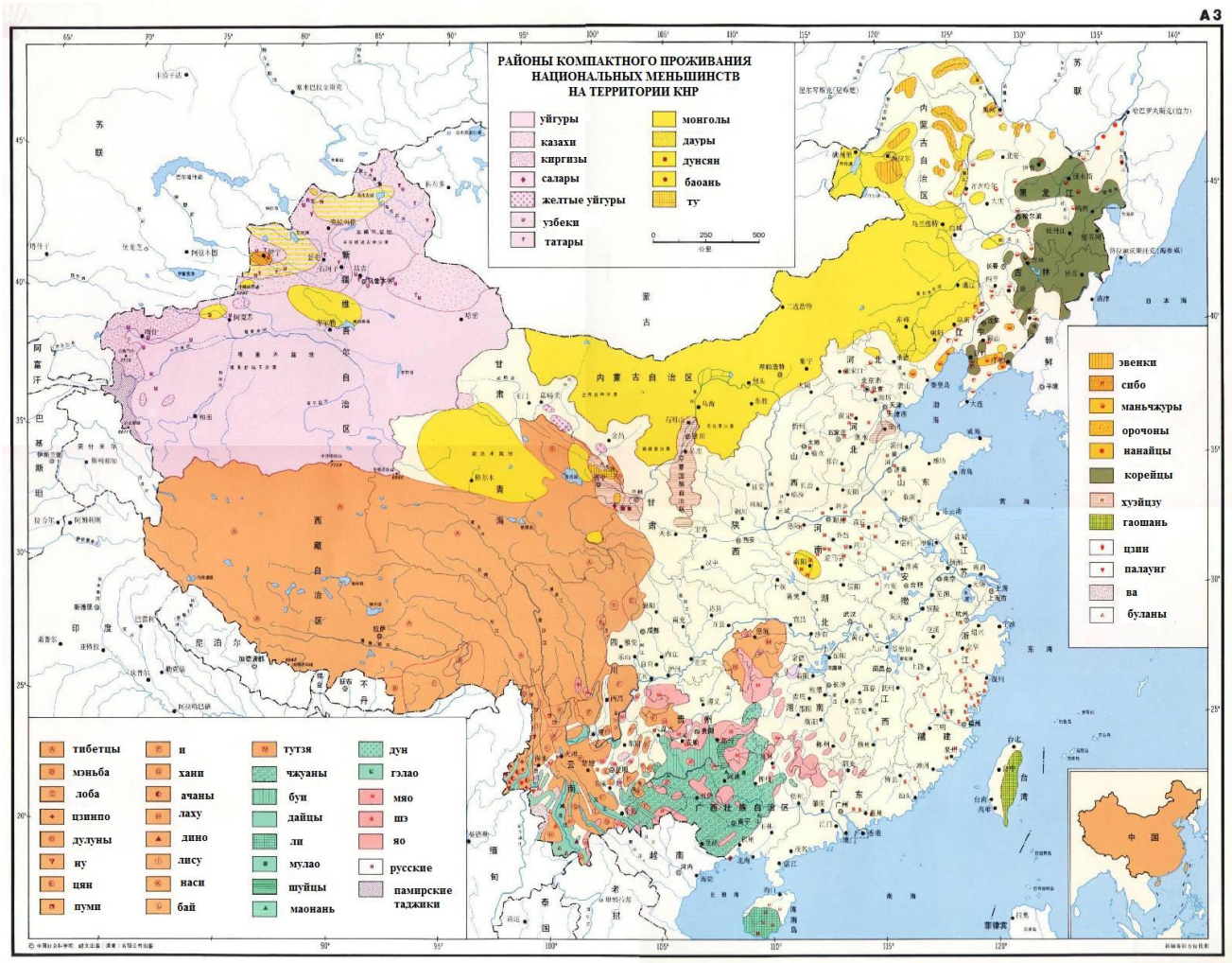
престижности языка, успешности реализуемой языковой политики в государстве и т.д. Языковая ситуация, будучи ядром социально-коммуникативной системы, оказывает на нее непосредственное влияние.

Поскольку языковая ситуация представляет собой сочетание как языковых, так и экстралингвистических компонентов, при анализе подобной ситуации в КНР необходимо учесть как можно больше социальных факторов – демографические показатели, степень этнической однородности, вовлеченность граждан в ту или иную сферу деятельности и т.д. Подобное разнообразие факторов позволяет в нашем анализе языковой ситуации в КНР использовать те, которые, на наш взгляд, кажутся наиболее значимыми в данном контексте.

Прежде чем проводить анализ специфики языковой ситуации и языковой политики КНР, прежде всего, необходимо представить общие положения и дать пояснения по ключевым аспектам, а именно: путунхуа, диалектам китайского языка и языкам национальных меньшинств.

Итак, КНР являет собой яркий пример полиэтнического и многоязычного по составу населения государства, на территории которого, по официальным данным, проживает 56 народностей, из которых 91,6 % населения (1,2 млрд жителей) относятся к народности хань, говорящей на ханьском (китайском) языке. Остальные 55 национальностей, величиной от 3556 (татары) до 16,9 млн граждан (чжуаны), принято относить к национальным меньшинствам, а их языки, соответственно, к языкам национальных меньшинств. При этом следует отметить, что территория компактного проживания представителей национальных меньшинств составляет около 60 % территории всего государства (см. Карта 1).

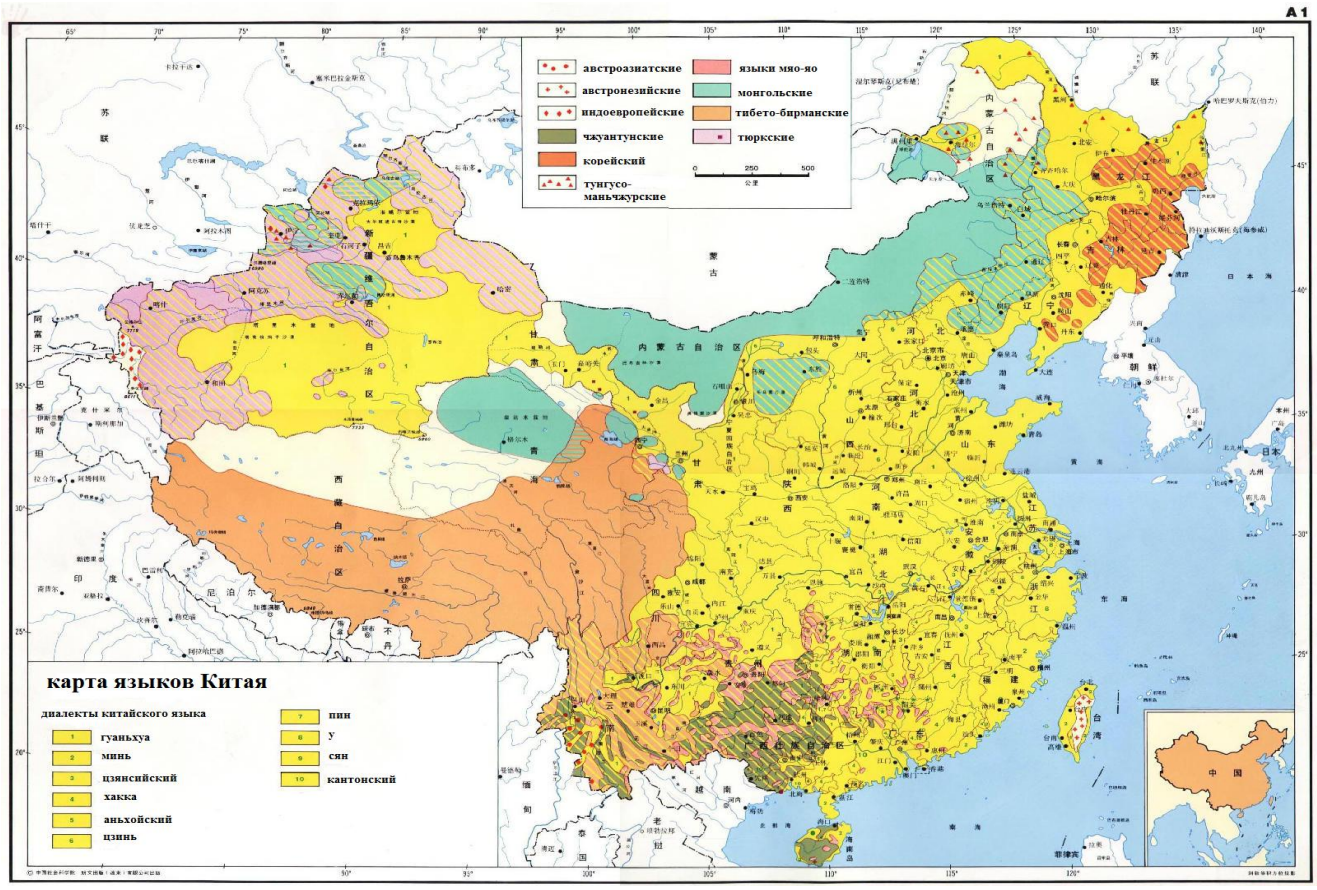
Карта 1. *Районы компактного проживания национальных меньшинств на территории КНР. Источник: Атлас языков Китая («中国语言地图集» «Чжунго юйянь дитуцзи», 1987).*



Общее число языков, функционирующих на территории государства, по разным данным, варьируется от 80 до 300 (см. Карта 2). В соответствии с китайской классификацией [Language Atlas of China 1987; Языки Китая 2007] все языки КНР делятся на сино-тибетские (китайский, тибетский, язык ну, бай и др.), алтайские (монгольские, тюркские, тунгусо-маньчжурские), австронезийские (амисский, язык бунэнь, пайвань), австроазиатские (язык ва, дэан, булан) и индоевропейские (русский, таджикский). При этом варианты классификации языков, предложенные, начиная с 1940-х гг. западными [Benedict 1942] и с конца 1960-х гг. советскими учеными [Яхонтов 1972, 1973], отличаются от китайского подхода по ряду принципиальных моментов. В частности, в китайских работах языки мяо-яо и тай-кадайские включены в состав сино-тибетской семьи, в то время как западные и отечественные лингвисты сходятся во мнении, что эти языки должны быть выделены в отдельные семьи. Гипотетической считается также алтайская семья языков [Баскаков 1981; Котвич 1962; Тенишев 1996]. При

этом 25 народностей, включая ханьцев, используют 33 разновидности национального письма (народы мяо и дай используют четыре вида письма, а лису и цзинпо – два). Кроме того, незначительным числом населения используется древняя письменность народности шуй, чжуанское письмо, письменность народности бай, яо, древние тексты лису, фонетическое письмо мяо [Дай Цинся 1993: 209].

Карта 2. *Карта распространения языков на территории КНР. Источник: Атлас языков Китая («中国语言地图集» «Чжунго юйянь дитуцзи», 1987).*

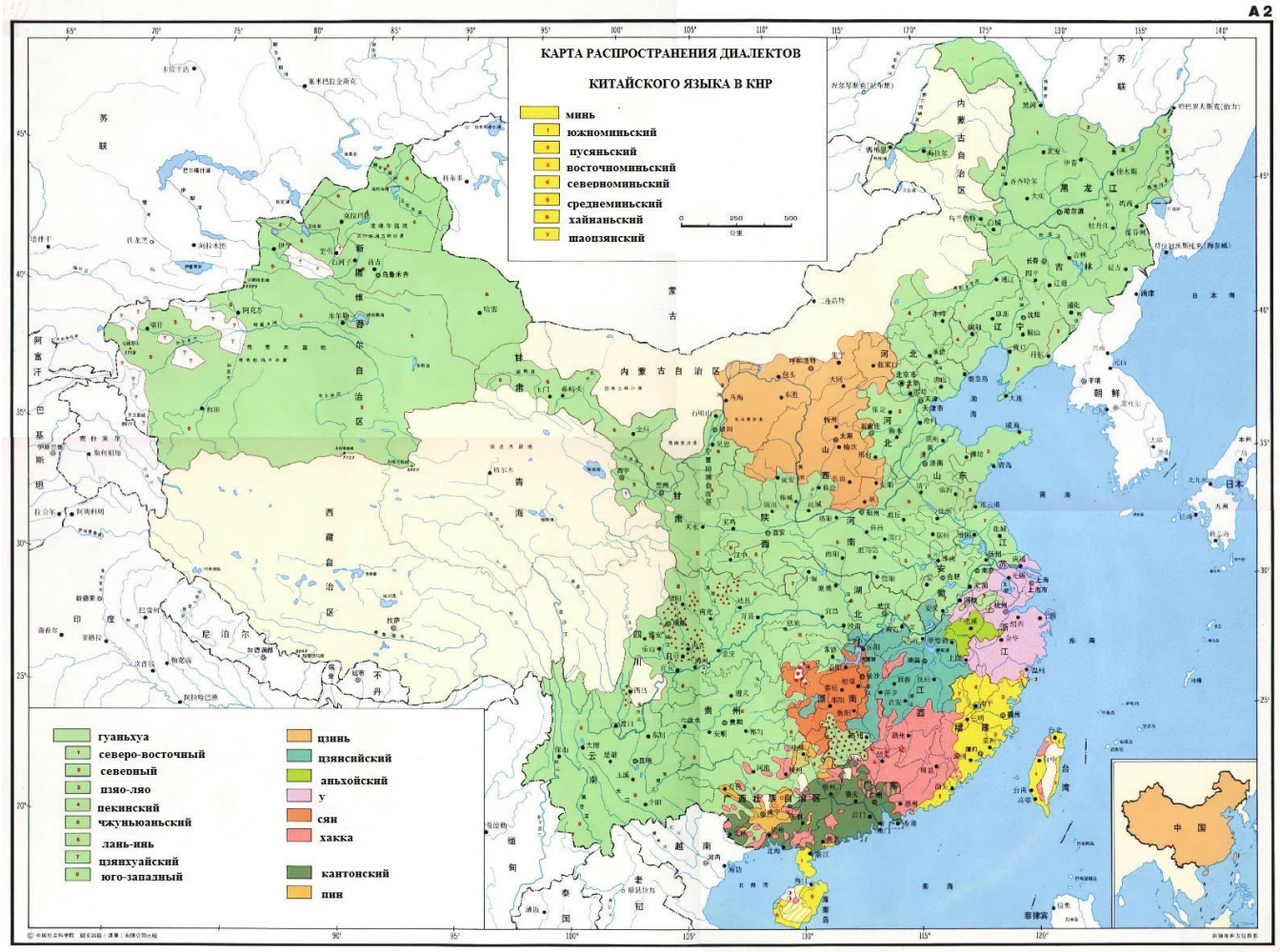


В результате китайский язык, будучи языком большинства населения, выполняет этнообъединяющую роль в КНР. Типологически он относится к сино-тибетской языковой семье, включающей две ветви – синитическую и тибето-бирманскую. Синитическая ветвь включает в себя многочисленные диалекты китайского языка, а самым значительным по числу говорящих тибето-бирманской ветви языков в КНР – тибетский, представляющий собой язык национального меньшинства КНР [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. За всю

историю существования китайской цивилизации китайский язык неоднократно претерпевал изменения, начиная с древнекитайского варианта цзягувэнь (甲骨文) со времен надписей на гадательных костях и черепашьих панцирях, заканчивая современным вариантом путунхуа. При этом значимую роль в развитии китайской культуры сыграл классический вариант китайского языка вэньянь (文言, букв. «письменный язык»), вобравший в себя лексические и грамматические особенности древнекитайских текстов [Завьялова 2014: 84]. Переход на вариант байхуа (白话, букв «понятный язык») в начале XX в. был обусловлен антиимпериалистическим «движением 4 мая» 1919 г., одним из результатов которого стал отход китайской интеллигенции от традиционной культуры и, как следствие, переориентация на разговорный вариант байхуа, который затем лег в основу современного путунхуа в ущерб классическому вэньяню. Тем не менее в настоящее время наблюдается возрождение интереса к китайским традиционным культурным ценностям, что отражается в присутствии элементов вэньяня в современном китайском языке.

Диалектная составляющая любого языка представляет определенный интерес для социолингвистов. Отмечается, что уже к началу XIX в. в Китае были представлены все основные современные группы диалектов китайского языка, формированию которых способствовали контакты местного населения с народами как Юго-Восточной Азии на юге, так и Центральной Азии на севере [Софронов 1993: 224]. В результате в КНР представлен целый комплекс диалектов китайского языка, который своим многообразием заставляет лингвистов спорить относительно лингвистической независимости входящих в него единиц (см. Карта 3).

Карта 3. Карта распространения диалектов китайского языка в КНР. Источник: Атлас языков Китая («中国语言地图集» «Чжунго юйянь дитуцзи», 1987).



Существуют различные подходы к классификации диалектного множества китайского языка, при этом в основе каждого подхода лежат фонетические различия между диалектами. Среди российских лингвистов, внесших вклад в диалектологию китайского языка, следует отметить исследователя О.И. Завьялову, которой экспериментально удалось установить диалектную границу вдоль хребта Циньлин и реки Хуайхэ, которая по сей день признается китайскими исследователями «важнейшим лингвистическим рубежом страны» [http://archive.is/PKKqm#selection-717.594-717.634]. Этот рубеж конкретизировал бытовавшее в западной и китайской литературе «размытое» деление китайских диалектов на северные и южные вдоль реки Янцзы [Завьялова 1996: 9].

В соответствии с классификацией, представленной в Атласе языков Китая, китайский язык включает в себя 10 основных диалектов: гуаньхуа / северные диалекты (官话), у (吴语), минь (闽语), гуандунский/кантонский (粤语), сян (湘语),

цзянсийский (赣语), хакка (客家话), аньхойский (徽语), пин (平语) и цзинь (普语) [Language Atlas of China 1987; 2012]. Иногда выделяют лишь первые семь групп, определяя последние три в качестве диалектных подгрупп. Наибольшей диалектной группой является гуаньхуа, которая охватывает около 70 % всей территории КНР и примерно такое же число говорящих среди китаеязычных граждан [Юань Чжунжуй 2004].

Так или иначе, понятие «диалект» в китайском понимании, о котором мы уже упоминали в Главе 1, вызывает спорные утверждения среди ученых мира. Так, например, Мария Курпаска объясняет отличие китайского «方言» от английского “dialect” отсутствием критерия взаимопонятности в качестве решающего в его понимании и считает китайский термин «попросту непереводимым» [Kurpaska 2010: 1, 2] . В то же время О.И. Завьялова пишет о фонетическом критерии и критерии «возможности/невозможности взаимопонимания между носителями» в качестве основных для классификации диалектов в работе Юань Цзяхуа «Диалекты китайского языка» [Завьялова 1996: 15].

Поскольку в данном исследовании необходимо представить социолингвистическое понимание данной проблемы, рассмотрим диалекты китайского языка с точки зрения социолингвистических критериев, выделяемых Ю.Б. Коряковым [Коряков 2002: 9 – 11]:

- *наличие единой этнической общности, к которой относятся носители данных идиомов*. Носители диалектов китайского языка (汉语 букв. «язык хань») относятся к национальности хань, которая не только составляет 91,6 % всего населения КНР (данные переписи населения КНР за 2010 г.), но и является самой многочисленной национальностью в мире (1,226 млрд чел.).

- *самоидентификация носителей идиома.* Пожалуй, самый значимый критерий в отношении представителей ханьского этноса. Китайская идентичность уходит корнями в историю древнейшей китайской цивилизации и связана с древней традицией воспринимать свое государство как Поднебесную (天下), а

представителей внешнего мира как варваров. Широко известно нежелание хуацяо (华侨), выходцев из Китая, ассимилироваться в местной среде и их стремление к сохранению своей культуры и обычаев. В свою очередь китайский язык и иероглифическая письменность способствовали «непрерывности исторической традиции Китая и, как следствие, становлению важнейшей составляющей китайской национальной идентичности» [Клиновский 2012: 43].

- *взаимопонятность идиомов.* Данный критерий наиболее приближен к лингвистическим критериям разделения языков и диалектов. Китайские диалекты в своем разнообразии не всегда соответствуют данному критерию, особенно это касается различий между северными и южными диалектами, носители которых не способны понимать друг друга в устной форме общения. Вышеупомянутые споры ученых об учете/игнорировании данного критерия являются лишним подтверждением сложности данного вопроса. Тем не менее общность иероглифического письма отчасти помогает преодолеть данную проблему.

- *наличие престижного наддиалектного идиома, воспринимаемого носителями данных идиомов «своим».* В случае КНР данным идиомом является путунхуа, стандартизованный общеупотребительный вариант китайского языка, повсеместное распространение которого отвечает потребностям государственной языковой политики, направленной на сохранение государственного единства.

- *функциональная полноценность идиома*. В отношении китайских диалектов можно говорить о достаточной степени функциональной развитости ряда идиомов, что затрудняет реализацию языковой политики, направленной на языковую унификацию китайского населения.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на соответствие большинству социолингвистических критериев, обретение данными языками статуса диалектов во многом обусловлено именно языковой политикой государства. Следовательно, применение структурных критериев в отношении диалектов китайского языка попросту перевело бы их в разряд отдельных языков и полностью перевернуло бы

представление о языковой ситуации в Китае, которая немыслима без учета самоидентификации носителей китайских диалектов.

Однако, как отмечает В.А. Клиновский, подобная ситуация в отношении диалектов китайского языка сложилась «естественным образом», поскольку «право этих языков на самостоятельность с момента их оформления не признавалось никогда. Ни в Средние века, ни в Новое время, ни в XXI в. в сознании ханьского этноса попросту не возникало идеи разделения китайского языка» [Клиновский 2012: 114]. Тем не менее на наш взгляд, данный факт, напротив, является отражением языковой политики государства как элемента идеологической пропаганды единства китайской нации в его успешном проявлении.

Комплексная система устных языков развивалась «стихийно» и не контролировалась государством, что приводило к дву- и многоязычию среди китайцев [Завьялова 1996: 7]. На фоне разрозненной системы диалектов китайского языка перед правительством КНР встала задача преодоления непонимания между носителями различных диалектов, которые, помимо прочего, способствовали культурному обособлению последних, за счет распространения единого стандартизованного варианта языка, получившего название «путунхуа» (普通话). Термин «путунхуа» в русском языке представляет собой фонетическое заимствование из китайского языка, в переводе обозначающее «общеупотребительный язык». Это устная форма языка, исторически восходящая к «языку чиновников» гуаньхуа, сформировавшемуся на территории Пекина во времена правления династии Юань (1271–1368 гг.) [Завьялова 1996: 10]. Важно отметить, что путунхуа включает в себя фонетическую, лексическую и грамматическую нормы, но не включает представленную в виде иероглифического письма графическую систему, в результате чего в числе приоритетов языковой политики правительства КНР отдельно выделяются распространение путунхуа и стандартизация иероглифики.

Подробнее стоит остановиться и на таком ключевом понятии социально-коммуникативной системы КНР как языки национальных меньшинств. О китайском понимании национального меньшинства мы уже упоминали в Главе 1, однако для более глубокого понимания данной проблемы в рамках социолингвистики необходимо также пояснить и китайское понимание слова «национальность» (民族). Отмечается, что среди большинства китайских ученых и правительственных чиновников оно совпадает с интерпретацией понятия «нация» И.В. Сталина, согласно которому «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Сталин 1946: 296; Dictionary of the Politics…1998: 30]. Следует обратить внимание на то, что в данном понимании нация есть историческое явление, не имеющее отношение к расовой или даже этнической принадлежности и основанное на человеческом самосознании или идентификации, бинарности «свой – чужой», на формирование которой ничто не оказывает такого сильного влияния как язык.

В результате социально-коммуникативная система в первые годы после образования КНР в основном представляла собой совокупность языковых систем, сложившихся еще во времена правления последней императорской династии Цин и включавших в себя следующие типы языков: язык чиновников гуаньхуа, диалекты китайского языка и языки национальных меньшинств.

«В наследство» от гоминьдановского правления правительству Коммунистической партии Китая (далее – КПК) достался неурегулированный вопрос межнациональных отношений между ханьским и неханьским населением. Как отмечает А.А. Москалев, предшествующая чанкайшистская идея ускоренной ханизации/китаизации неханьского населения потерпела крах на фоне национальной программы китайских коммунистов. Тем не менее с приходом к власти КПК проблема межнациональных отношений отодвигалась на второй план, несмотря на ее актуальность [Москалев 1984: 3].

За первые два десятилетия с момента образования КНР в стране было проведено две переписи населения: в 1953 г. и 1964 г. Согласно данным первой переписи населения КНР, проводившейся в 1953 г., население страны составляло 601938035 человек, из которых доля ханьского населения составила 93,94 % от всего населения (547283057 чел.), а неханьского, т.е. представителей национальных меньшинств, – 6,06 % (35320360 человек). При этом выделяли десять основных групп неханьских национальностей с населением свыше 1 млн человек – монголы (蒙), хуэй (回), тибетцы (藏), уйгуры (维哥尔), мяо (苗), и (彝), чжуаны(僮), буи (布依), корейцы (朝鲜), маньчжуры(满). В переписи населения 1964 года общее число граждан составило 723070269 человек, при этом ханьское население составило 94,2 % (651296368), а представители национальных меньшинств – 5,78 % (39883909 человек). Аналогично первой переписи в переписи 1964 года выделялось 10 основных групп национальных меньшинств.

В основе национальной политики КНР изначально лежала советская модель, что было обусловлено общей идеологией и дружественными отношениями между СССР и КНР. Кроме того, Советский Союз обладал несравненным опытом в реализации национальной политики, накопленным с 20-х гг. XX в. на фоне растущего национального гнета, реакционных идей в отношении языков и культуры угнетенных народов среди западных философов, политологов и идеологов [Дешериев 1975: 5 – 6]. Многонациональный СССР избрал собственную модель национальной политики, и в результате «планирование языкового строительства в широких масштабах применительно ко многим десяткам самых различных – по структуре и степени развития социальных функций языков – впервые в истории было организовано в СССР» [Дешериев 1975 : 7].

Кроме того, не следует забывать о значимости административно-территориального деления государства. Как известно, страны с национально-административным делением потенциально более склонны к возникновению

языковых конфликтов, чем страны, где административное деление осуществляется по территориальному признаку. Как и в случае с РФ, а прежде и СССР, КНР в период становления была организована по национально-территориальному принципу, что с тех пор порождает определенные риски и ставит перед языковой политикой государства определенные задачи, поскольку «языковой вопрос наиболее удобен в качестве повода для конфронтации этнических общностей» [Михальченко 2014: 212]. При этом следует обозначить особенность в праве на самоопределение в китайском государственном устройстве: положения о самоопределении национальных меньшинств и о перспективе федеративного устройства Китая в «Избранных произведениях» Мао Цзэдуна при переиздании были заменены фразой «о праве национальных меньшинств на национальную автономию» [Богословский, Москалев 1984: 249]. При этом особенностью национальной автономии КНР считается «чисто административный характер, отсутствие у нее признаков государственности». Более того, в период культурной революции национальная политика Мао Цзэдуна была направлена на ассимиляцию национальных меньшинств, что привело к значительным обострениям межнациональных отношений в КНР [Москалев 2001: 53–73].

За первые десятилетия с момента образования КНР в стране были образованы 5 автономных районов (自治区):

- Внутренняя Монголия (с 1947 г.);
- Синьцзян-Уйгурский (с 1955 г.);
- Гуанси-Чжуанский (с 1958 г.);
- Нинся-Хуэйский (с 1958 г.);
- Тибетский (с 1965 г.).

Исторически сложилось, что территорией компактного проживания наибольшего числа неханьских национальностей стал Гуанси-Чжуанский автономный район, образованный в 1958 г. на юге государства, среди неханьских

национальностей которого преобладали чжуаны. На втором месте по численности неханьского населения при гораздо большей площади территории оказался Синцзян-Уйгурский автономный район. На третьем – территория Внутренней Монголии и, наконец, Тибетский и Нинся-Хуэйский автономные районы соответственно. Однако в процентном соотношении доля представителей национальных меньшинств Тибета намного превысила показатели остальных территориальных образований КНР, составив более 96 % от общего населения [см. Москалев 2001].

Естественно, что общая культурно-историческая территория в условиях компактного проживания автохтонных национальностей Китая способствовала сохранению общих черт их материальной и духовной культуры [Баскаков, Насырова, Давлатназаров 1995: 11]. Так, помимо прочего, обособленность национальных меньшинств Китая обуславливалась культурными особенностями и религиозной приверженностью. В основном такие народы, как хуэй, уйгуры, казахи, киргизы, татары, узбеки, таджики, дунсяне, салары и баоань исповедуют ислам, тибетцы и монголы и югуры – буддизм, мяо и яо – христианство, а дауры, орочоны и эвенки – шаманизм. В большинстве своем ханьцы являются атеистами, религиозная же часть этноса, как правило, исповедует даосизм. В результате наиболее распространенными религиями на территории КНР являются ислам на территории Синьцзяна и буддизм в Тибете и Внутренней Монголии [Dictionary of the Politics…1998: 34; Berkshire Encyclopedia of China 2009: 897]. Напряженные отношения между Тибетом и центральным правительством Пекина сохраняются с момента его присоединения к КНР в 1951 г. по сей день, что проявляется в периодических актах самосожжения со стороны тибетских монахов и обращениях Далай-ламы к мировому сообществу о независимости Тибета и давлении со стороны китайского правительства. Кроме того, конфликтную ситуацию осложняет религиозно-политический экстремизм со стороны исламского населения уйгуров Синцзян-Уйгурского автономного района.

На Тайване сложилась особая социально-коммуникативная система в силу исторических противоречий с правительством континентального Китая. Так, в

отношении общегосударственного варианта китайского языка на его территории до сих пор активно используется термин «гоюй» (国语, букв. «государственный язык»), который был заменен на термин «путунхуа» правительством континентальной части КНР еще в 50-е гг. XX в. На Тайване также функционируют диалекты китайского языка, представленные группой миннань, хакка и австронезийскими языками автохтонного населения [Завьялова 2014: 52]. Кроме того, значительное влияние на местные языки оказал японский язык вследствие длительного «японского периода» (1895–1945 гг.), когда в результате японо-китайской войны Тайвань был передан Японии до поражения последней во Второй мировой войне. Более того, «некоторые элементы, китайские по своему происхождению, используются в соответствии с их новым значением» [Завьялова 1996: 12].

Наступивший период культурной революции (1966–1976 гг.), как уже отмечалось, был ознаменован межнациональными обострениями в стране, что неблагоприятно сказывалось и на языковой ситуации в КНР. Последовавший этап был ознаменован проведением политики реформ и открытости, направленной на осуществление социалистической модернизации КНР, подразумевавшей «выведение Китая к середине XXI в. на уровень среднеразвитых государств по производству на душу населения и достижение на этой основе всеобщего благосостояния граждан» за счет повышения эффективности экономики рыночными методами при сохранении общественной собственности в качестве доминирующей основы посредством реформ и политики открытости [Смирнов 2009: 352–353].

Временные рамки следующего этапа развития языковой ситуации ограничены периодом с момента проведения 3-го пленума Центрального Комитета КПК 11-го созыва в 1978 г. до появления Закона об общегосударственном языке и письменности от 1 января 2001 г., ознаменовавшего уже современный этап развития языковой ситуации и языковой

политики КНР. Выбор стартовой точки данного этапа не случаен и обусловлен следующими причинами:

1. *Историческими*: на 3-м пленуме КПК в 1978 г. была провозглашена политика реформ и открытости, ознаменовавшая собой новый этап в китайской истории и положившая начало построения «социализма с китайской спецификой» (中国特色的社会主义).

2. *Социолингвистическими*: поскольку социолингвистика как самостоятельная наука возникла в КНР лишь в 80-е гг. XX в., то лишь с этого периода можно говорить о взвешенной государственной языковой политике, основанной на комплексном анализе сложившейся во второй половине XX в. языковой ситуации в стране.

В 80-е гг. XX в. в КНР начинаются активные процессы урбанизации, сопровождающиеся мощным потоком переселения из деревни в город. Как следствие, подобные процессы приводят к массовому явлению диглоссии, при которой в семейном кругу люди общаются на родном диалекте, а в регламентируемых сферах общения используют другой вариант языка, т.е. путунхуа или диалект, распространенный среди городского населения. В данном контексте уместно говорить о достижении определенной степени престижности путунхуа среди китайского населения. Тем не менее в указанный период продвижение путунхуа еще не приняло достаточные обороты, более того, как писала в 1996 г. О.И. Завьялова, «многие носители южных диалектов даже в крупных городах воспринимают путунхуа чуть ли не как иностранный язык» [Завьялова 1996: 11].

За указанный период в КНР было проведено две переписи населения – в 1982 г. и 1990 г. соответственно. Население КНР продолжает расти и к переписи 1982 г. достигает 1031882511 человек, из которых 91,96 % составляет ханьское население (1042482187 человек), а 8,01 % – представители национальных меньшинств (91200314 человек). В переписи 1982 г. упоминается 56 основных групп национальностей, проживающих на территории КНР. К 1990 г. общее

население КНР составляет 1160017381, ханьцы – 91,59 % (159400000 чел.), национальные меньшинства – 8,41 % (106430000 чел.). Некоторое снижение процентного соотношения ханьцев по отношению к представителям национальных меньшинств со времени проведения переписи населения в 1982 г. обусловлено более высоким приростом населения последних в указанный период.

В 80-е гг. XX в. наблюдался рост национального самосознания среди представителей национальных меньшинств, который отразился на всплеске враждебности по отношению к ханьскому населению, прежде всего, со стороны уйгуров и тибетцев и стремлении к отделению от КНР [Dictionary of the Politics…1998: 35]. При этом в рамках проблем обеспечения национально-территориального единства нельзя забывать и о «феномене» Тайваня, затрагивающего вопросы легитимности КПК [Воскресенский 2008: 445]. Занимая «своеобразное положение в мировом сообществе» [Гудошников 1996: 4], Тайвань также оказал влияние на специфику языковой ситуации в Китае. С отменой военного положения на Тайване в 1978 г. напряженность между местным правительством и КПК естественно снизилась: упростились взаимодействия, появилась возможность научного обмена, в частности, в лингвистической сфере, и т.д. Тем не менее с приходом к власти уроженца Тайваня Ли Дэнхуэя, по мере осуществления «экономического чуда» Тайваня на острове росло «психологическое отчуждение от исторической родины» и формирование тайваньской идентичности [Воскресенский 2008: 445].

С появлением новых административных образований в конце XX в. на территории КНР расширяются и языковые ресурсы страны. Речь идет о специальных административных районах Гонконг (Сянган) и Макао (Аомынь), образованных в 1997 и в 1999 гг. соответственно.

В результате первой опиумной войны (1839 – 1842 гг.), в которой Китай потерпел поражение, Гонконг вошел в состав британских колоний, а в период с 1941 по 1945 гг. подвергся вторжению японцев, и лишь в 1997 г. Китаю удалось восстановить свои права на Гонконг. Подобные перемены на протяжении истории не могли не сказаться на языковой ситуации в данном регионе. Факт длительного

существования Гонконга в качестве британской колонии способствовал повышению престижа английского языка среди населения и распространению последнего на его территории.

С возвращением в Китай в 1999 г. Макао столкнулся с рядом социально-экономических перемен, обусловивших, помимо прочего, распределение языков на данной территории. Поскольку на протяжении длительного периода Макао был португальской колонией, португальский язык стал важной составляющей языковой ситуации на данной территории.

Вернувшись на территорию КНР в конце XX в., Гонконг и Макао в свою очередь повлияли на общую языковую ситуацию в государстве, сложившуюся в начале XXI века.

2.1.2. Языковая ситуация в КНР в XXI веке

КНР представляет собой государство в Восточной Азии, имеющее сухопутные границы с Российской Федерацией, Корейской Народной Демократической Республикой, Афганистаном, Индией, Непалом, Бирмой, Лаосом, Вьетнамом, Бутаном, Мьянмой, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Современная административно-территориальная система КНР включает провинции, автономные районы, города центрального подчинения и специальные административные районы. В данном исследовании границы административно-территориальных образований лежат в основе границ исследования языковых ситуаций в силу того, что в условиях национально-административного деления ареалы распространения языков часто совпадают с границами регионов. Кроме того, данный подход обусловлен прагматически, поскольку «изучение языковой ситуации имеет ценность не столько само по себе, сколько в плане практического прмиенения его результатов в программах языкового строительства, а всякая политика, в том числе языковая, действует внутри государственных границ» [Виноградов, Коваль, Порхомовский 1984: 9].

В 2000 г. была проведена пятая перепись населения, согласно которой общая численность населения КНР достигла 1295330000 человек, из которых 91,59 % граждан составили ханьцы (1159400000 человек), а 8,41 % – представители национальных меньшинств (106430000 человек). При этом в процентном соотношении прирост населения последних, равный 16,70 %, превысил прирост ханьцев, составивший 11,22 %. Шестая перепись населения, проведенная в 2010 г., определила незначительное снижение процентного соотношения неханьских народностей к ханьским – 8,49 % к 91,51 %. При этом минимальный за всю историю КНР прирост ханьского населения на 5,74 % является следствием политики планового деторождения, официально закрепленной в Конституции 1982 г. [см. Баженова, Островский 1991]. Однако успешность данной политики, направленной на снижение высоких темпов роста населения, в настоящее время оборачивается для Китая рядом социальных проблем, среди которых первое место занимает старение населения и значительное преобладание мужского населения над женским. В результате в последние годы правительство КНР было вынуждено пойти на уступки и внести поправки в условия планового деторождения. Так, с 2014 г. правительство КНР смягчило демографическую политику, разрешив иметь второго ребенка китайским семьям, в которых один из родителей являлся единственным ребенком в семье. Важно отметить, что политика «одна семья – один ребенок» касалась только ханьского населения и не затрагивала семьи представителей национальных меньшинств, чем и обусловлен больший прирост населения последних.

На фоне сложной системы диалектов и языков национальных меньшинств точное число языков в КНР, как уже отмечалось, по разным данным варьируется. Например, в базе данных Ethnologue отмечается, что в общей сложности в КНР представлено 298 языков, из них 274 – автохтонные [http://www.ethnologue.com/country/CN]; в издании «Языки Китая» 2007 г. выделяют 128 языков, в списке языков аналитических отчетов по языковой ситуации в КНР представлено 134 языка [Language Situation...2013 : 401 – 403].

Кроме того, важную роль в языковой ситуации страны по-прежнему играют региональные койне – диалекты крупных политических центров, таких как Шанхай, Гонконг, Гуанчжоу и др. [Андронов, Никольский 1986: 14]. В настоящее время жители Гонконга в общении между собой активно используют кантонский диалект и легко изъясняются на английском языке с иностранцами. Английский язык до сих пор сохраняет престижность в сознании граждан Гонконга, что способствует его широкому распространению в качестве языка преподавания в учебных заведениях. Деятельность транснациональных корпораций также способствует распространению английского языка в Гонконге в качестве языка ведения бизнеса.

Исходя из статистических данных переписи населения Макао, проведенной в 1991, 1996, 2001 и 2006[2] гг., в условиях языкового разнообразия процентное соотношение билингвов и людей, говорящих на трех и более языках, возросло по отношению к людям, говорящим на одном языке, после возвращения Макао Китаю [Чжан Гуйцзюй 2010: 43]. В данный момент основными языками населения Макао являются китайский, португальский и английский. При этом под китайским языком подразумеваются также такие диалекты, как, в первую очередь, кантонский, минь, хакка и у [Language Situation...2013: 333]. Исходя из данных переписи населения Макао 1991, 1996, 2001 и 2006 гг. (данные переписи представлены в табл. 1, 2, 3 статьи Чжан Гуйцзюя «Языковая политика и языковая ситуация в Макао» («澳门语言状况与语言政策//语言文字应用» «Аомэнь юйянь чжуанкуан юй юйянь чэнцэ») Applied Linguistics №3, 2010), процент говорящих на кантонском диалекте не опускался ниже 85,7 % населения Макао, что говорит о его демографической мощи. Кроме того, часть населения составляют китайские мигранты (хуацяо), вернувшиеся из заграницы после образования специального административного района Макао в 1999 г. Около 10 % всего населения Макао к

[2] Перепись населения в Гонконге и Макао проводится независимо от общегосударственной переписи КНР. При этом еще до возвращения Макао и Гонконга на территорию КНР демографические данные этих территорий также учитывались в общегосударственной статистике.

концу 2001 г. составили китайские мигранты, вернувшиеся из Камбоджи и использующие диалект минь в качестве основного средства общения [Language Situation...2013: 334]. Однако, как уже отмечалось выше, большая часть населения владеет двумя и более языками, которые они активно используют по мере необходимости.

Отличительной чертой языковой ситуации в Макао и Гонконге является влияние западной культуры и европейских языков на социально-экономическое развитие данных регионов. В случае Макао речь идет о длительном участии португальского языка в жизни граждан. Появление португальского языка на территории Макао принято связывать с началом деятельности португальских купцов в 1553 г. В колониальный период это был единственный официальный язык. Согласно данным за 1996 г., т.е. незадолго до возвращения Макао в состав Китая, число португальцев на его территории составляло 27,2 %. Однако уже к 2001 г. этот показатель резко снизился до 2 % жителей, что было вызвано массовой миграцией португальского населения в Португалию, связанную со страхом неопределенности перед воссоединением с КНР [Language Situation...2013: 337]. Соответственно, и число португалоговорящих монолингвов (独尊葡语) снизилось и к 2006 г. составило менее одного процента от всех жителей Макао, несмотря на то, что португальский язык не утратил статус официального [Чжан Гуйцзюй 2010: 45]. При этом португальцы даже не входят в список 55 национальных меньшинств, проживающих на территории КНР.

Английский язык так же широко распространен в Макао, как и португальский, несмотря на отсутствие официального статуса на территории данного специального административного района. Однако, как справедливо отмечает Н.Б. Мечковская, «юридическое равноправие необходимое, но далеко не всегда достаточное условие для фактического равновесия языков» [Мечковская 1996: 103]. Отмечается, что английский язык является доминирующим в финансовом и деловом секторах, в сфере образования и высоких технологий [Language Situation...2013: 339]. При этом основной сферой заимствований из

английского в китайском языке, как правило, выступает научно-техническая, что вполне объяснимо прогрессом, наблюдаемым в период глобализации. Кроме того, нельзя забывать, что важным источником доходов в Макао является игорная индустрия, которая также подверглась влиянию английского языка. В частности, речь идет об игровом жаргоне Макао, который вобрал в себя особенности китайского (31,84 %), западного (35 %) и других жаргонов [Language Situation...2013: 342]. Подобное воздействие вполне естественно, особенно в случае непосредственного заимствования самой игры в казино, инвестируемые иностранными компаниями. Наконец, такой фактор как глобализация несомненно повлиял на распространение английского языка в регионе. Распространенным языком в Макао также является тагальский, что вызвано большим числом мигрантов из Филиппин, активно использующих английский язык для общения с представителями других национальностей [Language Situation...2013: 340]. В результате коммуникативная мощность английского языка превышает даже португальский, что исторически может показаться неожиданным.

Таким образом, языковая ситуация в Макао обусловлена фактором многоязычия при софункционировании «трех письменностей и четырех языков» (三文四语), которые включают в себя китайскую, португальскую и английскую письменность, а также кантонский, португальский, английский язык и путунхуа [Чжан Гуйцзюй 2010: 49].

Типология языковых ситуаций в КНР

Языковая ситуация в любом многонациональном государстве представляет собой комплексное явление, в результате чего ее бывает сложно представить в рамках одной классификации. Типология языковых ситуаций является одним из объектов изучения российских социолингвистов. Данный аспект, к примеру, рассматривается в работе Г.В. Степанова «Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи» [Степанов 1976], в труде «Введение в социолингвистику» А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского [Швейцер, Никольский 1978], в статье «Языковая ситуация» В.А. Виноградова [Виноградов 1990], в

труде «Социолингвистическая типология» В.А. Виноградова, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовского [Виноградов, Коваль, Порхомовский 1984]. Из современных трудов следует отметить диссертационные исследования Ю.Б. Корякова «Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций» [Коряков 2002] и М.А. Горячевой «Типология языковых ситуаций: Российская Федерация» [Горячева 2003].

В данном разделе Главы 2 мы попробуем представить классификацию основных типов языковых ситуаций, представленных на территории КНР в современный период. В основе данной классификации лежит типология вышеупомянутых российских социолингвистов А.Д. Швейцера, Л.Б. Никольского и В.А. Виноградова. Для начала рассмотрим все представленные критерии и попробуем отобрать необходимые для классификации конкретной языковой ситуации.

Таблица 1. Типы языковых ситуаций по Швейцеру А.Д. и Никольскому Л.Б. [Швейцер, Никольский 1978: 102 – 103].

Тип	**описание**
экзоглоссные / эндоглоссные	совокупность языков / подсистем одного языка
сбалансированные / несбалансированные	составляющие языки или языковые подсистемы в функциональном отношении равнозначны / неравнозначны, т.е. распределены по сферам общения или социальным группам

Таблица 2. Типы языковых ситуаций по Виноградову В.А. [Лингвистический энциклопедический словарь 1990].

тип	**описание**
монокомпонентные / поликомпонентные	включающие один идиом / включающие

	несколько идиомов
равновесные/ неравновесные	обладающие равномощными идиомами / обладающие разномощными идиомами
для неравновесных: однополюсные / многополюсные	с одним доминирующим идиомом / с несколькими доминирующими идиомами
одноязычные / многоязычные	разновидности одного языка / разные языки
гомогенные / гетерогенные	родственные / неродственные
гомоморфные / гетероморфные	типологически сходные / типологически несходные
гармоничные / дисгармоничные	идиомы обладают равным статусом / идиомы обладают разным статусом,
эндоглоссные / экзоглоссные	металект – один из местных языков / металект – иностранный язык
диглоссные / недиглоссные	при наличии диглоссии / отсутствии диглоссии

Необходимо сразу обозначить, что мы будем рассматривать диалекты китайского языка именно с китайской социолингвистической точки зрения в качестве диалектов, а не лингвистически автономных языков. Таким образом, отношения между путунхуа и диалектами мы будем рассматривать в рамках одноязычной языковой системы.

Функциональное соотношение идиомов внутри языковой ситуации мы будем рассматривать с учетом положений Закона об общегосударственном языке и письменности от 1 января 2001 г. и при необходимости Закона КНР о национально-территориальной автономии от 31 мая 1984 г.

Деление на монокомпонентные и поликомпонентные типы языковых ситуаций в рамках полиэтнического государства с комплексной системой

диалектов не представляет смысла, поскольку все типы языковой ситуации на рассматриваемой территории поликомпонентные априори.

Деление на равновесные / неравновесные типы языковых ситуаций в рамках КНР возможно лишь при детальном рассмотрении ситуации в отношении каждого диалекта и каждого языка национальных меньшинств, среди которых естественно выделяются коммуникативно мощные идиомы (например, шанхайский диалект или уйгурский язык), но при этом усложняется проведение обобщенной классификации типов языковых ситуаций на территории КНР и выходит за рамки поставленной нами задачи. Аналогично деление на гомогенные и гетерогенные, гомоморфные и гетероморфные типы затрудняет классификацию в силу типологической близости китайского языка с рядом языков национальных меньшинств, проживающих как компактно, так и дисперсно.

Во избежание повтора названий типов классификации на экзоглоссные / эндоглоссные языковые ситуации по А.Д. Швейцеру и Л.Б. Никольскому вместо деления на гармоничные / дисгармоничные – сбалансированные / несбалансированные типы мы будем использовать классификацию В.А. Виноградова на одноязычные / многоязычные языковые ситуации.

С появлением новых административных образований на территории КНР (специальных административных районов Макао и Гонконга) появляется смысл в делении типов языковой ситуации на эндоглоссные / экзоглоссные, а с учетом степени распространенности путунхуа в настоящее время – на диглоссные / недиглоссные.

Таким образом, с учетом вышеуказанных критериев на территории КНР нами было выделено три типа языковых ситуаций:

1. *Одноязычная несбалансированная эндоглоссная диглоссная языковая ситуация*. Данный тип языковой ситуации представлен на территории Тайваня, а также провинций и городов центрального подчинения КНР, элементами которой являются диалекты китайского языка и путунхуа. При этом путунхуа пользуется активной поддержкой со стороны государства (см. Закон об

общегосударственном языке и письменности в Китайской Народной Республике от 1 января 2001 г.), что повышает его престиж среди населения.

2. *Многоязычная сбалансированная эндоглоссная недиглоссная языковая ситуация*. Данный тип языковой ситуации представлен на территории автономных районов КНР, функционирование местных языков которых находится под защитой государства в соответствии с Законом КНР о национально-территориальной автономии от 31 мая 1984 г.

3. *Многоязычная несбалансированная экзоглоссная недиглоссная языковая ситуация*. Данный тип языковой ситуации представлен на территории специальных административных районов Гонконга и Макао, где функционируют неавтохтонные индоевропейские языки бывших колонизаторов и наблюдается высокая коммуникативная мощность английского даже при отсутствии статуса официального на территории Макао.

2.2.Типология языковой политики в КНР

2.2.1.Языковая политика и языковое строительство «с китайской спецификой»

Прежде всего, мы считаем уместным упомянуть тот факт, что реализация политики, направленной на строительство «социализма с китайской спецификой», проводилась в рамках модернизации политической системы КНР, которая, как известно, не ограничилась переходом на западную модель развития, а осуществлялась за счет адаптации западного опыта к особенностям политической системы Китая, что способствовало китаизации идей марксизма и компромиссов в отношении прежде несовместимых особенностей западной и восточной политической культуры [Воскресенский 2014: 120]. В работе мы сможем проанализировать стратегии китайской политики в заимствовании и применении успешного опыта языковой политики других стран.

Языковая политика КНР во многом обусловлена сложившейся языковой ситуацией в стране: комплексной системой диалектов китайского языка, фонетически и лексически отличающихся от стандартизованного варианта путунхуа; потребностью в функциональном развитии языков национальных меньшинств и других задач, необходимых для решения при сохранении территориального единства государства. Выбрав язык в качестве инструмента обеспечения государственного единства, правительство столкнулось с проблемой языковой коммуникации среди граждан в масштабах всего государства, что было вызнано, во-первых, вышеуказанными особенностями языковой ситуации в стране и, во-вторых, неграмотностью населения.

На протяжении всей истории китайского государства его правительство играло важную роль в преодолении проблем, стоящих на пути обеспечения национального единства. С момента образования КНР партия и правительство принимали активное участие в разработке языковых стандартов (подробнее см. «Список стандартов устной и письменной форм языка (1955–2006 гг.)» The Language Situation...2013: 393). Однако взаимодействие между политикой и языком в Китае началось более 2000 лет назад, когда в 221 году до н.э. император династии Цинь провел первую официальную стандартизацию иероглифов. После того как императору удалось объединить ряд воюющих провинций, его главный советник Ли Сы предложил несколько проектов по усилению мощи государства и объединению всего Китая, среди которых была стандартизация законов, денежной валюты, систем измерения, ширины мостов и письменности. Наличие различных вариантов письма в то время являлось последствием децентрализации власти при династии Чжоу (770 – 256 гг. до н. э.). Во время правления династии Цинь в качестве официальной письменности был введен унифицированный иероглифический почерк (小篆 «*сяочжуань*») и отменены все остальные варианты письма. Это было сделано для того, чтобы государственные указы распространялись по всей стране и были понятны всем [Zhou Minglang 2004: 2]. Реформа письменности при династии Цинь имела значительные последствия. В

результате подобной политики в условиях расхождения в фонетической системе диалектов мы наблюдаем определенное единство иероглифического письма.

Учет особенностей мультикультурного населения страны во время правления цинской империи отчасти также оказал влияние и на современную языковую политику в Китае. Дело в том, что за время правления династии Цин в состав Китая удалось включить Монголию, Восточный Туркестан, Тибет и Маньчжурию (точнее, Маньчжурия присоединила Китай к своим владением в результате маньчжурского завоевания) – «регионы, отличные по своим этническим, лингвистическим и социально-экономическим показателям» [Голиков 2013: 278]. Сложность этнической структуры населения естественно усложняла задачу управления столь разрозненным государством. Успешной в данном случае стала институциализация и в особенности создание палаты внешних сношений (理藩院 «*лифаньюань*»), ставшей «ядром системы управления монгольскими, ойратскими и уйгурскими вассальными князьями, тибетским духовенством и аристократией и тюрко-мусульманской знатью» [Голиков 2013: 278].

Идея формирования единого общегосударственного средства общения становится «одним из условий модернизации китайского общества» в начале XX в., что приводит к зарождению идеи национального языка с последующими дискуссиями относительно вопросов языкового строительства [Софронов 1979: 93]. Труды выдающихся лингвистов этого периода (Ли Цзиньси, Ху Ши и др.) закладывают фундамент для осуществления языковых реформ правительством уже после образования КНР.

Как уже отмечалось, не последнюю роль в становлении языковой политики КНР сыграл Советский Союз. Советский подход, ориентированный на развитие всех национальностей, в китайском варианте нашел проявление в виде конституционно закрепленного равенства всех национальных меньшинств, предоставления им региональной автономии и равенства всех национальных языков и культур [Zhou Minglang 2010: 478]. Тем не менее в подходе к решению

национального вопроса советскому федерализму, включавшему союзные республики с правом выхода, Китай предпочел принцип региональной автономии в рамках единого государства без права выхода.

СССР принимал активное участие в консультациях по национальному вопросу в КНР, несмотря на то, что Китай все же ограничивал доступ Советского Союза к делам языковой политики. Например, список вопросов по делам национальных меньшинств советского этнографа Н.Н. Чебоксарова, обращенных к Государственной комиссии КНР, намеренно был оставлен без внимания [Zhou Minglang 2010: 484]. Более того, советские ученые принимали участие в осуществлении языкового строительства в Китае еще до образования КНР: к примеру, академик В.М. Алексеев возглавлял комиссию по латинизации китайской письменности при китайском кабинете Института востоковедения АН СССР, действовавшую до начала 1931 г.

Впоследствии развал Советского Союза в 1991 г. ознаменовал для КНР неудачность национально-языковой политики, ориентированной на языковое многообразие, и привел к смене ориентации языковой политики в сторону «единства в многообразии китайской нации» (中华民族多元一体) [Zhou Minglang 2010: 478]. Подобная концепция подразумевала два взаимосвязанных уровня идентичности: нижний, включающий идентичность 56 этносов, в том числе ханьской, и верхний уровень, подразумевающий общую китайскую идентичность для всех этносов [Zhou Minglang 2010: 491]. Поскольку развал СССР стал свидетельством ошибочной национальной политики, предоставлявшей советским национальным республикам слишком высокую степень независимости, подобный сдвиг в языковой политике КНР осознанно способствовал формированию новой идеологии, основанной на китайском языковом национализме.

Новая модель политики КНР в отношении национальных меньшинств по-прежнему подразумевает поддержание их права на развитие языка и культуры, однако, как замечает Чжоу Минлан, направлена на ограничение политических

прав за счет повышения экономических при сохранении права на использование языка национального меньшинства [Zhou Minglang 2010: 478].

Осуществление языковой политики с точки зрения комплексного подхода пришлось на период после свержения династии Цин, а вместе с ней и монархического устройства. Изменение в политическом устройстве государства, длительное время находившегося под властью маньчжуров с соответствующими привилегиями в отношении маньчжурского языка, требовало изменений и в языковой ситуации, сложившейся к моменту осуществления Синьхайской революции в 1911 г. С установлением республиканского строя в Китае перед властями встает задача «целенаправленного регулирования языковой ситуации» [Клиновский 2012: 51]. С момента образования КНР в стране отмечается стремление государства к разработке единого, признанного всеми нациями языка, способного снизить неграмотность среди населения и усилить мощь государства.

В целом, как отмечает Ли Юймин, весь период с момента образования КНР до начала проведения политики реформ и открытости основной задачей языкового планирования являлось решение проблем, оставшихся к моменту образования КНР в 1949 г. [Ли Юймин 2010: 3]. Эти проблемы были озвучены 10 января 1958 г. премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем в речи «Необходимые задачи письменной реформы» (当前文字改革的任务), а именно: упрощение и стандартизация иероглифики, распространение путунхуа и разработка основанной на латинице транскрипции пиньинь [Chou En-lai 1958].

В республиканский период (1911 – 1949 гг.) в 1935 г. гоминьдановским правительством была предпринята попытка упростить 324 иероглифа. Схема отвечала трем обязательным принципам, объявленным националистическим правительством. Во-первых, для закрепления за упрощенными иероглифами статуса общегосударственных было необходимо, чтобы они уже активно использовались населением. Во-вторых, данные иероглифы должны были быть популярными среди населения. В-третьих, иероглифы, изначально простые по своей структуре, не должны были подвергаться дальнейшим упрощениям

[Chen Ping 2004 156]. Попытка потерпела поражение со стороны националистического правления, и, таким образом, необходимость стандартизации иероглифов легла на плечи правительства КНР, образованной в 1949 г. В тот же период возникает идея латинизации иероглифического письма, к которой неоднозначно относились в Китае, но активно поддерживали в Советском Союзе. Примечательным в данный период становится деятельность вышеупомянутой комиссии по латинизации китайской письменности при китайском кабинете Института востоковедения АН СССР. Данное направление языковой политики, в отличие от проекта перехода иероглифики на кириллицу, изначально не получившего поддержки со стороны китайского правительства, набирает обороты, но и оно впоследствии терпит поражение.

Резюмируя причины провала данной идеи, В.М. Алпатов подчеркивает особую связь китайских иероглифов со всей китайской культурой и функцию объединения всех китайских граждан, вне зависимости от диалектных различий. Кроме того, среди положительных качеств иероглифического письма отмечается его компактность в сравнении с европейскими языками [Алпатов 2013].

В 1955 г. министерство образования совместно с комитетом по реформам Китая провело две важные конференции в отношении языка: национальную конференцию по реформе письменности (全国文字改革会议) и симпозиум по стандартизации современного китайского языка (现代汉语规范化学术会议), центральной темой которых стало упрощение иероглифов. В результате был представлен проект, который включал первый список иероглифов для упрощения. Проект был официально одобрен правительством в 1956 г. [Zhou Minglang 2004: 23].

«В духе популярных в то время грандиозных проектов» в 1950-е годы был запущен проект по исследованию диалектов по всей стране, и намечалась кампания по распространению общенационального языка путунхуа [Завьялова 1996: 10]. Как уже отмечалось, до появления термина «путунхуа» общенациональный язык обозначался термином «гоюй». Смена термина

произошла «в соответствии с той терминологией, которая бытовала ранее среди левой революционно настроенной интеллигенции» [Завьялова 1996: 10]. Тем не менее термин гоюй, который в значении «государственный язык» попал в китайский язык из японского под влиянием успешного распространения стандартизованного варианта японского языка в Японии [Chen Ping 2004: 14], на Тайване и по сей день является обозначением общенационального языка. При этом важно отметить, что данное заимствование из японского не является фонетическим, т.е. попало в китайский язык лишь в форме китайских иероглифов при сохранении китайских правил чтения и являет собой диффузию или так называемое «обратное заимствование» (互借词), подразумевающее возвращение некогда заимствованного слова в исходный язык с искаженной семантикой. Присутствие в языке подобных заимствований обусловлено отношениями между китайским и японским языком. В частности, освоением китайской иероглифики японцами в V в. в условиях культурных контактов между странами при отсутствии на тот период собственной письменности (подробнее см. Алпатов В.М. «Япония: язык и культура», 2008).

В условиях массовой неграмотности населения и сложности иероглифического письма для носителей диалектов китайского языка, не говоря уже о представителях неханьских этносов со своим языком и письменностью, особенно в результате отказа от латинизации иероглифического письма, помимо упрощения традиционной иероглифики важным способом решения проблемы стала разработка «некой фонетической системы обозначений, способной передать звучание слов единого стандартного языка и отображающих их иероглифов» [Zhou Minglang 2004: 22].

Разработка транскрипционной системы для китайских иероглифов пиньинь (汉语拼音, букв. «транскрипция китайского языка»), основанной на латинице, сыграла важную роль в истории языковой политики КНР. Однако следует отметить и предшествующие попытки создания системы, отображающей звучание иероглифов. Уже в 1913 г. возникла первая национально признанная

система под названием «чжуинь цзыму» (注音字母, букв. «китайская фонетическая азбука»), официально опубликованная лишь в 1918 г. Данная система представляет собой ряд букв, имеющих графическое сходство с простейшими иероглифами. Позже она была переименована в «чжуинь фухао» (注音符号, букв. «символы для обозначения звуков») для того, чтобы подчеркнуть, что это всего лишь символы, а не полноценные буквы, способные заменить иероглифы. В 1928 г. был создан новый алфавит гоюй ломацзы (国语罗马字, букв. «романизация национального языка»), также существовала еще одна система на латинице, известная как «ладинхуа синь вэньцзы» (拉丁化新文字, букв. «новая латинская письменность»), разработанная в 1933 г. совместно китайскими и советскими лингвистами в период попытки перехода на латиницу [Zhou Minglang 2004: 23].

Система пиньинь была создана и поддержана новым правительством после основания КНР. Эта система объединяет предыдущие попытки создать своего рода алфавит на латинской письменности вместе с диакритическими знаками чжуинь фухао для обозначения четырех тонов стандартного китайского языка над гласными. Многие из разработчиков системы звукового обозначения иероглифов возлагали надежды на то, что новая система, основанная на латинице, сможет однажды сосуществовать наравне с иероглификой или даже полностью заменит ее. Тем не менее спустя десятилетия транскрипция пиньинь по-прежнему остается лишь вспомогательной системой для изучения стандартного китайского языка [Zhou Minglang 2004: 23].

Поскольку единая транскрипционная система облегчает изучение путунхуа и упрощенных иероглифов, она также способствует повышению грамотности среди населения и популяризации китайского языка во всем мире. Однако на территории Тайваня на протяжении длительного времени использовались другие системы: транскрипционная система Уэйда - Джайлза и чжуинь фухао, некогда

распространенные на территории континентального Китая. Лишь с 1 января 2009 г. пиниь стал официальной траснкрипционной системой на Тайване.

В целом тайваньский вопрос по-прежнему остается краеугольным камнем в политике КНР. По мере сближения или ухудшения отношений между континентальным Китаем и Тайванем последний так или иначе демонстрирует свое стремление к независимости. Однако, за исключением небольшого числа стран, с которыми у Тайваня установлены дипломатические отношения, и, таким образом, признающих его в качестве самостоятельного государства, во всем остальном мире остров признается лишь как отдельная экономика. Таким образом, Тайвань стремится устанавливать отношения с не признавшими его в качестве отдельного государства странами путем экономических и культурных представительств. Исследуя данный вопрос с позиции представителей Российской Федерации, государства-преемника СССР, ставшего первым государством, установившим дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой и тем самым признавшим легитимность этого государства, мы будем рассматривать языковую политику на Тайване как отражение особой языковой ситуации, сложившейся на территории КНР.

Несмотря на то, что председатель Мао Цзэдун и премьер Чжоу Эньлай поддерживали упрощение иероглифов, распространение путунхуа и транскрипционной системы пиньинь, критикуя прежние тенденции в использовании языка как «феодальные» и «буржуазные», период культурной революции привел к застою деятельности в отношении языка [Zhou Minglang 2004: 27]. В результате очередной список упрощенных иероглифов был представлен лишь в декабре 1977 г.

В результате две попытки упростить иероглифы в 1935 и 1977 гг. нашли отражение в двух схемах упрощения, а результатом реформы 1956 г. стала таблица упрощенных иероглифов, впоследствии содержавшая небольшие поправки, внесенные в 1964 и 1986 гг. [Zhao Shouhui 2008: 24].

Первая схема упрощения, опубликованная в 1935 г., потерпела неудачу, столкнувшись с опасениями людей лишиться культурного наследия, которые

можно объяснить следующими причинами. Во-первых, считается, что «невозможно полностью оценить классическую литературу, записанную упрощенными иероглифами», во-вторых, упрощение грозит «потерей эстетических ценностей, таких как каллиграфия и других форм искусства, производных от иероглифики», в-третьих, придется «пожертвовать точностью языка из-за изменения смыслового содержания иероглифов» [Zhao Shouhui 2008: 36]. К тому же 324 предложенных для упрощения иероглифа составляли лишь 10 % от необходимых в повседневной жизни иероглифов, а сама реформа имела лишь назидательный характер, никак не повлияв на систему образования или иные сферы жизни общества [Zhao Shouhui 2008: 40]. Тем не менее реформа заложила основу для последующих изменений в языке, которые последовали в 1950-е годы при новом правительстве после образования КНР.

В октябре 1954 г. по предложению премьера Чжоу Эньлая была организована комиссия по реформе письменности, которая способствовала переходу от теоретического состояния планирования реформ к их практическому осуществлению со стороны государства [Zhao Shouhui 2008: 43]. Комиссия возникла не на пустом месте: еще со времен образования КНР в 1949 г. была создана коалиция по реформе китайской письменности. В том же году слово «коалиция» было заменено на «ассоциация», после чего в 1952 г. она вновь сменила название, на этот раз на «исследовательскую комиссию по реформе письменности», в 1953 г. возникла комиссия по делам письменности центральной комиссии Коммунистической партии Китая. При этом органы языкового планирования в Китае меняли не только название, но и свои функции от обмена мнениями на тему латинизации китайского языка до осуществления национальной политики по всей стране (Подробнее см. таблицу Zhao Shouhui. Planning Chinese Characters, 2008: 44).

В результате нескольких попыток, организованных комитетом по реформе письменности (中国文字改革委员会), в 1956 г. был представлен список из 515 [Zhou Minglang 2004: 22] или 555 [Zhao Shouhui 2008: 45] упрощенных

иероглифов и 54 упрощенных графических элементов. В 1964 г. список включал уже 2236 иероглифов и в 1986 г. был вновь опубликован с минимальными правками. В таком виде представлены иероглифы в современной печати и в школьных учебниках континентального Китая [Zhou Minglang 2004: 22].

Языковая политика на Тайване развивалась независимо от континентального Китая. После того как представители Гоминьдана покинули материк, они начали осуществлять собственную политику, в том числе и в отношении языка. Местное правительство осуществляло политику распространения гоюя, основанного на пекинском диалекте, в результате чего им владеет 90 % местного населения [Завьялова 2008: 667]. Тем не менее наибольшее распространение во всех сферах получил уже тайванизированный вариант гоюя. Важно отметить, что реформы по упрощению иероглифики на территории Тайваня (а также Гонконга и Макао) не проводились, в результате чего местное население использует традиционное письмо.

В отношении неханьских этносов, проживающих на территории КНР, китайское правительство осуществляет политику, направленную на равноправие всех народностей, не зависимо от величины, и на расширение возможностей использования и развитие их языков в условиях гармоничного и взаимодополняемого двуязычия [Дай Цинся 2015: 7]. При этом наибольшими правами обладают язык и письменность этноса, проживающего на территории национальной автономии, в пределах которой в соответствии с Законом КНР о национально-территориальной автономии 1984 г. их сферы употребления сопоставимы со сферами употребления путунхуа. Тем не менее это положение касается «общеупотребительного» языка этноса на территории автономии, а, следовательно, языка преобладающего по величине этноса в ущерб демографически слабым языкам. Таким образом, вопрос развития функций языков национальных меньшинств в КНР остается открытым.

В результате к концу XX в. выделяются следующие направления языковой политики КНР:

- стандартизация китайского языка;

- распространение путунхуа;

- развитие языков меньшинств.

В XXI в. языковая политика КНР была официально направлена на построение единого многонационального государства и была ознаменована появлением Закона об общегосударственном языке и письменности от 1 января 2001 г.

В Китае также создан национальный технический комитет по стандартизации языка (全国语言文字标准化技术委员会), ответственный за формулировку, принятие и издание языковых стандартов наряду с исследованием актуальных языковых проблем в обществе. В 2004 г. были организованы шесть подкомитетов: по китайскому произношению и фонетическому алфавиту, по китайской лексике, по китайской грамматике и дискурсу, по китайским иероглифам, по языкам меньшинств и по иностранным языкам [Language Situation...2013: 58]. Система разработки языковых стандартов охватывает все языковые уровни: иероглифические стандарты включают произношение, форму и количество иероглифов, другие стандарты имеют дело с алфавитом, системой пиньинь, языком жестов, шрифтом Брайля и т.д. [Language Situation...2013: 59].

На сегодня важным направлением в осуществлении стандартизации иероглифов по-прежнему является разработка таблицы упрощенных китайских иероглифов. Современный вариант таблицы (通用规范汉字表) представляет собой результат деятельности исследователей, занимающихся упрощением иероглифов в XXI в. Ее разработка шла в несколько этапов. В 2001 г. министерство образования и Государственная комиссия по языку начали совместный проект по разработке данной таблицы. В 2002 г. проект был включен в список ключевых задач десятой пятилетки по использованию языка, возглавляемой ведущей группой по планированию исследований Государственной комиссии по языку. В 2002 г. подразделение управления языковой информацией совместно с другими органами по языковому планированию провели ряд встреч, на которых обсуждались вопросы касательно

вариантов иероглифов, упрощенных иероглифов и печатного шрифта иероглифов для таблицы. В январе 2003 г. таблица также попала в список программ министерства образования. В 2003 г. министерство образования совместно с Государственной комиссией по языку официально организовали ведущую группу по созданию таблицы. К концу 2003 г. был создан ее предварительный вариант, «параллельно издательством Commercial Press была издана серия книг по стандартизации иероглифов» [Language Situation...2013: 61]. С января 2004 г. ведущая группа начала проводить встречи, собирать мнения экспертов и бывших глав государственной комиссии по языку, которые внесли вклад в разработку таблицы. В ноябре 2004 г. была собрана группа экспертов для обсуждения предварительной таблицы, годом позже в Пекине была проведена сессия, в ходе которой были предложены другие поправки. Наконец, в апреле 2006 г. исследовательская программа была завершена [Language Situation...2013: 61]. Окончательная версия была одобрена Государственным советом, в результате в 2009 г. был опубликован проект таблицы упрощенных китайских иероглифов [Language Situation...2013: 60]. Очередная версия таблицы, включающая 8105 иероглифов, была опубликована в июне 2013 г. В преамбуле к таблице отмечается, что с момента опубликования данной версии таблицы все предыдущие утрачивают силу [http://www.gov.cn/zwgk/2013-08/19/content_2469793.htm].

Вступление в эру цифровых технологий потребовало от китайского языка соответствия информационным технологиям. Уже в конце XX в. перед китайским языком встала задача кодировки иероглифики для возможности хранения информации на компьютере. В 1984 г. международная организация по стандартизации (The International Organization for Standardization) оформила единую систему кодирования иероглифов для облегчения переключения языка в ходе общения посредством компьютера. Основной целью стало создание «всемирной безбарьерной модели обмена информацией в режиме реального времени» [Language Situation...2013: 62]. Кроме того, подобная система способствовала созданию электронных баз данных, обмену файлами на китайском языке в Интернете и интеграции Китая в международное научное и

образовательное сообщество. В 2014 г. Китай занял второе место в мире после США по числу научно-исследовательских центров (429) [2014 Global Go To Think Tank Index Report].

Современная языковая политика КНР включает два основных направления: в отношении общеупотребительного языка путунхуа и стандартизованной письменности, а также в отношении языка и письменности национальных меньшинств [Ван Сянъюй 2014: 1].

В настоящее время Китай активно проводит внешнюю языковую политику с целью распространения путунхуа во всем мире. В июле 2005 г. в Пекине прошла первая международная конференция по вопросам преподавания китайского языка ("World Chinese Conference"). Организатором конференции выступило Национальное управление КНР по преподаванию китайского языка как иностранного. Для привлечения интереса к изучению этого языка среди молодежи был организован международный конкурс китайского языка «Китайский мост». Проходившая в июле 2016 г. конференция упомянутой в Главе 1 Международной ассоциации китайской лингвистики была посвящена вопросам преподавания и изучения китайского языка в мультикультурных странах. Подобная активность свидетельствует об успешности длительного процесса языковой политики, направленной на стандартизацию китайского языка, и говорит о разработанности методики преподавания китайского языка как иностранного, а также о готовности Китая использовать язык в качестве инструмента «мягкой силы».

В то же время КНР обращает внимание и на мировой опыт в отношении языковой политики. Так, Инновационным центром исследований языков и культур граничащих с Китаем стран Пекинского университета языка и культуры в 2014 г. был запущен проект, направленный на изучение языковой ситуации в соседних государствах. Подобная деятельность способна расширить знания Китая о развитии данного социолингвистического аспекта в других странах и, тем самым, повлиять на языковую политику в КНР. С политической и экономической же точки зрения данный интерес вызван стремлением КНР наладить отношения с соседними странами для успешной реализации экономического проекта «один

пояс – один путь», включающего более 60 стран и регионов; осуществления культурных обменов, а также распространения китайского языка и культуры за счет растущего числа Институтов Конфуция в других странах.

2.2.2. Языковое законодательство КНР

Принцип национального равенства был провозглашен еще во времена республиканского строя и с образованием КНР в 1949 г. получил поддержку нового правительства. Накануне образования КНР состоялась 1-я сессия Народного политического консультативного совета (НПКСК), на которой была принята общая программа НПКСК (中国人民政策协商会议共同纲领). Эта программа являлась основным государственным законом до созыва Всекитайского собрания народных представителей и последовавшим принятием Конституции в 1954 г. [Большая советская энциклопедия http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/112478/...]. Важно отметить, что в конституциях Китайской Республики, принимавшихся с 1912 – 1947 гг., слово «язык» вообще не употреблялось. Все упоминания о нем в законодательном акте относятся к периоду после 1949 г. с началом изменений в языковой ситуации. Вопрос языка затрагивается в программе НПКСК в контексте языков национальных меньшинств (см. Ст. 53: «Все национальные меньшинства обладают равным правом на развитие своего языка, сохранение или реформирование своих традиций, свободу вероисповедания. Народное правительство должно оказывать поддержку в формировании политики, экономики, культуры национальных меньшинств».) [Программа НПКСК http://news.xinhuanet.com/ziliao/...]. При этом в тексте программы вопрос государственного языка не затрагивался.

В Конституции КНР 1954 г. вновь оговаривается право национальных меньшинств на сохранение своего языка (Ст. 3), в Ст. 71 за органами самоуправления автономных районов, округов и уездов закрепляется право использования языка или языков, распространенных на соответствующей

территории; Ст. 77 закрепляет право на использование распространенных в том или ином регионе языков в судопроизводстве, а также право на переводчика в случае возникновения непонимания в ходе судебных прений [http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/26/content_4264.htm]. Таким образом, государственный статус конституционно впервые был определен для языков национальных меньшинств.

Впоследствии культурная революция приводит к застою в языковых реформах, и период после ее окончания, ознаменованный 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва 1978 г., становится поворотным моментом в истории КНР. В период реформ Дэн Сяопина имел место пересмотр прежних подходов к языковой политике, что ознаменовало новый этап языкового планирования в КНР. Последовавшая Конституция КНР 1982 г. также не обходит национальный вопрос. Согласно Ст. 53, «все национальные меньшинства имеют право использовать и развивать свои языки, сохранять или реформировать свою культуру» [Конституция КНР 1982]. Кроме того, основным законом, регулирующим употребление языков национальных меньшинств, является Закон КНР о национально-территориальной автономии от 31 мая 1984 г., согласно которому правительство КНР поддерживает употребление и развитие языка и письменности, распространенных в районах компактного проживания нацменьшинств. Дополнительно в отношении Внутренней Монголии, Тибета и Синцзян-Уйгурского автономного района КНР действуют положения о функционировании языка и письменности.

Как известно, основной проблемой языковой политики полиэтнического государства остается выбор какого-либо языка в качестве официального (государственного). Более того, «функциональное развитие языка, расширение сфер его использования, развитие всех форм его существования зависит от социальных условий, среди которых одним из основных является статус языка, наличие или отсутствие государственности» [Биткеева 2006: 10]. В Конституции КНР отсутствует указание на государственный язык, но есть «общеупотребительный» (путунхуа). Согласно Ст. 19 Конституции 1982 г.,

«государство содействует распространению путунхуа, являющегося общеупотребительным на территории всей страны» [Конституция КНР 1982]. Как показывает китайская практика, данный вопрос можно решить, избежав термина «государственный язык» де-юре, применив термин «общеупотребительный язык» по отношению к языку, который является государственным де-факто. Подобный подход к решению вопроса о государственном языке позволяет, по крайней мере, номинально смягчить напряженные отношения между ханьским и неханьским населением и снизить давление на носителей диалектов, расходящихся с пекинским вариантом.

С возвращением Гонконга и Макао на территорию КНР в конце XX в. и с образованием самостоятельных административных районов соответственно появляются районы с особой языковой политикой.

Чжу Линглинг отмечает, что за период существования в качестве британской колонии языковая политика на территории Гонконга не имела признаков языкового империализма, напротив, китайцы добровольно активно пользовались возможностью изучения английского языка: родители отдавали своих детей на обучение в миссионерские школы. Кроме того, английский язык зарекомендовал себя как язык ведения бизнеса в сфере торговли [Zhu Ling-ling 2015: 159]. Со времени передачи Гонконга КНР в 1997 г. по настоящее время в соответствии с Основным законом специального административного района (САР) Китайской Народной Республики Гонконга, вступившего в силу 1 июля 1997 г., китайский язык, наряду с английским, обладает официальным статусом (Ст. 9 Глава 1). Кроме того, согласно Ст. 136 Главы 6, правительство САР Гонконга самостоятельно определяет язык преподавания в сфере образования [Основной закон 1997].

Во времена, когда полуостров Макао принадлежал португальским колониям, португальский язык на его территории имел статус государственного. На момент проведения переписи населения в 1991 г. португальское население составляло 101245 человек (28,5% от общего населения Макао). Соответственно, в условиях языковой политики того времени данный язык активно распространялся в

государственной, общественной сфере, сфере образования и т.д. [Чжан Гуйцзюй 2010: 44].

Несмотря на то, что Декларация о передаче Макао в юрисдикцию Китая была подписана еще в 1987 г., в ней указывалось, что правительство Португалии будет осуществлять административное управление территорией полуострова (а также островами Тайпа и Колоан) до 1999 г. В пункте 5 Главы 2 оговаривается равный статус использования португальского языка наряду с китайским в судебной, законодательной и государственной сферах [Декларация о передаче Макао в юрисдикцию Китая 1987]. В приложении к Декларации подчеркивается равенство всех граждан, вне зависимости от национальной, религиозной принадлежности, языка и т.д. Кроме того, подчеркивается независимость администрации САР Макао от центрального правительства КНР в вопросах, касающихся культуры, образования, языка и т.д. [Декларация о передаче Макао в юрисдикцию Китая 1987]. Следовательно, языковая политика в Макао обладает своими специфическими чертами.

20 сентября 1999 г. вступил в силу Основной закон специального административного района Макао Китайской Народной Республики. В Ст. 9 Главы 1 Закона за китайским и португальским языками закрепляется официальный статус [Основной закон 1999]. Остальные положения касательно языка аналогичны указанным в Декларации о передаче Макао в юрисдикцию Китая.

Следует отметить, что придание официального статуса языку в законодательной базе КНР допускается лишь в Основных законах (Basic Law) Гонконга и Макао, что вызвано их временным характером («основной закон» по определению является временной альтернативой Конституции) и допускает возможность полного изменения положений по истечении 50-летнего срока широкой автономии Гонконга и Макао в 2047 г. и в 2049 г. соответственно.

Важным событием в языковом планировании в КНР на современном этапе стало официальное присоединение в 1998 г. Государственной комиссии по языку

к министерству образования. Министерство образования является частью Государственного совета и отвечает за деятельность, связанную с образованием и языком. Следовательно, в его компетенцию входит разработка проектов по развитию языка, языковых стандартов, языковое планирование, в частности, пропаганда путунхуа, разработка стандартов для языков национальных меньшинств и других ключевых направлений языковой политики КНР [Language Situation...2013: 58]. В частности, в министерство образования входят два подразделения, чья деятельность имеет отношение к языку: подразделение управления использованием языка и подразделение управления языковой информацией [Language Situation...2013: 58]. Первое относится непосредственно к мониторингу за функциональным развитием языка, в задачи последнего входит «изучение, оценка и одобрение стандартов письменной и устной формы языка, а также формулировка стандартов для обработки информации по национальному языку, руководство осуществлением стандартизации на местном уровне, а также среди этнических групп, проведение исследований по применению стандартов в обработке информации о языках национальных меньшинств» [Language Situation...2013: 58].

В XXI в. масштабы языковой политики в КНР приняли небывалый размах, о чем свидетельствует сложная структура государственных органов, вовлеченных в реализацию данного направления государственной политики, ежегодные аналитические отчеты и другие материалы по языковой ситуации в КНР, однако важнейшим результатом деятельности в данном направлении стал Закон об общегосударственном языке и письменности от 2001 г. Закон включает в себя три главы: общие положения, использование путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов и управление и надзор. Публикация данного закона служит основным направлениям современной языковой политики КНР и свидетельствует о необходимости осуществления официального контроля процесса распространения путунхуа и стандартизованных иероглифов и их повсеместного употребления.

В 2001 г. министерство образования и государственная комиссия по языку издали два документа о языковых стандартах и их формировании: «Меры управления языковыми стандартами государственной комиссии по языку» и «Правила оценочной комиссии по языковым нормам» [Language Situation...2013: 58].

Как известно, язык является средством создания и сохранения духовных ценностей сообщества. Поэтому при планировании языковой политики в любом полиэтническом государстве, даже при преобладании одной нации, невозможно не учитывать фактор функционирования национальных языков. В условиях многонациональности населения Китая естественным является принцип функциональной дополнительности, реализующийся за счет софункционирования как различных форм существования китайского языка (путунхуа, диалектных форм), так и сочетания «стандартизованной» формы китайского языка с языками различных этносов, проживающих на территории КНР. Вопрос национально-языкового строительства с учетом таких факторов, как этническая самоидентификация всех народов, проживающих на территории государства, их культуры и т.д. чрезвычайно важен в рамках языковой политики всей страны. На наш взгляд, именно по этой причине правительство КНР отказалось от придания китайскому, т.е. языку ханьцев, статуса государственного, а пошло путем внедрения так называемого «общеупотребительного», не имеющего прямой ассоциации с национальной принадлежностью языка. Эту мысль подтверждает Ст. 1 Закона об общегосударственном языке и письменности КНР, в котором указана роль стандартизованного языка для достижения экономического и культурного обмена между всеми национальностями Китая и регионов [Закон об общегосударственном языке...2001]. В настоящее время основным законом в отношении прав национальных меньшинств по-прежнему остается Закон КНР о национально-территориальной автономии от 31 мая 1984 г. Также в Ст. 4 Конституции КНР подчеркивается равенство всех этносов, проживающих на своих территориях [Конституция КНР 1982].

Наконец, важным показателем языковой политики КНР в XXI в. является «Долгосрочный план развития и реформ в отношении государственного языка и письменности на 2012 – 2020 гг.» (国家中长期语言文字事业改革和发展规划纲要 2012 – 2020). Данный план подразумевает «поощрение и регулирование использования национального общего языка, который базируется на общем построении социализма с китайской спецификой»; дальнейшее осуществление стандартизации языка; гармоничное развитие языка и снижение проблемы языковых конфликтов [http://www.china-language.gov.cn/gy2/files/…], а также другие направления деятельности, не противоречащие общему курсу языковой политики правительства КНР в настоящее время.

Типология языковой политики в КНР

Как отмечает В.М. Алпатов, «языковая политика в том или ином государстве может определяться разными факторами, может быть сознательной или стихийной» [Алпатов 2014: 11]. В условиях полиэтнического государства со сложным территориально-административным устройством таких факторов оказывается довольно много, в результате чего в стремлении решить максимальное число языковых проблем весьма сложно ограничиться каким-либо одним направлением языковой политики.

В данной части исследования мы попробуем выделить основные типы языковой политики, представленные на территории КНР в современный период. В основе данной классификации лежит типология российских социолингвистов А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, представленная в труде «Введение в социолингвистику» (1978 г.). Для начала рассмотрим все представленные критерии и попробуем отобрать необходимые для классификации конкретной языковой политики.

Таблица 3. Типология языковой политики по Л.Б. Никольскому и А.Д. Швейцеру

тип	**описание**
ретроспективная / перспективная	направленная на сохранение существующей языковой ситуации / обеспечивает изменение

	функционального соотношения языковых образований
централизованная / нецентрализованнная	осуществляется государственными органами власти / местными органами власти в переделах региона
демократичная / недемократичная	обеспечивает решение языковых проблем в интересах широких народных масс / отдельных слоев населения
интернационалистичная / националистичная	исходит из признания равноправия всех этносов / ориентирована на язык одной этнической группы

Отметим, что во избежание неправильного толкования последнему из представленных в таблице типов мы предпочли деление на однокомпонентную / многокомпонентную модель языковой политики, используемое в работах В.Ю. Михальченко [Михальченко 2008, 2015].

В результате нами было выделено четыре типа языковой политики на территории КНР:

1. *Перспективная централизованная демократичная однокомпонентная языковая политика*. Данный тип языковой политики представлен на территории провинций и городов центрального подчинения КНР, ее элементами являются диалекты китайского языка и путунхуа, которые, несмотря на лингвистические различия, указанные в начале Главы 2, все же принято считать диалектами и стандартизованной формой одного языка. Перспективная языковая политика подразумевает планирование, проведение реформ в языке, что мы и наблюдаем на всей территории КНР. Правительством проводится централизованная политика в отношении развития языков на указанной территории. Демократичность языковой политики в данном случае подразумевает распространение именно китайского/ханьского языка, т.е. языка большинства населения КНР, что обуславливает и однокомпонентность данной языковой политики.

2. *Перспективная централизованная демократичная многокомпонентная языковая политика*. Данный тип языковой политики представлен на территории автономных районов КНР, где функционирование местных языков находится под защитой государства в соответствии с Законом КНР о национально-территориальной автономии от 31 мая 1984 г., что обеспечивает соблюдение равноправия этносов.

3. *Перспективная нецентрализованная демократичная многокомпонентная языковая политика*. Данный тип языковой политики представлен на территории специальных административных районов Гонконга и Макао. Языковая политика осуществляется на местном уровне и обеспечивает софункционирование различных языков.

4. *Перспективная нецентрализованная демократичная однокомпонентная языковая политика*. Представлена на Тайване, где тайваньское правительство обеспечивает расширение функций языка гоюй, т.е. большинства населения, представленного ханьским этносом.

По сути, данная классификация отражает особенности политической системы КНР, в которой выделяются так называемые «два берега, три района» (两岸三地)[3]: континентальный Китай, Тайвань, Гонконг и Макао.

2.3. Социальные функции путунхуа, диалектов и языков нацменьшинств КНР

Слово «гармония» (和) часто встречается в китайском политическом дискурсе (в первую очередь, благодаря концепции «гармоничное общество (和谐社会) в Китае» бывшего председателя КНР Ху Цзиньтао) и в последнее время все

[3] Термин активно используется в китайских СМИ с момента образования САР Гонконга и Макао.

чаще звучит в контексте языкового строительства в Китае: оно периодически встречается на страницах аналитических отчетов о языковой политике КНР. По мнению Ли Юймина, гармонии в языковой жизни страны можно добиться посредством соблюдения баланса между китайским и иностранными языками, между путунхуа и диалектами китайского языка, а также между национальными языками [Language Planning in China 2015: 5]. При этом следует понимать, что в китайском сознании слово «гармония», будучи наследием конфуцианского знания, несет определенную смысловую нагрузку и свидетельствует о непрерывности китайской традиции и ее связи с современной политикой и, как следствие, с языковой политикой КНР.

Как мы уже заметили в ходе представленного выше анализа языковых ситуаций на территории КНР, баланс между функциональным развитием различных языков на территории государства способен отражать языковую ситуацию в стране, а именно: *сбалансированность*, при которой наблюдается равнозначность функционирования языков и *несбалансированность* или неравновесность, при которой наблюдается преобладание в различных сферах общения одних языков в ущерб функциональному развитию других [Никольский 1976: 80–88].

Понятие общественных функций языка неразрывно связано со сферами общения, под которыми понимается «область организованной деятельности людей в процессе производства и потребления духовных и материальных ценностей, языковые характеристики которой определяются ролью языка в достижении ее целей» [Михальченко 1984: 13]. Как отмечает Ху Шуцзин, «изучение общественных функций языка (语言的社会功能) представляет собой теоретическую базу китайской языковой политики» [Ху Шуцзин 1993: 43]. Такой вывод не случаен: функциональное развитие китайского языка непосредственно отражается на функционировании языков национальных меньшинств, которые также находятся в центре внимания языковой политики КНР.

Очевидно, что реализация языком общественных функций свидетельствует о потребности в его использовании со стороны общества. В то же время правительство в рамках языковой политики, в первую очередь, посредством законодательных актов способно в определенной степени оказывать влияние на реализацию этих функций тем или иным языком. В центре внимания языковой политики КНР – социальные функции путунхуа, диалектов китайского языка и языков проживающих на территории страны нацменьшинств, при этом одним из приоритетов современной языковой политики КНР является стремление к гармонизации языкового сообщества страны.

В данном разделе Главы 2 мы рассмотрим особенности языковой политики КНР, направленной на регулирование функционального развития путунхуа, диалектов китайского языка и языков национальных меньшинств. Для проведения анализа этих особенностей необходимо рассмотреть направления деятельности государственных органов КНР в отношении функционального развития языков в основных сферах общения.

В качестве основы для классификации сфер общения мы использовали классификацию Ю.Д. Дешериева, включающую 22 сферы общения:

1) сфера взаимообщения основной массы носителей языка;
2) сфера общения с представителями других народов на конкретном административно-территориальном образовании и за его пределами;
3) сфера официальной переписки с центральными учреждениями и другими регионами;
4) сфера радиовещания и телевидения в регионе;
5) сфера обучения в начальных школах;
6) сфера обучения в средних общеобразовательных школах;
7) сфера обучения в средних специальных учебных заведениях;
8) сфера обучения в ВУЗе;
9) сфера науки и техники;
10) сфера функционирования государственных учреждений;
11) сфера судопроизводства;

12) сфера делопроизводства и официальной внутриреспубликанской переписки;
13) сфера периодической печати;
14) сфера художественной литературы;
15) сфера искусства;
16) сфера функционирования культурно-просветительных учреждений;
17) сфера научно-общественной жизни;
18) сфера общественно-политической жизни;
19) сфера культурной жизни;
20) сфера технической документации;
21) сфера общения местного населения в транспорте, в сельском хозяйстве и учреждениях связи;
22) сфера общения в области обслуживания: торговле, общественном питании и т.д. [Дешериев 1976: 86–87].

Важно отметить, что, как и в любой авторской классификации, количество указанных сфер не является исчерпывающим. Кроме того, в силу постоянного развития технологий, как и развития жизни общества в целом, расширяется и область применения языка, что приводит к появлению новых сфер общения и исчезновению старых [Биткеева 2006: 29]. В данном исследовании мы представили те сферы, которые являются наиболее актуальными для описания интересующих нас языков, уделив внимание также религиозной сфере и особенно актуальной в настоящее время сфере Интернета. При этом все сферы общения мы представили в соответствии с социолингвистической классификацией на регламентируемые / нерегламентируемые государством.

2.3.1. Сфера регламентируемого общения

Любые изменения, связанные с функционированием путунхуа, так или иначе, влияют на функциональное развитие диалектов. Как уже отмечалось, законодательное закрепление статуса за языком в Китае до XX в. отсутствовало. В целом, как отмечает О.И. Завьялова, до начала XX в. любые устные формы

языка «развивались и взаимодействовали стихийно» [Завьялова 2014: 14]. Отдельно выделялся наддиалектный язык гуаньхуа (官话), которым владели китайские, прежде всего, пекинские чиновники. В конце правления династии Цин гуаньхуа был переименован в гоюй (国语), а термин путунхуа (普通话) применительно к государственному языку стал использоваться после образования КНР и начала активных языковых реформ. До этого термин путунхуа употреблялся даже в качестве противопоставления официальному государственному языку [Завьялова 2014: 42]. Кроме того, в ходе консультаций с профессорами Пекинского университета языка и культуры мы выяснили, что в настоящее время существуют различные варианты употребления данного термина: во-первых, в значении, приближенном к термину «государственный / официальный язык» и, во-вторых, как общеупотребительный язык той или иной местности, не имеющий отношения к пекинскому варианту китайского языка. Тем не менее во избежание путаницы в нашем исследовании мы будем придерживаться первого понимания термина.

Распространение путунхуа отвечает потребностям социально-экономического развития государства, включающего в себя различные сферы жизни общества. В условиях полиэтничности китайского населения путунхуа способствует сохранению национального единства, осуществлению взаимодействия между всеми регионами и сплоченности всего государства, а также повышению уровня грамотности населения. В результате этого распространение путунхуа стало основой национальной политики КНР, а также важным шагом на пути осознания национального единства, а, следовательно, и значимым направлением в политике для развития территорий проживания национальных меньшинств, а также распространения образования среди национальных меньшинств [Zhou Minglang 2004: 180].

В начале осуществления политики распространения путунхуа возникло препятствие в виде социального недовольства, поскольку население воспринимало путунхуа как угрозу для родного языка, диалекта. В 1958 г.

премьер Чжоу Эньлай попытался прояснить ситуацию, заявив: «Распространение путунхуа имеет целью стирание барьеров между диалектами, а не запрет или отмену диалектов» [Chou En-lai 1958].

Как отмечает Чжоу Минлан, на неудачи в распространении путунхуа в Китае на начальном этапе повлиял ряд причин, среди которых, прежде всего, стоит отметить опасения за судьбу диалектов, риск утраты культуры, а также отношение к путунхуа как к языку бюрократов. К тому же, язык был недостаточно стандартизован для его усвоения [Zhou Minglang 2004: 48]. Для решения последней задачи необходимо было разработать фонетические, грамматические, синтаксические и другие нормы данного языка.

Несмотря на то, что путунхуа основан на северных диалектах, для его стандартизации было необходимо тщательное изучение как северных, так и южных диалектов, их взаимосвязи. В 1950-е-70-е гг. была нехватка подобных исследований, к тому же разработчики путунхуа не понимали положительного влияния диалектов на процесс изучения языка [Zhou Minglang 2004: 49]. Исследователям потребовались десятки лет на переосмысление взаимосвязи путунхуа и диалектов. В Законе КНР об общегосударственном языке и письменности от 2001 г. указаны случаи использования диалектов. Согласно Ст. 16 Закона, допускается использование местных диалектов в следующих случаях:

- «когда государственным служащим необходимо использование диалектов в ходе выполнения должностных обязанностей;
- когда диалекты используются во время трансляции теле- и радиопередач с разрешения вещательной администрации в соответствии с указаниями Госсовета или министерства теле- и радиовещания на местном уровне;
- когда использование диалектов необходимо в классической опере, фильмах, телепрограммах или иных формах искусства;

- когда использование диалектов действительно необходимо в сфере печати, образования и исследования» [Закон об общегосударственном языке...2001].

Таким образом, в соответствии с законодательством КНР, использование диалектов китайского языка в регламентируемых сферах общения является, скорее, исключением, нежели нормой.

В отношении национального вопроса гоминьдановская политика в начале XX в. не предпринимала активных действий, в результате Китайская Народная Республика «в наследство» от Китайской Республики получила «разрозненную войной страну с населением 475 млн человек, из которых доля неханьского населения составляла примерно 10 %, или 47 млн» [Корсун, Воскресенский 2008: 444]. При этом отмечалось довольно опасное положение доминирующего этноса в силу неравномерного расселения представителей национальных меньшинств. Однако законодательное закрепление статуса языка впервые получило отражение именно в вопросе языков национальных меньшинств: Ст. 53 принятой накануне образования КНР Общей программы НПКСК гласит: «Все национальные меньшинства обладают равным правом на развитие своего языка, сохранение или реформирование своих традиций, свободу вероисповедания. Народное правительство должно оказывать поддержку в формировании политики, экономики, культуры национальных меньшинств» [Общая программа НПКСК 1949].

Первая в истории КНР Конституция 1954 г. закрепила право национальных меньшинств на развитие своего языка и, к тому же, утвердила право на использование языков нацменьшинств в судопроизводстве на местах [Конституция 1954]. Подобный шаг со стороны правительства КНР свидетельствовал о политике, направленной на поддержание совместного функционирования китайского языка и языка нацменьшинств в сфере судопроизводства.

В настоящее время основными законами, регламентирующими использование языков национальных меньшинств, являются Закон об

общегосударственном языке и письменности от 2001 г. и Закон о национально-территориальной автономии от 1984 г. Согласно Ст. 23 Закона КНР о национально-территориальной автономии, местные органы государственной власти имеют право на использование распространенного в данной местности языка и письменности [Закон о национально-территориальной автономии 1984], что способствует развитию доминирующих языков национальных меньшинств в сфере функционирования государственных учреждений.

Сфера массовой коммуникации

Ученые разделяют мнение о том, что сфера массовой коммуникации является одной из наиболее значимых сфер общения. Действительно, уже давно не секрет, что СМИ способны выступать в качестве проводника в распространении правительственных идей в массы и, тем самым, являться средством формирования общественного мировоззрения и даже в той или иной степени влиять на самосознание граждан, что играет далеко не последнюю роль в осуществлении языковой политики в любой полиэтнической стране. Правительство КНР регулирует употребление путунхуа в данной сфере и использует ее в качестве основного средства пропаганды путунхуа.

Употребление диалектов на радио и телевидении регулируется государственной комиссией по делам прессы, издательства, радио, фильмов и телевидения КНР, и их функционирование в данной сфере весьма ограничено. В соответствии с Декларацией об употреблении нормативного языка в сфере телевещания от 2008 г., все персонажи кино (в том числе исторического, включая изображаемых в кино политических лидеров) должны говорить на путунхуа, «при нормальных условиях диалекты и нестандартизованная лексика не используются» [Language Situation...2013: 88].

Сфера образования

Система образования в КНР базируется, прежде всего, на Законе об образовании в Китайской Народной Республике от 18 марта 1995 г. [Закон КНР об образовании 1995]. В целом выделяется четыре уровня образования:

- дошкольное образование (学前教育);
- начальное образование (初等教育);
- среднее образование (中等教育);
- высшее образование (高等教育).

Девятилетнее обязательное образование (включающее в себя уровень начального и неполного среднего) гарантируется всем гражданам КНР по достижении шестилетнего возраста согласно Закону КНР об обязательном образовании, что также закреплено в Главе 1 Ст. 19 Конституции КНР от 1982 г. [Конституция 1982].

Согласно Ст 12 Закона КНР об образовании, общегосударственный язык и письменность являются основными в учебных заведениях КНР, кроме того, на территории национальных автономий КНР допускается двуязычное образование с использованием языка местного этноса [Закон КНР об образовании 1995]. Использование общегосударственного языка и стандартизованных иероглифов в сфере образования регламентировано также и Законом об общегосударственном языке и письменности от 2001 г., использование же местных диалектов, а также традиционных иероглифов и их вариантов допускается лишь в ситуации, когда это «действительно необходимо» [Закон об общегосударственном языке…2001].

В Таблице 4 представлено изменение числа учащихся в школах и вузах КНР за десятилетний период с 2000 по 2010 гг. В целом показатели свидетельствуют о значительном росте числа учащихся вузов и аспирантов на фоне незначительного роста числа школьников (снижение количества учащихся начальных классов можно объяснить уменьшением числа населения граждан КНР в возрасте от 6–9 лет в 1,3 раза за указанный период, что, в свою очередь, обусловлено демографической политикой КНР).

Таблица 4. Число школьников и студентов вузов КНР. Данные представлены на основе переписи населения КНР за 2000 [http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/5rp/index.htm] и 2010 г. [http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm].

	начальная школа (младшие классы)	неполная средняя школа	полная средняя школа	высшее образование	аспирантура
2000	441613351	422386607	99073845	14150726	883933
2010	357211733	518176222	186646865	45625793	4138585

Продолжая тему развития сферы образования, на этот раз на территории компактного проживания представителей национальных меньшинств КНР, следует отметить, что гарантом сохранения общественных функций языков национальных меньшинств в данном случае вновь выступает Закон КНР о национально-территориальной автономии. Ст 37 Закона предполагает использование учебного материала на языках национальных меньшинств, а Ст. 49 – постижение основ путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов в условиях обучения на родном языке [Закон о национально-территориальной автономии 1984]. Таким образом, положения Закона об автономии предлагают сбалансировать изучение китайского языка и языков некитайских национальностей. При этом путунхуа вводится в программу обучения в национальных школах, начиная с младших, или, при необходимости, со старших классов [Закон о национально-территориальной автономии 1984].

Судопроизводство

Что касается сферы судопроизводства, то аналогичным образом Закон КНР о национально-территориальной автономии гарантирует права граждан на использование общеупотребительного на данной территории языка национального меньшинства в судебных делах (Ст. 47) [Закон о национально-территориальной атономии 1984], тогда как в оставшейся части государства в данной сфере употребляется исключительно путунхуа.

К примеру, уйгурский язык является языком самой многочисленной народности, проживающей на территории Синцзян-Уйгурского автономного района (далее – СУАР). Согласно переписи населения КНР от 2010 г., население

уйгуров в СУАР составило 10001302 (из общего числа 10069346 уйгуров, проживающих на всей территории КНР), что превысило общее число ханьцев (8829994) на денной территории. Третьим по величине народом СУАР являются казахи – 1418278 жителей. Наряду с общеупотребительным путунхуа уйгурский язык используется в законодательной сфере СУАР, казахский же язык употребляется в законодательной сфере Или-Казахского автономного округа СУАР – единственного в КНР автономного округа субпровинциального значения, имеющего статус выше окружного.

Интернет

С развитием сферы Интернета в задачи государственных органов по делам языкового строительства КНР вошли также вопросы регулирования данной сферы. Несмотря на то, что проблема функционирования языка в Интернете не затрагивается в законодательной базе по языкам КНР, данная сфера находится под серьезным контролем государственных органов КНР, развитие функционирования китайского языка в виртуальной сети активно изучается лингвистами, на основе интернет-лексики разрабатываются корпусы китайского языка и т.д.

2.3.2. Сферы нерегламентируемого общения

Нерегламентируемые / аморфные сферы общения по определению «не подлежат регламентации со стороны государства или общества» [Словарь 2006]. Тем не менее именно свободное использование путунхуа в сфере семейного, повседневного бытового межличностного общения является конечной целью языковой политики КНР.

Правительство КНР активно пропагандирует повсеместное использование путунхуа среди населения, поощряет использование путунхуа представителями национальных меньшинств, проживающих на территории национальных автономий, что отражено в Законе КНР об общегосударственном языке и письменности и Законе КНР о национально-территориальной автономии [Закон

об общегосударственном языке...2001; Закон о национально-территориальной автономии 1984].

Ханьцы и национальные меньшинства находятся в тесном контакте, что непосредственно влияет на функциональное развитие языков последних и их владение китайским языком. Так, специалисты склонны выделять пять групп по степени использования китайского языка национальными меньшинствами:

1) абсолютное большинство населения использует только свой национальный язык, лишь незначительная часть владеет китайским. К этой группе относятся 10 народностей, около 15 % всей численности нацменьшинств КНР. Эти народы, среди которых наиболее многочисленными являются уйгуры и тибетцы, имеют широкий ареал проживания и численно на данных территориях преобладают над китайским населением. Культурная, экономическая и национальная специфика этих народов на данных территориях широко и ярко представлена;

2) народности монголы, буи, мяо, чжуаны и т.д., большинство из которых использует только свой национальный язык, одна часть которых знает китайский, а другая уже полностью перешла на китайский язык. Сюда относят более 10 народностей, около 54 % всей численности нацменьшинств КНР. Хотя для этих народностей характерно компактное проживание, большая часть этих этнических групп проживает дисперсно с ханьским населением, поэтому национальная специфика сохранилась только в районах компактного проживания этих народов;

3) народности дунсяне, сара, мулоу, маонань и т.д. Сюда входят около 20 народностей, примерно 9 % всей численности нацменьшинств КНР. Родной язык они используют только внутри своей этнической группы, при общении с представителями других национальностей используют китайский язык;

4) народности шэ, мулао, туцзя и т.д. Большая часть представителей этих народов перешла на китайский язык, только малая часть наряду с китайским использует свой национальный язык;

5) народности мань (маньчжуры) и хуэй. Родной язык этих народностей уже не используется, используется китайский язык. К 4 и 5 группе относятся

несколько народностей, которые составляют около 21 % всей численности нацменьшинств КНР [Хуан Син, Ян Яньли 2003: 194–196].

Итак, основой языковой политики КНР в 2000-е гг. служит стремление к формированию гармоничного общества в масштабах всего государства. Разнообразие диалектов китайского языка, с одной стороны, свидетельствует об их демографической мощности, а с другой, о национальном самосознании китайцев, которые воспринимают родной язык как диалект ханьского языка, тогда как с лингвистической точки зрения диалекты китайского языка представляют собой самостоятельные идиомы.

Языковая политика КНР является одним из средств реализации национальной политики государства, как необходимого составляющего общегосударственной политики, направленной на сохранение территориальных границ КНР и обеспечения безопасности в приграничных районах государства, как основных территорий компактного проживания национальных меньшинств Китая.

Типология, разработанная советским социолингвистами, вполне подходит для анализа языковой ситуации и языковой политики КНР, что можно объяснить ее ориентированностью на полиэтническое государство, а также активным российско-китайским взаимодействием в советский период. В свою очередь, неоднородность языковой ситуации требует от правительства КНР принятия нестандартных решений в рамках различных моделей языковой политики в различных регионах страны, что обуславливает «китайскую специфику» в языковом планировании КНР.

ГЛАВА 3
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ В КНР

Функциональное развитие путунхуа, диалектов и языков нацменьшинств, а также иностранных языков в КНР отражает сложившуюся языковую ситуацию в стране и в то же время свидетельствует об успехах и неудачах того или иного направления в языковой политике государства. Как отмечает китайский социолингвист Дай Цинся, функциональное развитие языков национальных меньшинств на современном этапе является необходимым материалом для изучения изменений в языке в целом [Дай Цинся 2015: 2–3].

В задачи данной главы входит анализ развития функционального развития языков, функциональная дистрибуция языков КНР на основе фактических результатов реализации языковой политики правительством КНР, в первую очередь, на основе опросов, проведенных нами среди китайского населения в 2014 – 2016 гг., а также статистических данных; показателей, представленных в ежегодных аналитических отчетах о языковой ситуации в КНР, с учетом данных, полученных в результате опроса, проведенного А.Н. Биткеевой в 2005 г. среди ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Число участников нашего опроса составило около 400 человек. В силу сложности языковой ситуации и комплексного характера диалектов китайского языка в КНР опрос подразумевал участие представителей различных регионов страны, прежде всего, северо-восточного и южного. Кроме того, участие принимали и представители национальных меньшинств, наибольшее число из которых составили монголы, в основном проживающие компактно на территории автономного района Внутренняя Монголия. Информантам предлагалось ответить на вопросы анкет, посвященных исследованию функционального развития языков в КНР. По типу информантов мы разделили анкеты на три основные группы: взрослые, т.е. совершеннолетние, получившие/не получившие высшее образование и занятые в той или иной деятельности (упор в таких анкетах делался

на использование информантами путунхуа); студенты любых специальностей (с упором на использование информантами иностранных языков) и студенты-русисты (с упором на выявление данных о функциональном развитии русского языка). Количественные параметры функционального развития языков в КНР при этом отражены в суммарных показателях употребления их участниками опроса, тогда как качественные определяются указанным уровнем владения тем или иным языком, а также фактическим употреблением этих языков в основных сферах общения. Общая структура применявшихся нами анкет выглядит следующим образом: вначале представлена общая информация об участнике опроса, включающая пол, возраст, этническую принадлежость, профессиональную деятельность (в случае анкет для взрослых), специальность (в случае анкет для студентов) и др.; затем для возможности выявления языкового сдвига в анкете представлена информация о родном/материнском языке/диалекте информанта и его родителей; далее вопросы анкеты посвящены непосредственно употреблению путунхуа и иностранных языков, а также уровню их владения информантом; в завершении представлены вопросы, посвященные сферам употребления языков. В анкетах для студентов-русистов дополнительные вопросы касаются причин, побудивших информанта к изучению русского языка, для использования дополнительной возможности исследовать современное положение русского языка как иностранного в КНР (см. подробнее Приложение 3). Для подтверждения результатов полученных анкетных данных и соответствующих выводов нами дополнительно применялся метод устной беседы с информантами с китайской стороны.

По причине комплексного характера языковой ситуации в КНР в условиях многонационального состава населения мы предпочли разбить структуру данной главы в соответствии с основными объектами нашего обследования. В результате отдельные разделы главы посвящены анализу функционирования путунхуа и диалектов китайского языка, языков национальных меньшинств, а также иностранных языков на территории КНР. При этом в последнем разделе основное внимание уделяется функционированию английского языка как самого

распространенного иностранного языка в мире, а также функционированию русского языка как иностранного, который интересует нас как представителей Российской Федерации, в которой этот язык обладает статусом государственного.

За основу анализа нами использовалась классификация сфер общения Ю.Д. Дешериева, включающая 22 сферы общения [Дешериев 1976: 86–87]. При этом в каждом разделе главы мы описываем те сферы, которые являются наиболее актуальными для интересующих нас языков, представив также и функционирование языков в по-прежнему актуальной религиозной сфере, а также в получившей развитие за последние десятилетия сфере Интернета.

3.1. Анализ функционального развития путунхуа и диалектов в КНР

Вполне естественно, что в условиях многонациональности населения КНР и больших территорий компактного проживания представителей национальных меньшинств, функциональное развитие путунхуа происходит неравномерно. Ситуация осложнена еще тем, что на путунхуа, употребляемом в том или ином регионе КНР, накладываются специфические особенности, которые могут проявляться как на фонетическом, так и на грамматическом уровне. По этой причине государство вынуждено подбирать разные направления языковой политики в соответствии с языковой ситуацией, сложившейся на территории КНР, что и было подтверждено нами в Главе 2 посредством классификации типов языковой ситуации и языковой политики на территории КНР.

Продвижение путунхуа и расширение его функций является ключевой задачей современной языковой политики КНР. К примеру, государство поощряет культурные и деловые обмены между представителями Тайваня, а также специальных административных районов Гонконга и Макао, в ходе которых путунхуа, выступая в качестве лингва-франка, способствует осуществлению коммуникации между носителями различных диалектов китайского языка [Language Situation...2013: 335]. Такой стратегический ход способствует повышению престижа путунхуа как языка бизнеса и языка как символа активной

жизненной позиции среди населения, и если прежде для успешной ассимиляции на территории Макао носителям путунхуа требовалось активное изучение кантонского диалекта, то за последние годы наблюдается положительная динамика в сторону употребления именно путунхуа.

Как отмечает Ли Юймин, по мере осуществления кампании по распространению путунхуа ситуация, при которой дети, для которых родным языком (母言) является тот или иной диалект китайского языка, с ранних лет начинают изучать путунхуа, становится наиболее распространенной [Ли Юймин 2010: 26]. Более того, в ходе проведения устных интервью среди представителей смешанных браков, т.е. представителей ханьской и неханьской национальности, выяснилось, что зачастую дети подобных браков не владеют языком соответствующего национального меньшинства, в связи с тем, что единственным средством общения в семье являлся путунхуа.

Таким образом, путунхуа является не только национальным языком народности хань, но и общим языком для других народностей, проживающих в КНР. Это официальный язык сферы образования, сферы государственной деятельности, массовой коммуникации, научной деятельности и т.д., который соответственно выполняет информационные, деловые, образовательные, научные и другие важные функции. Если в начале кампании по распространению путунхуа планировалось решение проблемы непонимания между носителями разных диалектов, т.е. преодоление диалектного «барьера» в ходе коммуникации и достижение повсеместного употребления путунхуа среди населения, то в настоящее время задачи распространения путунхуа подразумевают «города как цель, школы как базу, государственные учреждения как приоритет, радио и телевидение как образец, а сферу услуг как средство общения» [Language Situation...2013: 27]. Сегодня путунхуа присутствует во всех сферах общения. В сочетании с официальным вариантом письменного китайского языка путунхуа является основным средством взаимодействия в Интернете.

Тем не менее в силу существования широкой диалектной базы в КНР, еще рано говорить о доминировании путунхуа во всех сферах. Китайскими диалектами продолжает пользоваться большая часть населения страны, несмотря на то, что ситуация стремительно меняется в самых разных регионах [Завьялова 2014]. Говоря о диалектах китайского языка, прежде всего, необходимо напомнить о той значительной разнице между большинством из них, что заставляет ученых задумываться о восприятии последних в качестве отдельных языков. Однако здесь важно понимать, что в основе восприятия диалектов китайского языка лежит национальная идеология, способствующая поддержанию китайской идентичности, а вместе с тем и единства в сознании населения.

С момента принятия Закона КНР об общегосударственном языке и письменности в январе 2001 г. отмечается проведение активной кампании по распространению путунхуа, направленной на постепенное вытеснение диалектов, что неизбежно повлекло за собой уменьшение числа говорящих на родном диалекте граждан. Однако постепенное осознание значимости диалектов как культурного наследия, а также их положительной роли при усвоении гражданами норм путунхуа впоследствии привело к обратным мерам со стороны китайского правительства, направленным на сохранение «нематериального культурного наследия» [Завьялова 2014: 99]. К примеру, с 2013 г. повышается общественное внимание к сохранению диалектов восточной части страны в сфере образования, языковых данных, общественного транспорта и литературы [Language Situation...2014].

Для каждого носителя языка наиболее показательной сферой его употребления является сфера *семейно-бытового общения*, как сфера, представляющая собой наиболее естественную среду обитания человека в условиях минимального психологического давления со стороны общества. Говоря об употреблении путунхуа и диалектов в КНР в сфере семейно-бытового общения, следует понимать, что ситуация в разных частях государства отличается в зависимости от демографической и коммуникативной мощности того или иного

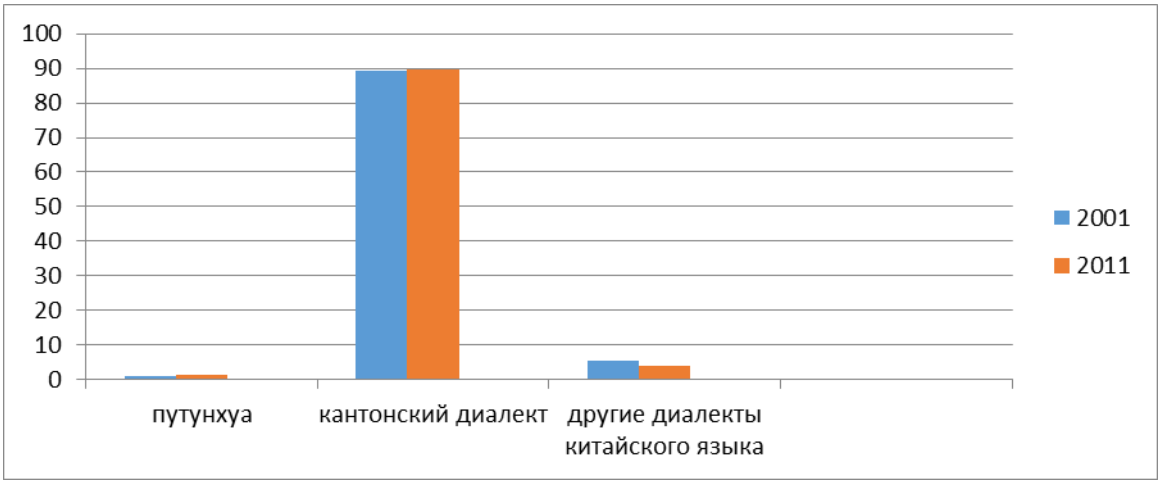
местного диалекта. К примеру, распространение кантонского диалекта на территории Гонконга во всех сферах значительно превышает функционирование путунхуа. Согласно данным переписи населения, которое проводило правительство специального административного района Гонконг в 2001 г., 5,72 млн жителей Гонконга (89,2 % населения) в повседневном общении используют кантонский диалект, 55410 граждан используют путунхуа и 203598 – английский [http://www.censtatd.gov.hk/major_projects/2001_population_census/…].

Аналогичные результаты представлены в публикации гонконгских исследователей Ли Кхуайсана и Лен Ваймуня. Согласно их исследованию, проведенному в 2009 г., «самым эффективным языком коммуникации является кантонский», тогда как показатели использования путунхуа во всех сферах общения колеблются между «никогда» и «крайне редко». Как отмечают сами исследователи, несмотря на довольно низкие показатели употребления английского языка и путунхуа в случае необходимости граждане Гонконга готовы переключаться на путунхуа с кантонского [Lee, Leung 2012]. Важно понимать, что под кантонским диалектом подразумевается устная форма существования языка, тогда как под письменной подразумевается официальный письменный вариант китайского языка.

Согласно переписи населения Гонконга за 2011 г., процентное соотношение граждан, использующих кантонский диалект в повседневном общении, выросло незначительно – до 89,5 %, тогда как употребление путунхуа среди населения увеличилось в полтора раза (см. График 1). Таким образом, с одной стороны, на данный момент еще рано говорить об успешной реализации распространения путунхуа среди гонконгского населения, с другой, подобные показатели свидетельствуют об отсутствии притеснения права употребления гражданами Гонконга родного диалекта со стороны китайского правительства, что говорит в пользу многокомпонентной языковой политики, осуществляемой на данной территории.

График 1. Использование языков в повседневном общении среди граждан Гонконга (на основе данных переписи населения Гонконга за 2001 и 2011 гг.)

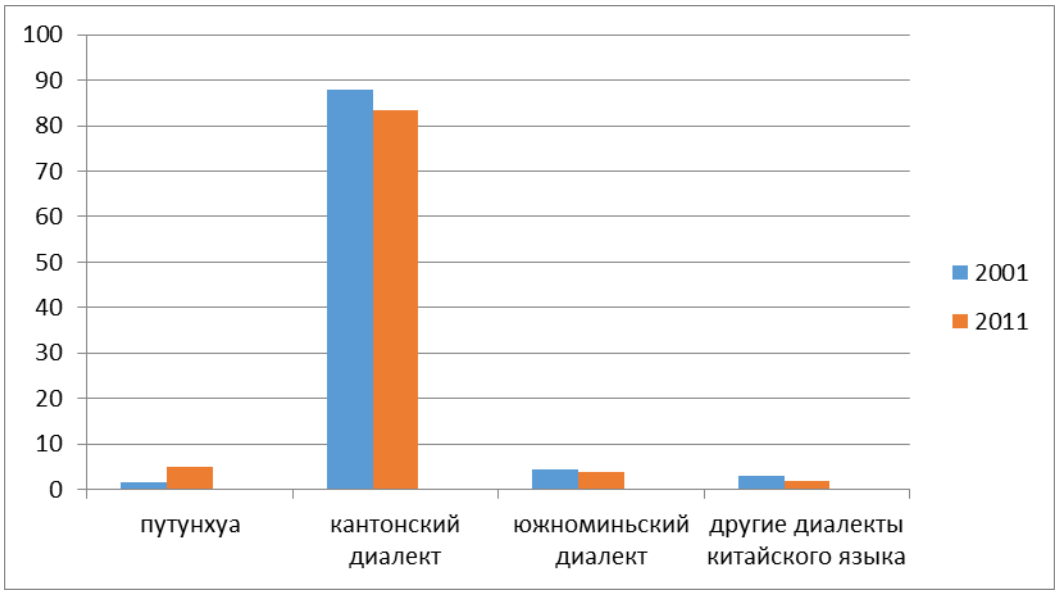
[http://www.census2011.gov.hk/pdf/summary-results.pdf]



Для Макао статистика употребления языка среди граждан в семейно-бытовом общении за 2001 г., т.е. вскоре после образования САР Макао, гласит, что наиболее распространенным является кантонский диалект (88 % населения), южноминьский/южнофуцзяньский диалект (4,4 % населения) и путунхуа (2 % населения). Английский и португальский языки распространены меньше – 0,7 % от общего числа населения Макао [Language Situation...2013: 335]

По возвращении Макао на территорию КНР в рамках общегосударственной языковой политики началась политика продвижения на его территории путунхуа. Если сопоставить демографическую мощь путунхуа, исходя из показателей переписи населения Макао 1991, 1996, 2001 гг. с показателями за 2006 г., то число говорящих на путунхуа в качестве основного языка увеличилось в два раза, что свидетельствует об успешности языковой политики в отношении распространения путунхуа со времен возвращения Макао в состав КНР. Однако не стоит забывать, что распространенность кантонского диалекта среди населения Макао намного превышает данные показатели. Тем не менее если сопоставить данные за десятилетний период за 2001 и 2010 гг. (см. График 2), то можно заметить еще более значительный рост владения путунхуа в качестве основного средства общения от 1,6 % (2001 г.) до 5 % (2010 г.), тогда как приоритетное использование кантонского диалекта снизилось с 87,9 % (2001 г.) до 83,3 % (2010 г.) [Macao population census 2011].

График 2. Использование языков в повседневном общении среди граждан Макао (на основе данных переписи населения Макао за 2001 и 2011 гг.) [Macao population census 2011]



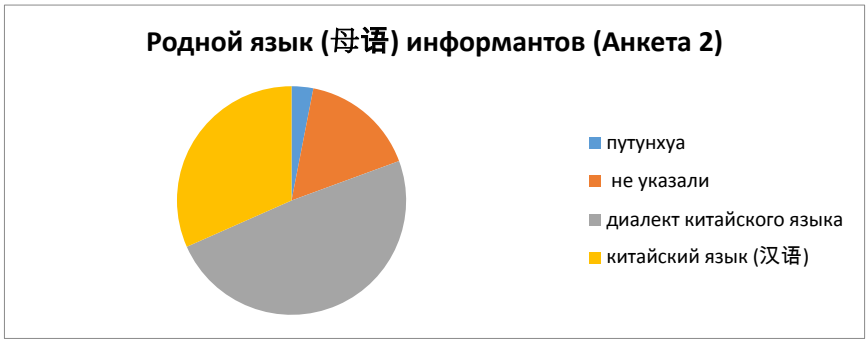
Представим результаты опроса, проведенного нами в период с 2014–2016 гг. среди китайских студентов, целью которого было выявление уровня владения путунхуа (см. Приложение 3 Анкета 1). Первый блок вопросов Анкеты 1 включал вопросы о месте рождения, родном языке информанта и его родителей, далее требовалось указать уровень владения путунхуа от низкого до высокого по четырем показателям: пониманию на слух, говорению, чтению и письму. Вопросы также включали информацию о месте и возрасте начала изучения путунхуа, сферах его использования.

В качестве родного языка (母语) 67 % информантов указали диалект местности, в которой родились. 29 % информантов в качестве родного языка указали 汉语 (китайский язык, букв. «ханьский язык»), кроме того, 4 % опрошенных в качестве родного языка указали путунхуа (см. График 3). 98 % студентов отметили высокий или хороший уровень владения путунхуа. При этом, согласно результатам опроса, представители северных провинций КНР (в данном случае провинции Хэйлунцзян, Хэбей) отметили более высокий уровень путунхуа и большее число сфер его употребления, в отличие от представителей южных провинций (Хунань, Гуандун).

График 3. Результаты опроса китайских студентов в отношении родного языка по данным Анкеты 1

В аналогичном опросе 48 % информантов среди представителей среднего поколения китайцев от 30 до 47 лет (см. Приложение 3 Анкета 2) в качестве родного языка (母语) указали диалект той местности, в которой родились (см. График 4). 31 % информантов в качестве родного языка указали 汉语 (китайский язык, букв. «ханьский язык») . Нам представляется естественным, что последние отметили высокий уровень владения путунхуа. Кроме того, 3 % опрошенных указали путунхуа в качестве родного языка, отметив при этом конкретный возраст начала изучения путунхуа, что в данном случае подтверждает упомянутую в Главе 2 многозначность данного термина, с одной стороны, как стандартизованного варианта китайского языка и, с другой, как наиболее распространенного языка в той или иной местности. Более того, 16 % затруднились ответить на вопрос о родном языке, что свидетельствует о возможном недопонимании термина 母语 (родной язык, букв. «материнский язык»).

График 4. Результаты опроса китайских граждан среднего возраста в отношении родного языка по данным Анкеты 2



В очередном опросе также приняли участие тайваньские студенты и выпускники, для которых мы перевели содержимое анкет на традиционное письмо, поскольку на Тайване, как уже упоминалось, упрощения иероглифики не производилось. Мы намеренно не стали менять термин «путунхуа» на «гоюй», принятый на Тайване, в силу некоторых лексических, грамматических, а также фонетических отличий последнего от континентального путунхуа. При ответе на вопрос о родном языке информанты указывали тайваньский вариант китайского языка (台灣華語), китайский язык (中文), южноминьский/южнофуцзяньский диалект (閩南語), а также «гоюй» (國語). При этом подмена термина «гоюй» термином «путунхуа» в вопросе об уровне владения этим вариантом китайского языка не смущала информантов, и все отметили высокий уровень его владения наряду с повсеместным использованием последнего.

Несмотря на очевидность субъективности восприятия собственных возможностей среди носителей диалектов, а также стремления казаться образованнее, результаты опроса, так или иначе, отражают языковую ситуацию в стране. Налицо проблема разночтений гражданами КНР в значении терминологии, связанной с языками, и, как следствие, затруднение в получении объективных результатов опросов на данную тематику.

Сфера образования

Будучи одной из составляющих формирования национального самосознания, сфера образования является одним из важнейших способов

сохранения языка. В XXI в. в КНР число населения, вовлеченного в образовательную сферу, продолжает расти.

Используя возможность повлиять на формирование языковой компетенции значительного числа граждан, правительство КНР проводит целенаправленную политику распространения путунхуа именно через образовательную сферу. Как показали результаты нашего обследования, среди информантов среднего поколения и студентов, вне зависимости от территориального происхождения и разновидности родного диалекта, в ответе на вопрос об уровне владения путунхуа по шкале от «плохого» до «отличного» подавляющее число старшего поколения информантов (83 %) склонны отвечать «хорошее», тогда как среди студентов наблюдается тенденция (80 %) отвечать «отличное». Более высокий уровень владения путунхуа среди молодых информантов нашего опроса по сравнению со старшим поколением говорит об успешном внедрении путунхуа в сферу образования. Несмотря на то, что большая часть информантов среди ханьского этноса (87%) начали изучать путунхуа с раннего детства в семено-бытовом общении, часть из них начали изучать путунхуа в начальной школе (9%) и даже в университете (4%).

В отношении сферы образования в Гонконге как главной территории активного использования кантонского диалекта среди населения Ли Сан и Лен Ваймунь отмечают несправедливое ущемление прав кантонского диалекта за счет стремления властей распространить английский язык и путунхуа, несмотря на официальный статус кантонского языка в рамках трехязычной политики, провозглашенной на территории САР Гонконг[4].

Сфера массовой коммуникации (телевидение, радио, печать)

В целом ситуация с использованием диалектов в средствах массовой коммуникации совпадает с заявленным направлением языковой политики КНР в этой сфере (см. Главу 2), т.е. употребление диалектов и письма, расходящегося с

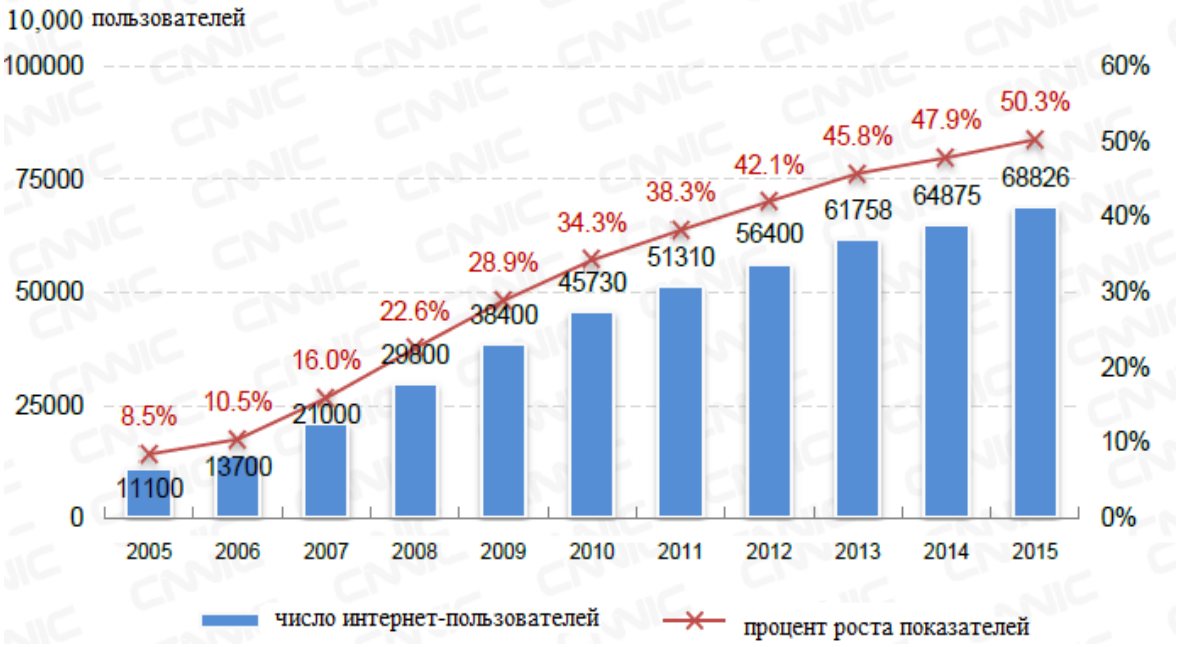
[4] Точнее, политики софункционирования «трех языков и двух письменностей» (两文三语/Biliteracy and Trilingualism), подразумевающей путунхуа, кантонский диалект и английский язык в качестве устного варианта, а также официальный китайский письменный вариант и английский.

нормами стандартизованных иероглифов китайского языка, допускается лишь в исключительных случаях (см. Ст. 16 Закона об общегосударственном языке и письменности). Таким образом, функционирование языка в данной сфере находится под полным контролем государства, и такое положение вещей до сих пор остается предметом оживленных дебатов относительно ущемления прав диалектов. Тем не менее 30 % информантов из Тайваня, которым дополнительно предлагалось обозначить используемые языки во всех сферах общения в регионе их проживания, помимо гоюя или китайского языка в сфере СМИ отметили функционирование тайваньского варианта китайского языка (台灣華語), тайваньского наречия южноминьского языка (台語) и диалекта хакка (客家语).

Интернет

В XXI в., когда число интернет-пользователей в КНР достигло невероятных показателей (см. График 5), «общение посредством виртуальной сети превратилось в привычку для большинства людей. Жизнь языка сети Интернет формирует новую культуру» [Language Situation...2013: 6]. Согласно отчету о китайских информационных ресурсах, на 2004 г. процент употребления упрощенных иероглифов на различных интернет-сайтах в десятки раз превышал употребление традиционной иероглифики, английского или любого другого языка [Language Situation...2013: 374]. Такие показатели не являются удивительными, поскольку по мере вступления китайского языка в цифровую эру в КНР проводилась активная работа по оцифровке китайской иероглифики для упрощения пользования Интернетом китайскими гражданами. При этом в условиях явного преобладания путунхуа, в данной сфере общения также допускается употребление диалектов, как, например, в случае с общением в социальных сетях, которое в настоящее время перешло в сферу повседневного общения.

График 5. Число интернет-пользователей КНР (2005 – 2015 гг.) по данным Информационного центра сети Интернет в КНР [CNNIC Statistical Report on Internet Development in China (January 2016)].



Во всех остальных ключевых сферах общения, включающих административную, судопроизводственную, научную и др., безусловно преобладание путунхуа над диалектами, что вполне соответствует поставленным задачам языковой политики КНР в отношении распространения путунхуа.

3.2. Сферы функционирования языков нацменьшинств в КНР

До проведения политики реформ и открытости регионы компактного проживания национальных меньшинств в силу ряда причин, таких как низкий культурный и образовательный уровни, недостаточная развитость инфраструктуры, экономическая отсталость и др., пребывали в состоянии одноязычия. С наступлением изменений в языковой политике правительства увеличивается количество языковых контактов, что приводит к распространению двуязычия среди этносов [Дай Цинся 2015: 3].

В настоящее время в условиях языковых контактов представителей национальных меньшинств с ханьцами в стране выделяются три типа национального билингвизма:

- *массовое двуязычие* (普遍), при котором большая часть населения того или иного административно-территориального образования в КНР является билингвами;

- *развивающийся билингвизм* (发展), при котором процентное соотношение билингвов составляет от 15 до 50 процентов;

- *регрессивный билингвизм* (收缩), при котором билингвы составляют менее 15% национального населения. В рамках данного типа билингвизма возможны два варианта: при котором молодежь перестает использовать родной язык в пользу китайского (нанайцы, гэлао, тутзя, шэ, маньчжуры) и при котором, напротив, двуязычная часть населения представлена молодежью (дулуны, тибетцы, уйгуры, казахи) [Ли Юймин 2010: 29 – 30].

Таблица 4. Типы билингвизма, выделенные на основе классификации Ли Юймина в сочетании с демографическими показателями населения на момент последней переписи населения в КНР за 2011 г.

Массовое двуязычие	желтые уйгуры (14378), баоань (20074), цзино (23143), цзин (28199), эвенки (30875), салары (130607), дауры (131992), киргизы (186708), мулао (216257), наси (326295), дунсян (621500), бай (1933510), буи (2870034), чжуаны (16926381)

Развивающийся билингвизм	татары (3556), лоба (3682), орочоны (8659), мэньба (10561), узбеки (10569), дэаны (20556), ну (37523), ачаны (39555), пуми (42861), таджики (51069), маонань (101192), буланы (119639), цзинпо (147828), сибо (190481), ту (289565), цян (309576), шуйцы (411847), ва (429709), лаху (485966), лису (702839), дайцы (1261311), ли (1 463064), хани (1660932), корейцы (1830929), яо (2796003), дун (2879974), монголы (5981840), и (8714393)
Регрессивный билингвизм	нанайцы (5354), гэлао (550746), шэ (708651), тутзя (8353912), маньчжуры (10387958)
	дулуны (6930), казахи (1462558), тибетцы (6282187), уйгуры (10069346)

Если сопоставить демографические показатели национальностей, среди которых распространено массовое двуязычие, можно судить о том, что в большинстве случаев оно вызвано низкой демографической мощностью национального языка с одной стороны, и коммуникативной мощностью с другой, поскольку даже среди желтых уйгуров, составляющих по данным переписи населения за 2010 г. менее 15 тыс. жителей, не наблюдается тенденции остаточного билингвизма в ущерб родному языку населения. В то же время массовое двуязычие среди самой крупной этнической группы из всех национальных меньшинств КНР чжуанов (16926381), в основном проживающих

на территории Гуански-Чжуанского автономного района, как и билингвизм среди молодого поколения уйгуров и тибетцев, национальностей, которые традиционно принято считать наиболее конфликтными по отношению к центральному правительству КНР, может свидетельствовать о повышении экономической эффективности в автономных районах КНР, изначально сильно отставáвших от центра по экономическим показателям. Не секрет, что социально-экономические показатели способны поднять престиж языка и тем самым повлиять на языковое самосознание граждан того или иного государства. Как отмечает Чжоу Минлан, «в случае успешных социально-экономических показателей национальные меньшинства готовы идентифицировать себя как китайцев, но только политически, а не генеалогически», при этом «образованные и проживающие в городах представители национальных меньшинств склонны в первую очередь идентифицировать себя как китайцев и лишь во вторую очередь как представителей нацменьшинств» [Zhou Minglang 2010: 497]. В случае с маньчжурами наблюдается такое явление, как языковой сдвиг, при котором целое языковое сообщество отказывается от использования родного языка в пользу другого. Учитывая, что последняя правящая в Китае династия была именно маньчжурской, и, соответственно, маньчжурский язык обладал привилегиями на государственном уровне, можно судить о высоком уровне престижа путунхуа среди населения. В то же время нельзя забывать и об антиманьчжурском движении, как одной из составляющих идеологии китайских революционеров, свергнувших монархию в начале XX в.

Таким образом, значимую роль в степени витальности национального языка играет его демографическая мощность. Так, например, в Синьцзяне, где проживает более 10 неханьских национальностей, уйгурский язык имеет статус наиболее престижного, поскольку является языком наиболее многочисленной части неханьского населения этого района. Уйгурский язык является признанным языком межнационального общения среди проживающих в Синцзяне казахов, таджиков, киргизов, хуэй, сибо, ойратов и т.д. [Биткеева, Голик 2015: 109].

Таким образом, необходимыми условиями высокого процента сохранения родного языка среди национальных меньшинств являются величина этноса и компактность проживания. Тем не менее есть и исключения. Так, народность мосо (摩梭), составляющая 16841 граждан на территории уезда Яньюань провинции Сычуань, даже в условиях компактного проживания с другими народностями владеют родным языком мосо, не имеющим письменности. Кроме того, коммуникативная мощность данного идиома подтверждается исследованиями китайских социолингвистов его функционирования среди 121 представителя этноса мосо, проживающего в округе Лхокха в Тибетском автономном районе. Согласно результатом исследования, все представители этноса на высоком уровне владеют языком мосо, более того, 97,5 % из них на таком же уровне владеют китайским языком [Дай Цинся 2015: 5].

Опрос, проведенный А.Н. Биткеевой в 2005 г. среди языковой общности западномонгольского народа ойратов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, показал, что, как правило, синьцзянские ойраты владеют тремя–четырьмя языками соседствующих этносов. На территории СУАР проживает большое количество народностей, в основном тюркского происхождения (уйгуры, казахи, киргизы), в результате чего большая часть ойратов Синьцзяна владеет этими языками. При этом многие ойраты не владеют или слабо владеют китайским языком. 82 % информантов-ойратов ответили, что в детстве говорили только на ойратском, 16 % говорили на ойратском и китайском, 2 % говорили только на китайском. При этом 17 % информантов сообщили о том, что в повседневном общении используют также казахский, уйгурский и другие языки народностей, проживающих на данной территории. В семейном общении 49 % ойратов Синьцзяна говорят только на родном языке, 40 % говорят на ойратском и китайском, 2 % – только на китайском, 9 % помимо этих языков говорят на уйгурском, казахском и киргизском. Следует отметить, что у большинства ойратов, проживающих в Китае, языком внутрисемейного общения является тот или иной диалект ойратского языка, которым они овладевают с детских лет. Это

разделение функций между диалектом и литературным языком зависит от коммуникативных ситуаций. Одновременно хорошее владение литературным языком и диалектом наблюдается у представителей интеллигенции. 85 % информантов начали изучать китайский язык как второй в возрасте от 5 до 15 лет, 15 % – в возрасте от 15 до 25 лет. Что касается сфер, в которых впервые происходит овладение ими китайским языком, то 90 % информантов начали изучать китайский в школе, 5 % – в семье и 5 % – в общении с населением и во время службы в армии. Таким образом, на сохранность ойратского языка непосредственное влияние оказывает компактное проживание на протяжении длительного времени и многочисленность ойратов КНР [Биткеева 2006].

Как отмечалось в начале главы, в числе информантов нашего опроса были представители монгольского этноса, в частности, студенты-русисты Университета Внутренней Монголии. В ответе на вопрос об уровне владения путунхуа подавляющее большинство указывало «хороший» уровень, и лишь 5% информантов отмечали «отличный» уровень владения путунхуа. При этом последние указали китайский язык в качестве материнского и были единственными среди информантов, кто указал об употреблении путунхуа в семейном общении.

В последнее время под влиянием всеобъемлющего процесса глобализации, а также социально-экономических факторов необходимость знания родного языка в КНР становится все менее актуальной: в крупных городах представители неханьских этносов переходят на китайский язык; родители заинтересованы в овладении их детьми китайским и иностранными языками [Хуан Син, Ян Яньли 2003: 190 – 196].

Тем не менее стоит отметить, что путунхуа как стандартизованный вариант китайского языка в КНР не считается языком, заменившим все национальные языки страны, а выполняет функцию языка межнационального общения в общекитайском масштабе. В связи с этим в КНР подчеркивают, что обучение некитайского населения китайскому должно проводиться на добровольной основе.

Сфера образования

Согласно данным аналитических отчетов о языковой ситуации в Китае, число обучающихся всех уровней среди национальных меньшинств, получающих образование на двух языках, постоянно росло и к концу 2004 г. составило 21351300 человек [Language Situation...2013: 110]. Данное число учащихся в соответствии с всекитайской переписью населения 2000 г. составило 20 % от общего числа представителей национальных меньшинств, проживающих на территории КНР [http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/5rp/index.htm].

Как показали результаты нашего опроса, проведенного среди студентов Университета Внутренней Монголии, большая часть информантов (40%) начали изучать путунхуа в средней школе, что соответствует положениям Закона КНР о национально-территориальной автономии; 35% информантов начали изучать китайский язык с детства в семейном общении, что говорит о росте престижности путунхуа среди представителей национальных меньшинств; кроме того, 15% опрошенных начали изучать язык в детском саду, 5% - в начальной школе и 5% - в университете.

Распространение путунхуа среди национальных меньшинств в ряде случаев становится препятствием на пути к получению достойного образования. К примеру, языком преподавания на начальной ступени образования в Тибетском автономном районе является тибетский язык, тогда как средняя ступень образования и выше осуществляется на путунхуа, что приводит к уменьшению числа учащихся, а также снижает возможность достижения высоких результатов среди школьников из-за возникающего языкового барьера [Postiglione 2008].

Языковой барьер также возникает у детей мигрантов, переехавших с территории проживания национальных меньшинств в мегаполис в восточной части страны. К примеру, уйгурские школьники, обучающиеся за пределами СУАР, сталкиваются с языковой проблемой, вызванной необходимостью в свободное от учебы время повышать уровень китайского языка в условиях популярности уйгурского языка среди своего окружения [Chen Yangbin 2006: 274].

Таким образом, необходимо создать эффективный способ обучения школьников на территории проживания национальных меньшинств в условиях двуязычия без ущемления права употребления родного языка для предоставления школьникам возможности полноценно развить свой потенциал без психологических травм, вызванных языковым барьером.

Сфера судопроизводства

Исследователи считают, что объем общественных функций, выполняемых национальными языками КНР, неравномерен. Функциональное использование в разных общественных сферах общения путунхуа, как правило, преобладает, языки национальных меньшинств функционируют в основном в бытовой сфере, и лишь некоторые из них все же используются в сферах государственной деятельности. Наиболее полно указанные функции представлены среди языков, обладающих длительной письменной традицией, например, у монгольского, тибетского, уйгурского, на которые делается перевод важной общегосударственной документации, издается литература [Биткеева, Голик 2015: 110].

Ст. 47 Закона о национально-территориальной автономии регулирует работу народного суда и народной прокуратуры в автономных районах, где предполагается функционирование данных органов на общеупотребительных в данном районе языках. Граждане всех национальностей имеют право вести судебные дела на языке и письменности данной национальности [Закон о национально-территориальной автономии 1984]. В Ст. 49 Закона отмечается, что «должностные лица органов государственной власти и управления, хорошо знающие более двух общеупотребительных в данной местности языков, должны получать поощрение» [Закон о национально-территориальной автономии 1984].

Сфера общественно-политической жизни

В XXI в. отмечается активное вовлечение ряда наиболее развитых языков и письменностей национальных меньшинств в сферу общественно-политической жизни государства. «Теперь на таких важнейших собраниях, как Всекитайские

съезды КПК, сессии ВСНП и НПКСК, предоставляются документы на монгольском, тибетском, уйгурском, казахском, корейском, ийском, чжуанском языках или же осуществляется устный синхронный перевод на эти языки» [http://russian.china.org.cn/russian/166260.htm]. Этот факт несомненно свидетельствует о поддержке функционального развития наиболее распространенных на территории компактного проживания национальных меньшинств языков со стороны правительства КНР в настоящее время.

Интернет

По мере роста числа пользователей глобальной сетью в КНР растет и потребность со стороны представителей национальных меньшинств в интернет-сайтах, функционирующих на языках национальностей, проживающих на территории КНР.

По данным аналитических отчетов о языковой политике за 2014 г., на конец 2013 г. в числе зарегистрированных в китайской зоне сайтов в общей сложности действовал 1031 сайт на языках 12 национальных меньшинств (включая русских) с использованием 13 видов письменности (включая китайские иероглифы). В процентном соотношении число сайтов на уйгурском языке составило 64,3 %, на тибетском – 10, 1%, на монгольском – 9,9 %. При этом подавляющее число сайтов (83 %) одноязычны, 7 % представлены на китайском языке и соответствующем языке национального меньшинства, и 4 % сайтов имеют англоязычную версию. По содержанию 34 % сайтов на языках национальных меньшинств являются новостными, 17 % – развлекательными и 14 % посвящены культуре этноса [Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014: 144– 148].

Результаты анкетирования, проведенного нами среди представителей монгольского этноса, показали активное употребление путунхуа в сфере Интернета, в частности, в общении с друзьями в социальных сетях. Как в ходе устного интервью отметил профессор Пекинского университета языка и культуры Хугжилту, монголы обладают полный правом использования родного языка как в Интернете, так и в настройках сотового телефона, однако в процессе

повседневного общения посредством сети Интернет большинство пользователей предпочитают использовать путунхуа.

Сфера массовой коммуникации (телевидение, радио, печать)

Отмечается, что к 2004 г. помимо китайского языка, языком печати стало более двенадцати языков национальных меньшинств, и общее число издательств, публикующих книги и периодику на языках меньшинств, достигло 37, составив 6,6 % от общего числа издательств в КНР [Language Situation...2013: 75]. К примеру, «Нейменгу жибао» (монг. Өвөр Монголын өдрийн сонин) является главной газетой автономного района Внутренняя Монголия, которая выпускается на китайском и монгольском языках.

На территории проживания национальных меньшинств КНР действуют радиостанции, которые ведут вещание на более чем 20 языках национальных меньшинств [Language Situation...2013: 89]. В частности, в отдельных регионах через эфирное радиовещание доступны такие радиостанции, как «Kazakh Radio» для казахских автономий Китая, «Uygur Radio» для территории СУАР и т.д.

В *религиозной сфере* предпочтение, как правило, отдается языку меньшинств. Так, к примеру, буддизм на территории КНР исповедуют на тибетском и монгольском языках, в православных богослужениях наряду с китайским и английским используется старославянский язык. В то же время народность хуэй исповедует ислам на китайском языке.

Таким образом, можно судить о том, что этнодемографическая, географическая и законодательная ситуации позволяют наиболее развитым языкам национальных меньшинств (монгольскому, тибетскому, уйгурскому и др.) функционировать не только в сфере семейного общения, но и в общественно-политической, экономической, культурной сферах, в издательском деле, образовании, межкультурной коммуникации. В автономных районах языки численно превалирующих этносов, согласно местным законодательным актам, используются параллельно с китайским языком в сфере делопроизводства, имеется развитое издательское дело на данных языках, они представлены на всех

ступенях сферы образования, широко используются в сфере массовой коммуникации, на телевидении, радио, прессе, в сфере культуры [Биткеева, Голик 2015: 110].

3.3. Функционирование иностранных языков в КНР

Наконец, последним объектом нашего исследования, необходимым для формирования полного представления о языковой ситуации в Китае, стало функциональное развитие иностранных языков среди населения КНР, что отражено в блоке вопросов наших анкет, посвященному уровню владения и употребления иностранных языков среди информантов.

Среди иностранных языков в КНР, прежде всего, распространен английский, который также является одним из официальных языков на территории Гонконга, аналогично португальский в силу исторических причин является одним из официальных языков Макао. Традиционно наблюдается интерес к японскому языку, постепенно повышается интерес к испанскому и другим европейским языкам. Что касается русского языка, как уже было сказано, его относят в Китае к языкам национальных меньшинств, проживающих на территории страны, и его престиж вновь повышается среди населения на фоне усиления дружественных отношений между Россией и Китаем в настоящее время.

В отношении португальского языка в Макао важно отметить резкое уменьшение португальской части населения после возвращения Макао в КНР (лишь 2 % населения на момент переписи 2001 г.). С другой стороны, статистические данные свидетельствуют об увеличении числа слушателей курсов португальского языка в период с 1999 по 2007 гг. и их численном преобладании по сравнению со слушателями курсов китайского и английского языков [Чжан Гуйцзюй 2010: 48]. Данная ситуация объясняется сохранением за португальским официального статуса в Основном законе Макао и вытекающим из него требованием достаточного уровня владения данным языком по отношению к

представителям власти для осуществления своей деятельности и для обеспечения нормального функционирования языка в различных сферах. В целом, языковая политика государственных органов Макао направлена на поддержание многоязычия среди населения, в котором лидирующими языками оказались китайский, английский и португальский. Кроме того, в условиях ослабления коммуникативной мощности португальского языка, государство стремится к сохранению его функциональной мощности.

Далее мы подробнее рассмотрим функционирование на территории КНР в современный период английского и русского языков, как представляющих для нас наибольший интерес.

3.3.1. Функционирование английского языка в КНР

Наибольшее функциональное развитие в КНР английский язык получил на территории САР Гонконга, в котором английский язык обладает статусом официального языка, что вполне объяснимо исторически. При этом важно понимать, что гонконгский английский на протяжении своего развития подвергался влиянию китайского языка и культуры.

В настоящее время жители Гонконга в общении между собой активно используют кантонский диалект и легко изъясняются на английском языке с иностранцами. Кроме того, уровень владения путунхуа среди населения позволяет им, в случае необходимости, изъясняться на нем в общении с представителями континентального Китая. Английский язык до сих пор сохраняет престижность в сознании граждан Гонконга, что способствует его активному распространению в качестве языка преподавания в учебных заведениях.

Согласно данным вышеупомянутой переписи населения, которую проводило правительство САР Гонконг в 2001 г., его употребление местными жителями в четыре раза превышало употребление путунхуа. К моменту проведения переписи населения 2011 г. этот показатель несколько снизился, и

количество населения, использующего английский язык в повседневном общении, стало превышать число говорящих на путунхуа граждан в 2,5 раза [http://www.census2011.gov.hk/pdf/summary-results.pdf]. Согласно исследованию Ли Кхуайсан и Лен Ваймуня, проведенному в 2009 г., употребление английского языка отмечается на «довольно важном» уровне, что вновь превышает престижность путунхуа в глазах местного населения. При этом сами исследователи отмечают, что нельзя недооценивать растущую роль английского языка в сфере *международной торговли и финансов* [Lee, Leung 2012]. Как правило, деятельность транснациональных корпораций способствует распространению английского языка в Гонконге в качестве языка ведения бизнеса. Более того, как отмечает Энди Киркпатрик, английский язык способствует самосознанию гонконгцев как независимых от континентального Китая граждан, поскольку на его территории проживает много мигрантов, бежавших с континентальной части страны после образования КНР в связи с недовольством политикой КПК [Kirkpatrick 2007: 141].

Образование

В сфере образования среди иностранных языков, преподаваемых в учебных учреждениях КНР, английский язык в настоящее время занимает лидирующее положение. Постепенно развивается методика его преподавания от ориентированной на выполнение грамматических упражнений к коммуникативной методике, направленной на развитие у учащихся умения свободно выражать свои мысли на английском языке. Кроме того, был сделан упор на изучение особенностей межкультурной коммуникации, которому также способствовало привлечение мультимедийных средств для преподавания. Тем не менее по-прежнему актуальной остается проблема ориентированности на сдачу теста на уровень владения языком в ущерб сбалансированному обручению языку [Zhou Minglang 2004: 327].

В ходе проведения нашего опроса среди китайских студентов и представителей среднего поколения мы также интересовались их уровнем владения иностранными языками. Как показали результаты опроса (см. Анкета 1,

Анкета 2), подавляющее число студентов (88 %) изучает английский язык и отмечает довольно высокий уровень владения им, тогда как более взрослые участники опроса при аналогичном преобладании английского языка в качестве иностранного языка, которым они владеют (92 %), более скептично отнеслись к своему уровню владения языком, по большей части (95 %) отметив лишь удовлетворительный уровень владения английским языком. Подобные результаты опроса, при условии объективности информантов, могут свидетельствовать о повышении качества преподавания английского языка молодежи, что способствует повышению языковой компетенции последних.

Кроме того, в ходе проведения опроса студентов Пекинского университета языка и культуры (北京语言文化大学), в рамках специальности «иностранные языки и прикладная лингвистика» изучающих английский язык, нами был задан дополнительный вопрос относительно причин, побудивших их к изучению данного языка. Как ни странно, помимо предложенных нами вариантов престижности языка и перспектив трудоустройства, 62 % информантов обозначили необходимость изучения английского языка в результате требований учебного плана. Возможно, одной из причин отсутствия мотивации среди определенного числа студентов служит обозначенная ими проблема отсутствия практики языковых навыков в качестве препятствующей в изучении данного языка.

Среди сфер употребления английского языка среди студентов также прослеживалась определенная связь с мотивацией: информанты, выбравшие вариант перспективы трудоустройства и престижность языка в качестве факторов, побудивших их к изучению английского языка, в числе сфер употребления языка указали просмотр телевидения, фильмов, чтение газет, общение с друзьями в Интернете и т.д. В то же время, студенты, изучающие язык лишь по необходимости, в качестве сфер использования языка указывали лишь общение с преподавателем.

Интернет

Ли Юймин отмечает современную тенденцию среди китайцев к изучению одного иностранного языка, которым в большинстве случаев выступает именно английский язык, как средство «общения с миром» [Language Planning 2015: 4]. Это явление вполне объяснимо в рамках повсеместного распространения доступа к сети Интернет во всем мире, роль английского языка в котором сложно недооценить. Развитие современных технологий неизбежно привело к появлению новой лексики в китайском языке. В основном все слова образуются за счет объединения иероглифов, имеющих смысловое сходство с отображаемым явлением: 电脑 (букв. «электронный мозг»), 手机 (букв. «ручной аппарат»). Возникают также заимствования из других языков, основанных как на фонетическом, так и на семантическом сходстве (黑客 «хакер», 超人 «сверхчеловек» от англ. “superman”). Сегодня, когда английский язык упрочил свой статус международного языка, языка-посредника между представителями абсолютно разных культур, наибольший поток заимствований в различные языки, включая китайский, идет именно из английского.

Зачастую можно наблюдать смешение китайских иероглифов с английскими словами, что с одной стороны отвечает модным тенденциям в языке, а с другой – снижает чистоту китайского языка, которой в языковой политике Китая уделяется большое внимание. Все это вызывает озабоченность со стороны лингвистов. Среди наиболее часто используемых терминов на английском языке выделяются «наиболее популярные на сегодня в Китае» аббревиатуры IT, CEO, NBA, CBA, BBS, MP3, MTV, DVD, QQ, MBA, SOS, TV, ADSL и WTO [Language Situation...2014: 376]. В настоящее время благодаря интернет-СМИ и процессу глобализации наличие подобных слов в новостных сообщениях подчеркивает актуальность и новизну передаваемой информации.

Кроме того, модным в интернет-сфере, в частности, при общении в социальных сетях, стало использование слова «спасибо», основанного на сочетании произношения цифры «три» на китайском (sān) и английских букв, создающего созвучие с английским “thank you”: ‘3x’, ‘3Q’, ‘3KS’,

‘SNQ’(подробнее см. Голик М.Я. Язык интернет-СМИ как отражение сознательного воздействия общества на язык в эпоху глобализации (на материале заимствованной лексики в английском, русском и китайском языках) // Вопросы филологии. Научный журнал, № 3, 2014).

Кроме того, смешение китайского языка с английским наблюдается практически повсеместно как минимум на уровне заголовков разделов того ли иного интернет-сайта (например, 区域新闻 Local News, 新华丝路 Silk Road и т.д. на официальном сайте информационного агентства «Синьхуа»).

3.3.2. Функционирование русского языка в КНР

Русские входят в список 55 национальных меньшинств КНР, а русский язык, соответственно, является языком национального меньшинства. Тем не менее в данном исследовании мы, как представители Российской Федерации, в которой русский язык имеет статус государственного, уделим ему отдельное внимание, рассматривая русский язык не столько в качестве языка русского этноса, проживающего на территории КНР, сколько в качестве языка международного общения, распространенного среди нерусских национальностей Китая. Кроме того, в трудах китайских лингвистов и даже в докладе о языковой ситуации в КНР русский язык зачастую не учитывается в списке языков национальных меньшинств или рассматривается как иностранный (см., например, Language Situation...2013: 76).

Так или иначе, в соответствии с данными переписи населения КНР 2010 г., русские вошли в десятку представителей самых малочисленных этносов КНР, составив 15393 жителей [http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm]. В силу компактного проживания с такими народностями, как хань, уйгуры и казахи, большее число русских, проживающих в Синцзян-Уйгурском автономном районе, в той или иной степени владеют этими языками. Как отмечает Бай Пин, владение родным языком обратно пропорционально возрасту представителей русского

этноса: «чем моложе, тем ниже уровень владения русским, большая часть русских моложе среднего возраста полностью перешла на китайский язык» [Бай Пин 2014: 10]. В речи же тех, кто использует русский язык, под длительным влиянием иноязычного окружения возникают интерферентные явления (подробнее см. Бай Пин, 2014).

Далее мы будем рассматривать функционирование русского языка как иностранного на территории КНР в основных сферах общения.

Образование

В XXI в. основной сферой распространения иностранного языка по-прежнему остается образование. Следовательно, одной из ключевых задач российского образования является расширение экспорта образовательных услуг на мировом рынке для восстановления прежнего уровня развития русского языка в качестве языка международного общения, который значительно снизился с началом 90-х гг. XX в. на фоне распада СССР и стремительного распространения английского языка (подробнее см. Голик М.Я. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее//Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №1(55): в 2-х ч. Ч. 2, с. 108).

По данным информационного портала фонда «Русский мир» на 2009 год, русский язык изучали 83 тыс. школьников в начальных и средних школах КНР, в качестве основной специальности русский язык преподавался в 61 вузе КНР, что в два раза превысило показатели за 1999 г. и составило 6500 студентов. При этом в качестве иностранного языка русский язык изучался в 100 китайских вузах, и численность студентов составила 40 тыс. [http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/141756/].

Отдельный опрос, проведенный нами в 2015 г., был посвящен изучению русского языка в КНР студентами-русистами Чжэцзянского университета иностранных языков (см. Анкета 3). В опросе нас, прежде всего, интересовал достигнутый уровень владения русским языком среди студентов, обучающихся по данной специальности, а также мотивации, побудившие информантов к изучению русского языка. В ходе проведения анкетирования нами были получены

следующие результаты: 60 % информантов отметили удовлетворительный уровень знания русского языка, 36 % – хорошее, 4 % – отличное владение языком, причем наиболее сложным аспектом русского языка для китайских студентов является аудирование, наиболее простым – чтение. Как ни странно, большее число информантов отмечали более высокий уровень владения английским языком. Среди причин, побудивших к изучению русского языка, 33 % информантов отметили престиж русского языка, 46 % – перспективы трудоустройства, 13 % информантов изучают русский язык по личным причинам, 6 % информантов затруднились ответить на данный вопрос [Биткеева, Голик 2015: 111].

Кроме того, подобный опрос проводился в 2016 г среди студентов Тяньцзиньского университета иностранных языков, Пекинского университета языка и культуры, а также Университета Внутренней Монголии. В отношении уровня владения русским языком наблюдается общая тенденция: в условиях преподавания русского языка в качестве основного языка специальности студенты, изучающие также английский язык, указывают более высокий уровень владения последним. Большая часть информантов указывает на «хороший» уровень владения русским языком, и лишь 4 % отмечают «высокий» уровень владения тем или иным аспектом русского языка. Среди причин, побудивших к изучению русского языка, 87 % информантов указали на перспективы трудоустройства в качестве основной, что также подтверждалось в ходе устных бесед с профессорами Пекинского университета языка и культуры.

Подобные результаты, с одной стороны, свидетельствуют об удовлетворительном уровне преподавания языка в КНР, недостаточной разработанности методики преподавания русского как иностранного среди китайцев, с другой стороны, об определенной степени возрождения интереса к изучению русского языка среди китайской молодежи с момента восстановления российско-китайских дружественных отношений.

Благоприятные условия для распространения русского языка в Китае создает и российско-китайская договорная база: важным соглашением, заключенным после распада СССР, является «Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве» от 18 декабря 1992 г., в Ст. 2 пункта «Образование и общественные науки» которого говорится об оказании «содействия в изучении и преподавании китайского языка и литературы в Российской Федерации и русского языка и литературы в Китайской Народной Республике» [Соглашение 1992].

Российско-китайские многосторонние связи, в первую очередь торговые, обеспечивают интерес к изучению русского языка со стороны китайских студентов. В частности, на территории приграничных районов Китая давно отмечается потребность в изучении русского языка как необходимом условии для ведения успешной предпринимательской деятельности совместно с российскими партнерами. Например, в пограничном городе Суйфэньхэ обучение русскому языку осуществляется практически во всех школах и средних специальных заведениях в силу его востребованности среди населения [http://russkiymir.ru/publications/152750/].

В настоящее время на территории континентального Китая функционирует 6 центров русского языка (Пекин, Шанхай, Чанчунь, Сиань, Далянь, Гуанчжоу) и два на территории Тайваня и Макао соответственно [http://www.russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php]. Кроме того, в Китае в соответствии с законодательством РФ проводится государственное тестирование по русскому языку как иностранному [http://www.eluosilianbang.com/]. Проводятся российско-китайские совещания по вопросам сотрудничества в области образования, которые способствуют не только расширению обменов между молодежью двух стран, но и сотрудничеству в области СМИ, кинематографа, туризма, спорта и т.д.

Научная сфера

Продвижению русского языка в *научной сфере* способствует, прежде всего, Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, издающая журналы «Русский язык в Китае», «Русский язык в средней школе» и «Русская литература».

Широкая договорная база между РФ и КНР и активное участие обеих стран в совместных мероприятиях, направленных на усиление гуманитарного сотрудничества, служат доказательством успешного российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере, которое, активно развиваясь и в настоящее время, способствует дальнейшей положительной динамике в укреплении позиций русского языка в Китае.

Для формирования представлений об использовании русского языка на территории КНР следует отметить и его функционирование в рамках языковых контактов, представляющих определенный интерес для социолингвистов. С момента установления российско-китайских контактов сформировались следующие пиджины: *кяхтинский китайско-русский пиджин*, функционировавший в период с XVIII по XIX вв. в торговом городе Кяхта и Маймачин; *уссурийский китайско-русский пиджин*, сформировавшийся в XX в. вдоль реки Уссури, *маньчжурский китайско-русский пиджин*, сформировавшийся в XX в. на территории Маньчжурии; и *приморский китайско-русский пиджин*, который являлся средством общения между русскими и китайцами в Приморье [Перехвальская 2008: 50]. В начале 90-х гг. XX в. в связи с активизацией российско-китайских пограничных контактов отмечается возрождение российско-китайского кяхтинского пиджина, языком-источником в котором выступает русский язык [Жданова 2014: 85].

Религиозная сфера

Следует также отметить особенности функционирования русского языка в *религиозной сфере*. Исторически сложилось, что именно деятельность Русской духовной миссии в начале XVIII в. способствовала первому знакомству китайцев с русским языком и русской культурой (подробнее об истории развития православия в Китае см. В.Г. Дацышен Христианство в Китае: история и

современность М., 2007). В настоящее время Российская православная церковь стремится развивать отношения посредством деятельности Отдела внешних церковных связей. При этом развитию православной миссионерской деятельности на территории КНР препятствуют положения государственного «Постановления об управлении религиозной деятельностью иностранных граждан на территории КНР» («中华人民共和国境内外国人宗教活动管理规定») от 31 января 1994 г., согласно которому иностранным миссионерам запрещено проводить проповеди для граждан КНР [Постановление 1994]. Таким образом, в богослужениях, которые, как правило, проводятся на старославянском языке, могут принимать участие только проживающие на территории КНР русские и другие православные иностранцы. Исключение было сделано в ходе официального визита Предстоятеля РПЦ Патриарха Кирилла в мае 2013 г., когда на литургию в Успенском храме в Пекине были допущены китайские граждане. Единственным же православным храмом, который могут беспрепятственно посещать китайские граждане, является храм св. апостолов Петра и Павла в Гонконге, служения в котором проводятся на китайском, английском и старославянском языках. При храме действует центр изучения русского языка [Официальный сайт Московского Патриархата].

Отсюда следует, что русский язык, функционируя на территории КНР в качестве языка международного общения и языка официально признанного национального меньшинства, на фоне усиления российско-китайских связей имеет большие перспективы развития в качестве второго по популярности иностранного языка.

Таким образом, постоянное совершенствование в направлении языкового строительства свидетельствует о высокой степени вовлеченности правительства КНР в данный процесс и осознании значимости мер, направленных на построение гармоничного общества в рамках одного суверенного государства.

Политика, направленная на распространение путунхуа, способствует повышению уровня владения нормативным китайским языком среди населения КНР в условиях значительных диалектных различий китайского языка и функционирования языков национальных меньшинств. При этом основной сферой распространения путунхуа стало образование, о чем свидетельствует более высокий уровень владения путунхуа среди молодого поколения китайцев. Кроме того, повсеместное развитие экономики в регионах компактного проживания национальных меньшинств постепенно способствует повышению престижа путунхуа как одного из ключевых показателей китайской идентичности, которая в условиях высоких социально-экономических показателей также стала рассматриваться в позитивном ключе. Однако, несмотря на все старания китайского правительства, на данный момент говорить о повсеместном распространении путунхуа еще рано. Правительству КНР еще предстоит большая работа на пути достижения лингвистической «гармонизации» многонационального китайского общества.

Среди иностранных языков по-прежнему наблюдается преобладание интереса к изучению английского языка. Несмотря на повышение интереса к русскому языку, уровень владения последним относительно невысок. Так или иначе, тот или иной уровень владения иностранным языком среди всех опрошенных студентов свидетельствует об интересе к другим культурам и странам, большей открытости Китая к внешнему миру, по сравнению с прошлым историческим периодом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зарекомендовавшая себя на Западе и в Советском Союзе социолингвистика как самостоятельное научное знание привлекла внимание китайских ученых в 80-е гг. XX в., в результате чего последними были изучены иностранные труды по социолингвистике и использован положительный опыт зарубежных социолингвистов применительно к языковой ситуации и языковой политике в КНР. Подобное поведение Китая по отношению к положительным результатам иностранной деятельности имманентно китайскому менталитету и отразилось, в первую очередь, в отношении технических инноваций Запада. Успешная интеграция социолингвистических учений в китайскую систему лингвистических знаний положила начало осмысленному подходу к языковому планированию в стране с учетом необходимых социолингвистических факторов, что представляется вполне естественным для государства с наибольшим числом жителей и весьма непростой языковой ситуацией, требующей взвешенного подхода.

В условиях специфики китайского языка и языковой ситуации в КНР китайская социолингвистика смогла приобрести собственные отличительные черты. В первую очередь это касается социолингвистической терминологии: специфика китайского языка и стремление китайской языковой политики к борьбе за чистоту языка обусловило семантический способ заимствования лексики для формирования основанной на иероглифической письменности терминологической базы китайской социолингвистики.

Различие в понимании некоторых терминов (например, национальное меньшинство) в российской и китайской социолингвистике обусловлено, с одной стороны, различиями в языковой ситуации РФ и КНР, в свою очередь обусловленными расхождениями в демографических и социальных показателях, проблемой диалектного разнообразия китайского языка и т.д., а с другой стороны, отличиями в направлениях языковой политики РФ и КНР, к примеру, признания

последними за всеми нациями, кроме ханьской, статуса национального меньшинства без отдельного выделения титульных наций, присущего языковой политике РФ.

Изменчивость языковой ситуации в КНР, обусловленная изменениями приоритетов национального строительства, социально-политическими потрясениями, вызванными, прежде всего, периодом «культурной революции», последующей сменой политического курса на осуществление «политики реформ и открытости», колебанием отношений между континентальным Китаем и Тайванем, возвращением в состав Китая Гонконга и Макао, а также множеством других факторов, способствует поддержанию актуальности исследования языковой ситуации на любом этапе развития КНР. Появление новых диссертационных исследований и статей, посвященных анализу различных социолингвистических аспектов в КНР, как на китайском, так и на других языках, говорит о поддержании интереса к проблеме изменения языковой ситуации в данной стране.

С учетом критериев, разработанных российскими социолингвистами, нами было выделено три типа языковых ситуаций на территории КНР, а именно: *одноязычная несбалансированная эндоглоссная диглоссная языковая ситуация* на территории Тайваня, а также провинций и городов центрального подчинения КНР, *многоязычная сбалансированная эндоглоссная недиглоссная языковая ситуация* на территории автономных районов КНР и *многоязычная несбалансированная экзоглоссная недиглоссная языковая ситуация* на территории специальных административных районов Гонконга и Макао. Подобная неоднородность языковой ситуации требует от правительства КНР принятия нестандартных решений в рамках языковой политики в различных регионах страны, что обуславливает «китайскую специфику» в языковом планировании КНР.

В центре внимания языковой политики КНР по-прежнему остаются социальные функции путунхуа, диалектов китайского языка и языков проживающих на территории страны нацменьшинств, при этом одним из

приоритетов современной языковой политики КНР является стремление к гармонизации языкового сообщества страны.

Разнообразие диалектов одного языка, которые с лингвистической точки зрения являются самостоятельными идиомами, в масштабах одной страны свидетельствует об их демографической мощности, а также о национальном самосознании китайцев, которые воспринимают родной язык как диалект ханьского языка. При этом, несмотря на приверженность носителей диалектов китайского языка воспринимать свой язык именно в качестве диалекта, а не самостоятельного идиома, среди носителей языков, принадлежащих к различным диалектным группам, наблюдается сильное культурное различие, что естественно ведет к «столкновению культур» и требует регулирования со стороны правительства, и без того озадаченного вопросами гармонизации многонационального общества.

В рамках современной языковой политики на территории многонациональной Китайской Народной Республики путунхуа выполняет функцию языка межнационального общения и, тем самым, не является языком, заменившим все национальные языки страны. При этом продвижение путунхуа во всех сферах общения в качестве общенационального языка отражает стремление правительства КНР к сохранению государственного суверенитета.

Политика распространения путунхуа среди населения способствует постепенному повышению уровня владения нормативным китайским языком, несмотря на значимые отличия между диалектами различных провинций Китая. Кроме того, отмечается более высокий уровень владения путунхуа среди молодого поколения китайцев по сравнению со старшим поколением, что говорит об успешном внедрении путунхуа в сферу образования. Тем не менее принадлежность носителей различных диалектов к единой нации едва ли не сильнее способствует единству китайского населения, нежели нормативный язык путунхуа. В этой ситуации становится очевидной необходимость сохранения диалектного разнообразия страны.

Носители языков меньшинств, в основном, сохраняют родной язык, поскольку он является для них функционально первым, языком семейного общения. При этом социальные условия, численность, компактность-некомпактность расселения этноса – все эти факторы влияют на степень сохранности родного языка этнической общностью. Более благоприятные, стабильные условия жизни также способствуют устойчивости этнического самосознания и сплоченности этнической группы. Языковая политика КНР является одним из средств реализации национальной политики государства, как необходимого составляющего общегосударственной политики, направленной на сохранение территориальных границ КНР и обеспечения безопасности в приграничных районах государства, как основных территорий компактного проживания национальных меньшинств Китая.

Распад Советского Союза послужил катализатором для поисков нового пути развития национальной политики КНР с целью предотвращения отделения автономных регионов. Тем не менее важно понимать, что уже на ранних этапах образования автономных территорий правительство КНР свело к нулю возможность реальной автономии. Тем не менее национально-территориальное деление страны потенциально способно спровоцировать возникновение межнациональных конфликтов. В связи с этим перед правительством встает задача создания необходимых условий для функционирования языков национальных меньшинств.

Языковая политика в Китайской Народной Республике на сегодня основана, прежде всего, на нормах действующей Конституции КНР, а также Законе об общегосударственном языке и письменности (2001) и Законе о национально-территориальной автономии (1984). Отсутствие статуса государственного языка в языковой политике КНР и использование вместо него термина «общеупотребительный язык» способствует снижению напряженности между преобладающим ханьским этносом и представителями национальных меньшинств и направлено на избежание языковых конфликтов.

В силу специфики и разнообразия языковой ситуации в КНР языковая политика государства делится на *перспективную централизованную демократичную однокомпонентную языковую политику* на территории провинций и городов центрального подчинения КНР, *перспективную централизованную демократичную многокомпонентную языковую политику* на территории автономных районов КНР, *перспективную нецентрализованную демократичную многокомпонентную языковую политику* на территории специальных административных районов Гонконга и Макао, а также *перспективную нецентрализованную демократичную однокомпонентную языковую политику* на Тайване.

В отношении иностранных языков следует отметить очевидное преобладание интереса к изучению английского языка. Несмотря на повышение интереса к русскому языку, уровень владения последним относительно невысок, что отчасти обусловлено сложной грамматической структурой языка.

Немаловажную роль в распространении любого иностранного языка в стране играет и положительное восприятие гражданами КНР той страны, в которой данный язык является государственным. Соответственно, для распространения русского языка в КНР необходимо создание позитивного имиджа РФ и, соответствкнно, престижа русского языка в глазах китайских граждан, а также повышения их интереса к изучению русского языка и культуры за счет дальнейшего проведения российско-китайских культурных мероприятий, подобно Году России в Китае в 2006 г. и Году русского языка в Китае в 2009 г. Все это необходимо осуществить в условиях явного лидерства английского языка среди китайских граждан, влияние которого не в последнюю очередь усиливается за счет его сферы Интернета.

Итак, в настоящее время китайский язык (путунхуа) является одним из языков международного общения, и его социальные функции охватывают целый ряд сфер общения и включают:

- функцию языка международного общения (один из официальных языков ООН);

- функцию «общеупотребительного» языка на территории КНР;

-функцию государственного языка на территории других государств (Сингапур);

- функцию этнического языка народности хань;

- функцию языка китайских диаспор в мире.

Активное продвижение путунхуа на международном уровне свидетельствует об успешности длительного процесса языковой политики, направленной на стандартизацию китайского языка, и говорит о разработанности методики преподавания китайского языка как иностранного и готовности Китая использовать язык в качестве инструмента «мягкой силы».

Список литературы

Законодательные акты

1. Государственное постановление об управлении религиозной деятельностью иностранных граждан на территории КНР, 1994 (中华人民共和国境内外国人宗教活动管理规定) [электронный ресурс] URL: http://www.sara.gov.cn/zcfg/xzfg/533.htm

2. Закон Китайской Народной Республики о национально-территориальной автономии, 1984 (中华人民共和国民族区域自治法) [электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/test/2005-07/29/content_18338.htm

3. Закон Китайской Народной Республики об общегосударственном языке и письменности, 2001(中华人民共和国国家通用语言文字法) [электронный ресурс] URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=166

4. Закон Китайской Народной Республики об обязательном образовании, 1986 (中华人民共和国义务教育法) [электронный ресурс] URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_619/200606/15687.html

5. Закон об образовании в Китайской Народной Республике, 1995 (中华人民共和国教育法) [электронный ресурс] URL: http://edu.people.com.cn/n1/2016/0223/c1006-28141034.html

6. Декларация о передаче Макао в юрисдикцию Китая, 1987 [электронный ресурс] URL: http://bo.io.gov.mo/bo/I/88/23/dc/cn/default.asp

7. Конституция Китайской Народной Республики, 1954 (на китайском языке) [электронный ресурс] URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/26/content_4264.htm

8. Конституция Китайской Народной Республики, 1982 (на китайском языке) [электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310_2.htm

9. Общая программа НПКСК, 1949 (中国人民政策协商会议共同纲领) [электронный ресурс] URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2004-12/07/content_2304465.htm

10. Основной закон специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики, 1997 [электронный ресурс] URL: http://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/

11. Основной закон специального административного района Макао Китайской Народной Республики, 1999 [электронный ресурс] URL: http://bo.io.gov.mo/bo/i/1999/leibasica/index_cn.asp

12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве, 1992 [электронный ресурс] URL: http://docs.cntd.ru/document/1900252

13. Федеральный закон Российской Федерации «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» , 1999 [электронный ресурс] URL: http://docs.cntd.ru/document/901732262

Литература и источники на русском языке

14. Алексеев В.М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л.: издательство Академии наук СССР, 1932. – 178 с.

15. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-2000. – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.

16. Алпатов В.М. Размышления над книгой В.М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация»//Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 271-285.

17. Алпатов В.М. Японская социолингвистика//Социолингвистика вчера и сегодня. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 50-71.

18. Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире// Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция. – М., 2014. – С. 11–24.

19. Андронов М.С., Никольский Л.Б. Зарубежный восток. Языковая ситуация и языковая политика. Справочник. М.: Наука, 1986. – 418 с.

20. Астрахан Е.Б., Завьялова О.И., Софронов М.В. Диалекты и национальный язык в Китае. – М.: Наука, 1985. – 366 с.

21. Аутова Ф.Х., Каплунова (Голик) М.Я., Долгополов В.А. Оценка взаимного восприятия США и КНР на основе контент-анализа СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: международные отношения. № 3. – М.: РУДН, 2015. – С. 177-184.

22. Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. – М.: Мысль, 1991. – 241 с.

23. Баскаков А.Н., Насырова О.Д., Давлатназаров М. Языковая ситуация и функционирование языков в регионе. Средней Азии и Казахстана. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – 165 с.

24. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Наука, 1981. – 136 с.

25. Беликов В.И. Пиджины и креольские языки Океании: Социолингвистический очерк. – М.: Восточная литература РАН, 1998. . – 198 с.

26. Биткеева А.Н. Калмыцкий язык в современном мире (социолингвистический аспект). – М.: Наука, 2006. – 364 с.

27. Биткеева А.Н., Голик М.Я. Языки Китая: социолингвистический портрет// Ученые записки Орловского государственного университета №06 (69). Серия Гуманитарные и социальные науки. – М.: Изд-во Орловский государственный университет, 2015. – С. 107-112.

28. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). – М. : Наука, 1984 – 263 с.

29. Большая советская энциклопедия. М., 1969 – 1978.

30. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.

31. Виноградов В.А. Языковая ситуация//Лингвистический энциклопедический словарь, 1990 [электронный ресурс] URL: http://tapemark.narod.ru/les/616b.html

32. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология. Западная Африка. – М.: Наука, 1984. – 128 с.

33. Воскресенский А.Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели»// Сравнительная политика. – М., 2014;5(1(14)). – С.120–138.

34. Голик М.Я. Законодательная практика в контексте языковой политики: Россия и Китай // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция. – М., 2014. – С. 170–176.

35. Голик М.Я. Законодательный аспект языковой политики в отношении языков этносов, проживающих на территории России и Китая // Международная научная конференция «Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова» 22-23 апреля 2015 г., Москва, Институт востоковедения РАН. – 2015. – С. 22–23.

36. Голик М.Я. К проблеме «язык-диалект» в языковой политике Китайской Народной Республики // Функциональная лингвистика. Научный журнал. № 7. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 81–83.

37. Голик М.Я. Особенности создания благоприятной языковой среды в ходе подготовки к Олимпийским играм в Пекине и Сочи // «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания» 24-25 апреля 2015 г., Москва, МГИМО. – 2015. – С. 535-538.

38. Голик М.Я. Китайский язык в контексте информационных технологий // Функциональная лингвистика. Научный журнал. № 6. – Симферополь, 2014. – С. 35-37.

39. Голик М.Я. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее//Филологические науки. Вопросы теории и практики. №1(55): в 2-х ч. Ч. 2. – Тамбов, 2016. – С. 108–110.

40. Голик М.Я. Сопоставительный анализ передачи заимствований при переводе публицистических текстов (на материале английского, русского и китайского языков) // Сборник материалов научно-практической конференции студентов и магистрантов факультета иностранных языков МПГУ. – М., 2013. – С. 17-23.

41. Голик М.Я. Усиление роли испанского языка в Китае в эпоху глобализации // Международная научно-практическая конференция «Современный испанский язык в глобализированном мире» 21-22 апреля 2015 г., Москва, РУДН. – 2015. – С. 101-104.

42. Голик М.Я. Языковая политика и ее влияние на структуру языка: опыт Китая // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. – С. 422-436.

43. Голик М.Я., Биткеева А.Н. Чжун э юйянь лифа шицзянь (Реализация языкового законодательства в России и Китае)//The 2nd Forum on China's Neighbouring Languages and Cultures, 5-6 December 2014, Beijing Language and Culture University, Пекин, 2014. – С. 27-29.

44. Голик М.Я. Язык интернет-СМИ как отражение сознательного воздействия общества на язык в эпоху глобализации (на материале заимствованной лексики в английском, русском и китайском языках) //Вопросы филологии. № 3–4 (48). – М., 2014. – С. 142 – 152.

45. Голиков А.П. Власть и язык в политике Цинской империи//Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1. – М., 2013. – С. 278–287.

46. Головко Е.В., Беликов В.И. Контактные языки на русской основе: Общие сведения // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып.1: Северный регион. Языки народов севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком / Ред. В.М.Панькин. – М.: Азъ, 1994. – С.279–286.

47. Горячева М.А. Типология языковых ситуаций: Российская Федерация Дисс…канд. фил. наук: 10.02.19. – М., 2003.

48. Гудошников Л.М. Экспресс информация № 11. Политическая система Тайваня. – М.: ИДВ РАН, 1996. – 77 с.

49. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.

50. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. – М.: Наука, 1977. – 382 с.

51. Драгунов А.А., Драгунова Е.Н. К латинизации диалектов центрального Китая. Диалекты Сянтань и Сянсян//Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. Т.VII/3. – М., 1932. – С. 240—269.

52. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко, т.3. – М.: Восточная литература, 2008. – 876 с.

53. Дьячков М.В. Креольские языки. – М.: Наука, 1987. – 106 с.

54. Жданова Н.А. Русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм современных контактных языков // Вестник БГУ. 2014. №1. [электронный ресурс] URL: http://cyberleninka.ru/article/n/russko-kitayskiy-pidzhin-zabaykalya-sredi-drugih-form-sovremennyh-kontaktnyh-yazykov

55. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. – М.: Восточная книга, 2014. – 320 с.

56. Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. – М.: Научная книга, 1996. – 207 с.

57. Завьялова О.И. Китаеязычный ареал Азии: реформы и законодательство в XX-XXI вв.// Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко, т.3. – М.: Восточная литература, 2008. – С. 666–671.

58. Завьялова О.И. Лингвистическая стратегия Китая //Независимая газета, 2015 [электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-06-26/5_china.html

59. Завьялова О.И. Лингвистические новации и внешняя политика Китая// Проблемы Дальнего Востока № 6. – М.: Наука, 2015. – С. 116–119.

60. Завьялова О.И. Некоторые вопросы лингвогеографического изучения фонетики гуаньхуа//Вопросы языкознания №3. – М.: Наука, 1982. – С. 92–103.

61. Завьялова О.И. Официальные и неофициальные составляющие языковой ситуации в КНР// Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. – М. : ИД «Форум», 2014. – С. 207–215.

62. Завьялова О.И. Путунхуа и диалекты: новые реалии китайского мира// Проблемы Дальнего Востока № 6. – М. : Наука, 2012. – С. 130–138.

63. Завьялова О.И. Тоны в дунганском языке//Народы Азии и Африки №3. – М.: ИВ РАН, 1973.

64. Завьялова О.И. Языковая политика// Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР . – М. : ИД «ФОРУМ», 2014. – С. 360–365.

65. Завьялова О.И. Языковая ситуация и языковая политика в КНР, 2010 [электронный ресурс] URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf

66. Информационный портал фонта «Русский мир» [электронный ресурс] URL: http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/141756/

67. Кириленко С.В. Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики. Дисс…канд. фил. наук: 10.02.19. – М., 2016.

68. Клиновский В.А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века. Дисс…канд. ист. наук: 07.00.03. – Улан-Удэ, 2012.

69. Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Дисс…канд. фил. наук: 10.02.19. – М., 2002.

70. Корсун В.А. Этнический сепаратизм в Китае//Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. Пособие для студентов вузов/Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.

71. Котвич В. Исследование по алтайским языкам (перевод с польского). – М.: Издательство иностранной литературы, 1982. – 372 с.

72. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978 – 343 с.

73. Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983 – 416 с.

74. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М. : Наука, 1979 – 328 с.

75. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. – М. : Наука, 1993 – 413 с.

76. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979; они же. Китайский этнос в средние века (VII – XIII вв.). – М. : Наука, 1984 – 336 с.

77. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М.: Наука, 1987 – 312 с.

78. Лингвистический энциклопедический словарь/Под. ред. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

79. Ли Цзиньси. Гоюй юньдун шиган (Очерк истории движения за национальный язык) . – Шанхай , 1934.

80. Ли Цзиньси. Ханьцзы гэмин цзюнь цзяньцзинь ды и тяо лу (Широкая дорога для марша армии революции китайского письма). – «Гоюй чжоукуань». Ханьцзы гайгэ хао. – Пекин, 1923.

81. Ли Цзиньси. Цюаньго гоюй юньдун дахуэй сюаньянь (Декларация Всекитайского съезда движения за национальный язык). – «Гоюй чжоукань». – Пекин . 1926.

82. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.

83. Михальченко В.Ю. Однокомпонентная (одноязычная) модель языковой политики // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. – М.: Азбуковник, 2015. – С. 98-102.

84. Михальченко В.Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. – Вильнюс Мокслас, 1984. – 224 с.

85. Михальченко В.Ю. Региональные модели языковой политики в Российской Федерации// Международная научная конференция «Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова» 22-23 апреля 2015 г., Москва, Институт востоковедения РАН. – 2015. – С. 81–83.

86. Михальченко В.Ю. Россия и Вьетнам – многонациональные государства: сходства и различия// Функционирование языков в многонациональном государстве: Россия и Вьетнам. Москва – Ханой, 2008. – С. 5-13.

87. Михальченко В.Ю. Языковой конфликт в полиэтническом государстве// Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция. – М., 2014. – С. 210–213.

88. Москалев А.А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). – М.: Наука, 1992. – 183 с.

89. Москалев А.А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949–1978). – М.: Наука, 1981. – 213 с.

90. Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / Под общ. ред. академика В.С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 224 с.

91. Национальная районная автономия в Китае [электронный ресурс] URL: http://russian.china.org.cn/russian/166260.htm

92. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. Теория и проблемы. – М.: Наука, 1976. – 168 с.

93. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). – Благовещенск: изд-во АмГУ, 2009.

94. Официальный сайт Института Дальнего Востока Российской академии наук [электронный ресурс] URL: http://archive.is/PKKqm#selection-583.1-583.76

95. Официальный сайт Московского Патриархата [электронный ресурс] URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/321655.html

96. Официальный сайт Президента Российской Федерации [электронный ресурс] URL: http://kremlin.ru/events/president/news/11508

97. Официальный сайт государственного тестирования по русскому языку как иностранному [электронный ресурс] URL: http://www.eluosilianbang.com/

98. Перехвальская Е.В. Русские пиджины. – СПб.:Алетейя, 2008. – 248 с.

99. Салков А. Русский становится языком международного сотрудничества в приграничных районах Китая, 2014 [электронный ресурс] URL: http://russkiymir.ru/publications/152750/

100. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. – М.: Восток-Запад, 2005. – 310 с.

101. Семенас А.Л. Языковая политика в КНР (80–90-е годы)// Китайское языкознание: Изолирующие языки: IX международная конференция: Материалы. – М., 1998. – С. 150–155.

102. Словарь социолингвистических терминов/Под ред. В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

103. Смирнов Д.А. Теория Дэн Сяопина: путь к реформам открытости// Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко, т.4. – М.: Вост. Лит., 2009. – С. 352-353.

104. Софронов М.В. Китайский язык и китайское общество. – М.: Наука, 1979 г. – 312 с.

105. Социолингвистические проблемы развивающихся стран/Отв. ред. Ю.Д. Дешериев. – М.: Наука, 1975.

106. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос// Сталин И.В. Сочинения Том 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 290–367.

107. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: Наука, 1976. – С. 142–224.

108. Тенишев Э.Р. Алтайские языки// Языки мира: Тюркские языки. – М., 1996. – С. 7–8.

109. Хуан Син, Ян Яньли. Языковая ситуация в Китае // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. Е. П. Челышева. – СПб.: Златоуст, 2003. – С. 189-196.

110. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Ведение в социолингвистику. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.

111. Шпринцин А.Г. О заимствовании китайской речью русской лексики// Страны и народы Востока. Вып. XIII. Кн. 2. – М.: Наука, 1972. – С. 182-191.

112. Шпринцин А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке// Страны и народы Востока. Вып. VI. Кн. 2. – М., 1968. – С. 86-100.

113. Яхонтов С.Е. Возможный способ проверки дат, полученых с помощью глоттохронологии // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов. – М., 1973. – С.103-104.

114. Яхонтов С.Е. Географическое распространение диалектов китайского языка// Вестник ЛГУ (История. Язык. Литература.) №2. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 1. – Л.,1967. – С. 76–82.

115. Яхонтов С.Е. К вопросу о классификации языков Юго-Восточной Азии // Тезисы 4-ой научной конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. – Л.: ЛГУ, 1972. – С. 47-49.

116. Яхонтов С.Е. Классификация диалектов китайского языка//Исследования по филологии стран Азии и Африки. – Л.,1966. – С. 121–128.

117. Яхонтов С.Е. О классификации языков Юго-Восточной Азии // Страны и народы Востока. Вып. 15. – М., 1973, – С.303-308.

Литература и источники на английском языке

118. 2014 Global Go To Think Tank Index Report [электронный ресурс] URL: http://gotothinktank.com/2014-global-go-to-think-tank-index-report/

119. Aspects of Chinese sociolinguistics : essays / by Yuen Ren Chao; selected and introduced by Anwar S. Dil Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1976.

120. Beijing Language and Culture University, the 24th Annual Conference of the IACL [электронный ресурс] URL: http://iacl24.blcu.edu.cn/

121. Benedict Paul K. Thai, Kadai and Indonesian: a new alignment in Southeastern Asia. American Anthropologist 44/4, 1, 1942.

122. Berkshire Encyclopedia of China: Modern and Historic Coverage of the World's Newest and Oldest Global Power (5 Volume Set) / by Linsun Cheng. – Berkshire, 2009.

123. Chen Ping. Modern Chinese. History and Sociolinguistics, Cambridge University Press, 2004.

124. Chen Yangbin. Uyghur Students in a Chinese Boarding School: Social Recapitalization as a Response to Ethnic Integration. Postgraduate Thesis, The University of Hong Kong (Pokfulam, Hong Kong), 2006.

125. Chou En-lai. Current Task of Reforming the Written Language, 1958 [электронный ресурс] URL: http://www.pinyin.info/readings/zhou_enlai/zhou_enlai.html

126. Dictionary of the Politics of the People's Republic of China/ by Colin Mackerras with Donald H. McMillen and Andrew Watson. – London; NY: Routledge, 1998.

127. Ethnologue. Languages of the World. China [электронный ресурс] URL: https://www.ethnologue.com/country/cn

128. Globalising Sociolinguistics: Challenging and Expanding Theory/ by Dick Smakman , Patrick Heinrich. Routledge, 2015.

129. Golik M.Ya. Minority Language Issues in the Language Policy of Russia and China // "Language and Impact" 9-11 April 2015, University of Warwick, г. Ковентри, Великобритания, 2015. – С. 71-72.

130. Hong Kong population census 2011 [электронный ресурс] URL: http://www.censtatd.gov.hk/major_projects/2001_population_census/main_tables/population_aged_5_and_over_by_usual_language_1991/index.jsp

131. International Association of Chinese Sociolinguistics (официальный сайт) [электронный ресурс] URL: http://www.iacling.org/

132. Kirkpatrick Andy. World Englishes. Implications for International Communication and English Language Teaching. Cambridge University Press, 2007.

133. Kurpaska, M. Chinese language(s): a look through the prism of the Great dictionary of modern Chinese dialects, 2010.

134. Language Planning and Policy in Asia, Vol.1: Japan, Nepal and Taiwan and Chinese Characters//edited by Robert B Kaplan, Richard B Baldauf Jr . – Bristol, 2008.

135. Language Planning and Policy. Language Planning in Local Contexts/ by Anthony J.Liddicoat, Richard B. Baldauf Jr. – Clevedon, Buffalo, Toronto, 2008.

136. The Language Situation in China, Volume 1/ Ed. by Yuming, Li / Wei, Li. De gruyter, 2013.

137. The Language Situation in China, Volume 2/ Ed. by Yuming, Li / Wei, Li. De gruyter, 2014.

138. The Language Situation in China, Volume 3/ Ed. by Yuming, Li / Wei, Li. De gruyter, 2015.

139. Lee and Leung. The status of Cantonese in the education policy of Hong Kong, 2012 [электронный ресурс] URL: http://multilingual-education.springeropen.com/articles/10.1186/10.1186/2191-5059-2-2

140. Li Yuming. Language Planning in China. – Berlin/Boston and the Commercial Press, 2015.

141. Macao population census 2011 [электронный ресурс] URL: http://www.dsec.gov.mo/getAttachment/7a3b17c2-22cc-4197-9bd5-ccc6eec388a2/E_CEN_PUB_2011_Y.aspx

142. Postiglione Gerard A. Making Tibetans in China: the educational challenges of harmonious multiculturalism//Educational Review Vol. 60, №1, 2008.

143. Tsung Linda. Minority languages, education and communities in China. – New York, 2009.

144. Xu Daming. Speech community and linguistic urbanization: sociolinguistic theories developed in China// Globalising Sociolinguistics: Challenging and Expanding Theory/ by Dick Smakman , Patrick Heinrich. Routledge, 2015.

145. Zhao Shouhui. Planning Chinese Characters: Revolution, Evolution or Reaction. – Springer, 2008.

146. Zhou Minglang. Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. – Boston, 2004.

147. Zhou Minglang. The Fate of the Soviet Model of Multinational State-Bilding in the People's Republic of China//China Learns from the Soviet Union, 1949- Present,

edited by Thomas P. Bernstein and Hua-Yu Li, the Harvard Cold War Studies Book Series. – Plymouth, 2010.

148. Zhu Ling-ling. A case study of language Policies in Hong Kong. Overseas English, 2015.

Литература на китайском языке

149. Бай Гэ , Ду Минь. Шэхуэй юйяньсюэ цзай чжунго дэ фачжань лиубянь (Развитие социолингвистики в Китае). Journal of Lanzhou University (Social Sciences) Vol. 39 №6, 2011.

150. Бай Пин. Юйянь цзечу юй синьцзян элосы миньцзу муюй юйсю дэ бяньхуа (Языковые контакты и вариативность порядка слов в родном языке русского этноса на территории Синцзяна)//The Journal of Chinese Sociolinguistics №2, 2014.

151. Ван Сянъюй. Дандай чжунго юйянь чжэнцэ фэньси (Анализ современной языковой политики Китая). Цзилиньский университет, 2014.

152. Ван Юаньсинь. Чжунго миньцзу юйяньсюэ луньган (Проблемы языков народов Китая). – Пекин,1994.

153. Го Си. Чжунго шэхуэй юйяньсюэ (Социолингвистика в Китае), 1997.

154. Го Си, Чжу Сяохун. Юйянь шэнхо яньцзю шинянь (Десять лет изучения языковой жизни)//Chinese Journal of Language Policy and Planning №3,2016.

155. Гоцзя чжунчанци юйянь вэньцзы шие гайгэ хэ фачжань гуйхуа ганъяо 2012-2020 (Долгосрочный план развития и реформ в отношении государственного языка и письменности на 2012-2020 гг.») [электронный ресурс] URL: http://www.china-language.gov.cn/gy2/files/f95c081c6e23804b06bbb164e50d5c30-2.html

156. Дай Цинся. Шэхуэй юйяньсюэ гайлунь (Введение в социолингвистику), Пекин, 2014.

157. Дай Цинся. Шэхуэй юйяньсюэ цзяочэн (Введение в социолингвистику). – Пекин, 1993.

158. Дай Цинся. Юйянь шиюн яньцзю цзай шэхуэй юйяньсюэ яньцзю чжун дэ дивэй (Статус исследования функционального развития языка в социолингвистике)// The Journal of Chinese Sociolinguistics №2, 2015.

159. Дай Цинся. Юйянь хэ миньцзу (Язык и этнос). – Пекин, 1994.

160. Ли Юймин. Чжунго юйянь гуйхуа лунь (Языковая ситуация в Китае) Пекин, 2010.

161. Ли Юймин. Чжунго юйянь гуйхуа сюлунь (Языковая ситуация в Китае. Продолжение). – Пекин, 2010.

162. Ли Юймин. Чжунго сяндай дэ юйянь гуйхуа – фулунь ханьцзы дэ вэйлай (Современное языковое строительство – к вопросу будущего китайских иероглифов), 2001.

163. Ли Юймин. Чжунго юйянь гуйхуа сань лунь (Языковая ситуация в Китае. Часть 3). – Пекин, 2015.

164. Ло Чанпэй. Юйянь юй вэньхуа (Язык и культура) . – Пекин, 1950.

165. Лю Баоцзюнь. Шэхуэй юйяньсюэ (Социолингвистика), Пекин, 2016.

166. Лю Лия. Яньцзю шэхуэй хуаньцзин чжун дэ юйянь (Изучение языка в обществе). Journal of Jimei University (Philosophy and Social Sciences) № 18, 2015.

167. Перепись населения КНР за 2000 г. [электронный ресурс] URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/5rp/index.htm

168. Перепись населения КНР за 2010 г. [электронный ресурс] URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm

169. Сунь Вэйчжан. Ханьюй шэхуэй юйяньсюэ (Китайская социолингвистика), 1991.

170. Сю Дамин. Сяндай шэхуэй юйяньсюэ (Современная социолингвистика), 1997.

171. Сю Дамин. Чжунго Шэхуэй юйяньсюэ дэ синь фачжань (Современные тенденции в китайской социолингвистике). Наньцзин шэхуэй кэсюэ, 2006 (2).

172. Сюй Гочжан. Шэхуэй юйяньсюэ цзи ци инъюн (Социолингвистика и другие прикладные науки)//Вайго юйцзяосюэ №3, 1978.

173. Сюй Гочжан. Шэхуэй юйяньсюэ цзи ци инъюн (Социолингвистика и другие прикладные науки)// Сюй Гочжан лунь юйянь (Статьи Сюй Гочжана о языке), 1991.

174. Тунъюн гуйфань ханьцзы бяо (Таблица упрощенных китайских иероглифов), 2013 [электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/zwgk/2013-08/19/content_2469793.htm

175. Ханьюй фанъянь дитуцзи (Атлас диалектов китайского языка)/Под ред. Цао Чжиюня. – Пекин, 2008.

176. Хао Дэсэнь, Дин Синьшань. Шэхуэй юйяньсюэ (Социолингвистика), 1990.

177. Чжан Вэйго. Юйянь дэ цзинсюэ фэньси: игэ цзуншу (Экономический анализ языка: обзор). Economic Review №4, 2011.

178. Чжан Гуйцзюй. Аомэнь юйянь чжуанкуан юй юйянь чжэнцэ (Языковая ситуация и языковая политика в Макао). Юйянь вэньцзы инъюн - Applied linguistics №3, 2010.

179. Чжу Ваньцзинь. Шэхуэй юйяньсюэ гайлунь (Социолингвистические очерки), 1992.

180. Чжу Ваньцзинь. Шэхуэй юйяньсюэ ивэньцзи (Сборник переводов по социолингвистике), 1987.

181. Чжунго дэ юйянь (Языки Китая)// под. ред. Сунь Хункая, Ху Цзэнъи, Хуан Сина. – Пекин, 2007.

182. Чжунго шаошу миньцзу шуанъюй яньцзю луньцзи (Исследования билингвизма среди национальных меньшинств Китая) // Под. ред. Фо Тинсюня. – Пекин,1990.

183. Чжунго юйянь дитуцзи – Language Atlas of China (Атлас языков Китая). – Гонконг, 1987.

184. Чжунго юйянь дитуцзи (Атлас языков Китая). – Пекин, 2010.

185. Чжунго миньцзу юйянь луньцун (Сборник трудов по языкам этносов Китая)// Под. ред. Нин Юя. – Пекин, 1996

186. Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (Доклад о языковой ситуации в Китае). – Пекин, 2014.

187. Чэнь Баоя. Лунь юйянь цзечу юй юйянь ляньмэн (Языковые контакты и языковой союз), 1996.

188. Чэнь Сунцэнь. Яньцзю юйянь бяньи (Изучение вариативности языка). – Гуаньчжоу, 1999.

189. Чэнь Сунцэнь. Шэхуэй юйяньсюэ даолунь (Введение в социолингвистику), 1985.

190. Чэнь Цзяньминь. Юйянь вэньхуа шэхуэй синьшэнь (Новый взгляд на язык, культуру и общество), 1989.

191. Чэнь Юань. Шэхуэй юйяньсюэ (Социолингвистика). – Шанхай, 1983.

192. Чэнь Юань. Шэхуэй юйяньсюэ луньцун (Сборник статей по социолингвистике), 1990.

193. Чэнь Юань. Юйянь юй шэхуэй шэнхо – шэхуэй юйяньсюэ чжацзи (Язык и общество – социолингвистические заметки), 1980.

194. Шэхуэй юйяньсюэ гайлунь (Введение в социолингвистику) / Под ред. Дай Цинся , 2014.

195. Шэхуэй юйяньсюэ цзяочэн (Введение в социолингвистику) / Под ред. Ю Жуцзе и Цзоу Цзяяня, 2016.

196. Ю Жуцзе, Чжоу Чжэньхэ. Фанъянь юй чжунго вэньхуа (Диалекты и китайская культура), 1986.

197. Юань Чжунжуй. Хуашо туйпу (К вопросу популяризации путунхуа), 2004.

198. Ян Сыцзи. «Шаошу миньцзу» гайнянь дэ чаньшэн юй цзаоци яньбянь – цун 1905 нянь дао 1937 нянь (Возникновение и развитие понятия “национальное меньшинство” в Китае с 1905 по 1937 гг.2011), 2012.

Приложение 1.
Список высокочастотных социолингвистических терминов

	B
本族语	местный язык (vernacular language)
边缘学科	междисциплинарная наука
标准语	стандартизованный язык
濒危语言	исчезающие языки
	C
次级社会化	вторичная социализация
	D
单言	моноглоссия
单语 (制)	монолингвизм
地域方言	территориальный диалект (geographical dialect)
地域变体	региональный вариант
调查	опрос
多语现象	многоязычие
多语制	мультилингвизм
第一语言	функционально первый язык
	F
发展双语	развивающийся/начальный билингвизм

反语言	антиязык
方言	диалект
方言变体	диалектная вариативность
方言差异	диалектная вариативность
方言分歧	диалектная вариативность
方言集团	диалектная группа
方言学	диалектология

G

功能变体	функциональный вариант
共享性沟通	совместная коммуникация(shared communication)
官方语言	официальный язык (см. 正式语文)
功能语言学	функциональная лингвистика
共同语	общий язык (напр., национальный язык)
观察方法	методы наблюдения
观察者悖论	парадокс наблюдателя
国际词	интернациональная лексика
国家通用语言	государственный общеупотребительный язык

H

宏观社会语言学	макросоциолингвистика
互借此	диффузия
话语	речь, дискурс
	J
交际技能	коммуникативная компетенция
教学媒介语	язык обучения
借词	заимствование
	K
口语	разговорный язык
跨境语言	трансграничный язык
跨文化交际	межкультурная коммуникация
	L
礼貌用语	вежливая речь
	M
媒体语言	язык СМИ
民族共同语	национальный общий язык
民族认同	национальная идентичность
民族心理	этнопсихология
民族学	этнология
民族志学	этнография
民族语	язык национальности

母言	родной диалект
母语	родной язык
母语认同	языковое самосознание/идентичность
P	
普遍双语	массовое двуязычие
Q	
权威方言	влиятельный диалект, авторитетный диалект
R	
认同	идентичность
弱势方言	больной диалект
S	
社会方言	социальный диалект, социолект
社会语境	социальный контекст
社会语言学	социолингвистика
社会语言学的研究方法	социолингвистические методы исследования
世界语	эсперанто
时间方言	темпоральный диалект
收缩双语	регрессивный билингвизм
双言	диглоссия

双语	билингвизм
	W
外来语	заимствования
	Y
洋泾浜	пиджин
移民语言	язык мигрантов
语境	контекст
语库	речевой репертуар
语码转换	переключение кодов
语言保持	языковая лояльность
语言标准化	стандартизация языка
语言变体 /变量/变异	языковая вариативность
语言变化	изменения языка
语言冲突	языковой конфликт
语言纯正癖	пуризм
语言的活动场	сферы функционирования языка
语言的社会功能	общественные функции языка
语言规划	языковое планирование
语言功能的发展	функциональное развитие языка

语言工程	языковое строительство
语言规范化	стандартизация языка
语言活动	языковая деятельность
语言活力	витальность языка
语言影响	интерференция
语言接触	языковые контакты
语言联盟	языковой союз
语言能力	языковая компетенция
语言人权	языковые права человека
言语社团	языковое сообщество (см. 言语社区)
言语社区	языковое сообщество
语言生活	языковая жизнь
语言声誉	престиж языка
语言态度	языковое положение
语言特性	языковые особенности
语言文字权利	языковые права
语言现象	языковой знак, явление, феномен
言语行为	речевой акт (см. 语言运动)

语言死亡	смерть языка
语言运动	речевой акт
语言障碍	языковой барьер
语言哲学	философия языка
语言转用	языковой сдвиг

Z

正式语文	официальный язык

Приложение 2.

Основные законодательные документы КНР о языке[5]

Закон Китайской Народной Республики об общегосударственном языке и письменности

На китайском языке:

中华人民共和国国家通用语言文字法

（2000 年 10 月 31 日第九届全国人民代表大会常务委员会第十八次会议通过）

第一章 总则

第一条 为推动国家通用语言文字的规范化、标准化及其健康发展，使国家通用语言文字在社会生活中更好地发挥作用，促进各民族、各地区经济文化交流，根据宪法，制定本法。

第二条 本法所称的国家通用语言文字是普通话和规范汉字。

第三条 国家推广普通话，推行规范汉字。

第四条 公民有学习和使用国家通用语言文字的权利。

国家为公民学习和使用国家通用语言文字提供条件。

地方各级人民政府及其有关部门应当采取措施，推广普通话和推行规范汉字。

第五条 国家通用语言文字的使用应当有利于维护国家主权和民族尊严，有利于国家统一和民族团结，有利于社会主义物质文明建设和精神文明建设。

第六条 国家颁布国家通用语言文字的规范和标准，管理国家通用语言文字的社会应用，支持国家通用语言文字的教学和科学研究，促进国家通用语言文字的规范、丰富和发展。

第七条 国家奖励为国家通用语言文字事业做出突出贡献的组织和个人。

第八条 各民族都有使用和发展自己的语言文字的自由。

---

[5] Дополнительно см. http://www.china-language.gov.cn/8/2007_7_27/1_8_2931_0_1185508069552.html

少数民族语言文字的使用依据宪法、民族区域自治法及其他法律的有关规定。

第二章 国家通用语言文字的使用

第九条 国家机关以普通话和规范汉字为公务用语用字。法律另有规定的除外。

第十条 学校及其他教育机构以普通话和规范汉字为基本的教育教学用语用字。法律另有规定的除外。

学校及其他教育机构通过汉语文课程教授普通话和规范汉字。使用的汉语文教材，应当符合国家通用语言文字的规范和标准。

第十一条 汉语文出版物应当符合国家通用语言文字的规范和标准。

汉语文出版物中需要使用外国语言文字的，应当用国家通用语言文字作必要的注释。

第十二条 广播电台、电视台以普通话为基本的播音用语。

需要使用外国语言为播音用语的，须经国务院广播电视部门批准。

第十三条 公共服务行业以规范汉字为基本的服务用字。因公共服务需要，招牌、广告、告示、标志牌等使用外国文字并同时使用中文的，应当使用规范汉字。

提倡公共服务行业以普通话为服务用语。

第十四条 下列情形，应当以国家通用语言文字为基本的用语用字：

（一）广播、电影、电视用语用字；

（二）公共场所的设施用字；

（三）招牌、广告用字；

（四）企业事业组织名称；

（五）在境内销售的商品的包装、说明。

第十五条 信息处理和信息技术产品中使用的国家通用语言文字应当符合国家的规范和标准。

第十六条 本章有关规定中，有下列情形的，可以使用方言：

（一）国家机关的工作人员执行公务时确需使用的；

（二）经国务院广播电视部门或省级广播电视部门批准的播音用语；

（三）戏曲、影视等艺术形式中需要使用的；

（四）出版、教学、研究中确需使用的。

第十七条 本章有关规定中，有下列情形的，可以保留或使用繁体字、异体字：

（一）文物古迹；

（二）姓氏中的异体字；

（三）书法、篆刻等艺术作品；

（四）题词和招牌的手书字；

（五）出版、教学、研究中需要使用的；

（六）经国务院有关部门批准的特殊情况。

第十八条 国家通用语言文字以《汉语拼音方案》作为拼写和注音工具。

《汉语拼音方案》是中国人名、地名和中文文献罗马字母拼写法的统一规范，并用于汉字不便或不能使用的领域。

初等教育应当进行汉语拼音教学。

第十九条 凡以普通话作为工作语言的岗位，其工作人员应当具备说普通话的能力。

以普通话作为工作语言的播音员、节目主持人和影视话剧演员、教师、国家机关工作人员的普通话水平，应当分别达到国家规定的等级标准；对尚未达到国家规定的普通话等级标准的，分别情况进行培训。

第二十条 对外汉语教学应当教授普通话和规范汉字。

第三章 管理和监督

第二十一条 国家通用语言文字工作由国务院语言文字工作部门负责规划指导、管理监督。

国务院有关部门管理本系统的国家通用语言文字的使用。

第二十二条 地方语言文字工作部门和其他有关部门，管理和监督本行政区域内的国家通用语言文字的使用。

第二十三条 县级以上各级人民政府工商行政管理部门依法对企业名称、商品名称以及广告的用语用字进行管理和监督。

第二十四条 国务院语言文字工作部门颁布普通话水平测试等级标准。

第二十五条 外国人名、地名等专有名词和科学技术术语译成国家通用语言文字，由国务院语言文字工作部门或者其他有关部门组织审定。

第二十六条 违反本法第二章有关规定，不按照国家通用语言文字的规范和标准使用语言文字的，公民可以提出批评和建议。

本法第十九条第二款规定的人员用语违反本法第二章有关规定的，有关单位应当对直接责任人员进行批评教育；拒不改正的，由有关单位作出处理。

城市公共场所的设施和招牌、广告用字违反本法第二章有关规定的，由有关行政管理部门责令改正；拒不改正的，予以警告，并督促其限期改正。

第二十七条 违反本法规定，干涉他人学习和使用国家通用语言文字的，由有关行政管理部门责令限期改正，并予以警告。

第四章 附则

第二十八条 本法自 2001 年 1 月 1 日起施行。

Перевод на русский язык

Закон Китайской Народной Республики об общегосударственном языке и письменности

(принят 31 октября 2000 г. на 18-м заседании ПК ВСНП девятого созыва и опубликован указом Председателя КНР № 37 от 31 октября 2000 г.)

Глава 1. Общие положения

1. Действующий Закон принят в соответствии с Конституцией КНР для распространения стандартизации и развития общегосударственного китайского языка и письменности, для повышения их роли в общественной деятельности и осуществления экономических и культурных обменов среди всех национальностей КНР, проживающих в различных регионах государства.

2. В соответствии с Законом, под общегосударственным китайским языком и письменностью подразумевается путунхуа (общеупотребительная устная форма языка, основанная на пекинском диалекте) и стандартизованные китайские иероглифы.

3. Правительство содействует распространению путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов.

4. Все граждане имеют право изучать и использовать путунхуа и стандартизованные китайские иероглифы.

Правительство предоставляет гражданам необходимые условия для изучения и использования путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов.

Правительства на местах различных уровней и ведомств должны осуществлять деятельность по распространению путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов.

5. Употребление путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов должно способствовать поддержанию государственного суверенитета и чувства национальной гордости ради националньного единства страны, а также ради строительства социализма и поддержания духовной культуры нации.

6. Правительство пропагандирует использование среди населения путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов, поддерживает их преподавание и проведение научных исследований на этих формах языка ради их нормализации, обогащения и развития.

7. Правительство поощряет организации и частные лица, вносящие выдающийся вклад в сфере путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов.

8. Все национальности имеют право на использование и развитие своего языка и письменности.

Использование национального языка и письменности регулируется соответствующими положениями Конституции КНР и Закона о национально-территориальной автономии.

Глава 2. Использование путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов.

9. Путунхуа и стандартизованные китайские иероглифы используются государственными органами в качестве языка государственной службы, за исключением случаев, предусмотренных Законом.

10. Путунхуа и стандартизованные китайские иероглифы используются в качестве основного языка преподавания в школах и других учебных заведениях, за исключением случаев, предусмотренных Законом.

Путунхуа и стандартизованные китайские иероглифы должны преподаваться на уроках китайского языка в школах и других учебных заведниях. Учебники на китайском языке должны соответствовать нормам путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов.

11. Публикации на китайском языке должны соответствовать нормам путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов.

В случае необходимости использования иностранных языков должна быть использована соответствующая пояснительная записка на китайском языке.

12. Путунхуа должен использоваться на радио и телевидении в качестве основного языка.

В случае необходимости использования иностранных языков на радио и телевидении, необходимо получение одобрения со стороны ведомства Госсовета по вопросам радио- и телевещания.

13. Стандартизованные китайские иероглифы должны использоваться в качестве основного языка торговли. В случае необходимости совместного использования китайского и иностранного языка на вывесках, рекламе, информационных листках, знаках и т.д., китайский язык должен быть представлен стандартизованными китайскими иероглифами.

Поощряется использование путунхуа среди граждан, занятых в сфере услуг.

14. Путунхуа и стандартизованные китайские иероглифы используются в качестве основного языка в следующих случаях:

(1) в качестве языка радио и телевидения;

(2) в качестве письменной формы языка на объектах в общественных местах;

(3) в качестве письменной формы языка на вывесках и рекламных щитах;

(4) в названиях предприятий и институтов;

(5) на упаковке товаров и спецификаций с обозначением страны происхождения.

15. В соответствии с государственными нормами, путунхуа и стандартизованные китайские иероглифы используются в обработке данных и информационных технологиях.

16. Местные диалекты могут использоваться в следующих случаях:

(1) когда государственным служащим необходимо использование диалектов в ходе выполнения должностных обязанностей;

(2) когда диалекты используются во время трансляции теле- и радиопередач с разрешения ведомства Госсовета по вопросам радио- и телевещания на региональном уровне;

(3) когда использование диалектов необходимо в классической опере, фильмах, телепрограммах или иных формах искусства;

(4) когда использование диалектов действительно необходимо в сфере печати, образования и исследовательской деятельности.

17. Традиционные китайские иероглифы и их варианты могут использоваться в следующих случаях:

(1) в культурных реликвиях и исторических достопримечательностях;

(2) в фамилиях;

(3) в каллиграфии и печатях;

(4) в рукописных надписях и указателях;

(5) в случае необходимости, в печати, преподавании и исследовательской деятельности;

(6) и в других случаях при наличии разрешения соответствующего ведомства Госсовета.

18. «Запись звуков китайского языка» пиньинь должна использоваться в качестве средства транслитерации и фонетической записи путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов.

«Запись звуков китайского языка» пиньинь представляет собой систему транскрипции китайских имен и названий, а также документации на латинице в ситуациях, когда использование китайских иероглифов неудобно или невозможно.

Система пиньинь должна использоваться в начальной школе.

19. Все граждане, которым необходимо использовать путунхуа на рабочем месте, должны владеть путунхуа.

Уровень владения путунхуа радиожурналистов, ведущих, актеров театра и кино, учителей и государственных служащих должен достигать определенного уровня. Те граждане, чей уровень владения путунхуа ниже требуемого, должны посещать дополнительные занятия путунхуа.

20. Путунхуа и стандартизованные китайские иероглифы должны преподаваться на уроках китайского языка для иностранцев.

Глава 3. Управление и надзор.

21. Ведомства Госсовета по делам языка и письменности должны отвечать за планирование, осуществление, управление и надзор за деятельность, связанную с путунхуа и стандартизованными китайскими иероглифами.

Соответствующие ведомства Госсовета должны контролировать использование путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов среди своих сотрудников.

22. Местные ведомства по делам языка и письменности и другие связанные с этой деятельностью ведомства должны контролировать использование путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов на территории их административных зон.

23. Ведомства местных правительств по делам промышленности и торговли должны контролировать использование путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов в названиях предприятий и товаров, а также в рекламе.

24. Ведомства Госсовета по делам языка и письменности должны публиковать стандарты для проведения тестирования на различные уровни владения путунхуа.

25. Ведомства Госсовета по делам языка и письменности и другие связанные с этой деятельностью ведомства должны осуществлять надзор за переводом имен собственных, таких как имен иностранцев, географических названий, научных и технических терминов на путунхуа и стандартизованные китайские иероглифы.

26. Любой гражданин может выступить с критикой и предложениями в случае расхождения с нормами путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов или нарушения пунктов Статьи 2 Закона.

В случае, если граждане, упомянутые в пункте 19 Закона, будут использовать язык вопреки указному требованию, лица, непосредственно за это ответственные, подвергнутся критике со стороны соответствующих ведомств. Любой, кто откажется соблюдать данное требование, понесет наказание со стороны соответствующих ведомств.

В случае, если иероглифы, используемые на вывесках, в общественных местах, в рекламе нарушают пункты Статьи 2 Закона, соответствующее административное ведомство потребует внесения поправок, и любому, кто откажется их вносить, будет вынесено дисциплинарное предупреждение и требование внести поправки в определенный временной период.

27. Любому, кто вопреки Закону будет вмешиваться в процесс изучения и использования путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов другими гражданами, будет вынесено дисциплинарное предупреждение соответствующим административным ведомством.

Глава 4. Дополнительные положения.

28. Данный Закон вступает в силу 1 января 2001 г.

Закон Китайской Народной Республики об образовании, 1995

На китайском языке:

中华人民共和国教育法

第十二条 国家通用语言文字为学校及其他教育机构的基本教育教学语言文字，学校及其他教育机构应当使用国家通用语言文字进行教育教学。

民族自治地方以少数民族学生为主的学校及其他教育机构，从实际出发，使用国家通用语言文字和本民族或者当地民族通用的语言文字实施双语教育。

国家采取措施，为少数民族学生为主的学校及其他教育机构实施双语教育提供条件和支持。

Перевод на русский язык

Закон Китайской Народной Республики об образовании

Ст. 12 Общегосударственный язык и письменность являются основным средством обучения в школах и других образовательных учреждениях, образовательная деятельность в школах и других образовательных учреждениях должна осуществляться с использованием общегосударственного языка и письменности.

На территории автономных районов обучение в школах и иных образовательных учреждениях, где большинство учащихся составляют представители национальных меньшинств, должно, по возможности, осуществляться на двух языках – с использованием общеупотребительного языка и письменности, а также языка данной национальности или общеупотребительного на местном уровне языке национальных меньшинств.

Государство способствует распространению двуязычного образования в школах и иных образовательных учреждениях, где большинство учащихся составляют представители национальных меньшинств.

Закон Китайской Народной Республики
об организации народных судов, 1979

На китайском языке:

中华人民共和国人民法院组织法

第六条 各民族公民都有用本民族语言文字进行诉讼的权利。人民法院对于不通晓当地通用的语言文字的当事人，应当为他们翻译。在少数民族聚居或者多民族杂居的地区，人民法院应当用当地通用的语言进行审讯，用当地通用的文字发布判决书、布告和其他文件。

Перевод на русский язык

Закон Китайской Народной Республики
об организации народных судов

Ст. 6 Представитель любого этноса имеет право подать иск на своем языке.

Для сторон, не владеющих общеупотребительным языком данной местности, должен быть предоставлен перевод. В районах компактного проживания представителей одного или нескольких национальных меньшинств судебное заседание должно проводиться на общеупотребительном в данной местности языке; приговор, повестка и другие документы должны быть представлены на общеупотребительной в данной местности письменности.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, 1979

На китайском языке:

中华人民共和国刑事诉讼法

第九条 各民族公民都有用本民族语言文字进行诉讼的权利。人民法院、人民检察院和公安机关对于不通晓当地通用的语言文字的诉讼参与人，应当为他们翻译。

在少数民族聚居或者多民族杂居的地区，应当用当地通用的语言进行审讯，用当地通用的文字发布判决书、布告和其他文件。

Перевод на русский язык

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики

Ст. 9 Представитель любого этноса имеет право подать иск на своем языке. Для сторон, не владеющих общеупотребительным языком данной местности, народным судом, народной прокуратурой и органами общественной безопасности должен быть предоставлен перевод.

В районах компактного проживания представителей одного или нескольких национальных меньшинств судебное заседание должно проводиться на общеупотребительном в данной местности языке; приговор, повестка и другие документы должны быть представлены на общеупотребительной в данной местности письменности.

Административно-процессуальный кодекс
Китайской Народной Республики, 1989

На китайском языке:

中华人民共和国行政诉讼法

第八条 各民族公民都有用本民族语言、文字进行行政诉讼的权利。

在少数民族聚居或者多民族共同居住的地区，人民法院应当用当地民族通用的语言、文字进行审理和发布法律文书。

人民法院应当对不通晓当地民族通用的语言、文字的诉讼参与人提供翻译

Перевод на русский язык

Административно-процессуальный кодекс
Китайской Народной Республики

Ст. 8 Представитель любого этноса имеет право подать административный иск на своем языке.

В районах компактного проживания представителей одного или нескольких национальных меньшинств судебные разбирательства должны проводиться на общеупотребительном в данной местности языке, а публикация правовых документов осуществляться на общеупотребительной в данной местности письменности.

Для сторон, не владеющих общеупотребительным языком данной местности, народным судом должен быть предоставлен перевод.

Гражданский процессуальный кодекс
Китайской Народной Республики, 1991

На китайском языке:

中华人民共和国民事诉讼法

第十一条各民族公民都有用本民族语言、文字进行民事诉讼的权利。

在少数民族聚居或者多民族共同居住的地区，人民法院应当用当地民族通用的语言、文字进行审理和发布法律文书。

人民法院应当对不通晓当地民族通用的语言、文字的诉讼参与人提供翻译。

第二百六十二条人民法院审理涉外民事案件，应当使用中华人民共和国通用的语言、文字。当事人要求提供翻译的，可以提供，费用由当事人承担。

第二百七十八条外国法院请求人民法院提供司法协助的请求书及其所附文件，应当附有中文译本或者国际条约规定的其他文字文本。

人民法院请求外国法院提供司法协助的请求书及其所附文件，应当附有该国文字译本或者国际条约规定的其他文字文本。

Перевод на русский язык

Гражданский процессуальный кодекс
Китайской Народной Республики

Ст. 11 Представитель любого этноса имеет право подать гражданский иск на своем языке.

В районах компактного проживания представителей одного или нескольких национальных меньшинств судебное заседание должно проводиться на общеупотребительном в данной местности языке; приговор, повестка и другие документы должны быть представлены на общеупотребительной в данной местности письменности.

Для сторон, не владеющих общеупотребительным языком данной местности, народным судом должен быть предоставлен перевод.

Ст. 262 В судебных разбирательствах с участием представителей других государств должен употребляться общегосударственный язык и письменность. Сторона, нуждающаяся в осуществлении перевода, может взять на себя расходы на перевод.

Ст. 278 Поручения и прилагаемые к ним документы, направляемые иностранным судом в народный суд при обращении за правовой помощью, должны сопровождаться переводом на китайский или иной, предусмотренный международным договором, язык.

Поручения и прилагаемые к ним документы, направляемые народным судом в иностранный суд при обращении за правовой помощью, должны сопровождаться переводом на язык соответствующего государства или иной, предусмотренный международным договором, язык.

Закон Китайской Народной Республики об удостоверениях личности населения, 2003

На китайском языке:

中华人民共和国居民身份证法

第四条 居民身份证使用规范汉字和符合国家标准的数字符号填写。

民族自治地方的自治机关根据本地区的实际情况，对居民身份证用汉字登记的内容，可以决定同时使用实行区域自治的民族的文字或者选用一种当地通用的文字。

Перевод на русский язык

Закон Китайской Народной Республики об удостоверениях личности населения

Ст. 4 Удостоверение личности гражданина должно соответствовать нормам китайского языка и стандартам китайской письменности.

По решению органов управления автономных районов допускается дополнительное использование письменности преобладающего этноса

данного региона или иной общеупотребительной в данной местности письменности.

Основной закон специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики, 1997

На китайском языке:

中華人民共和國香港特別行政區基本法

第九條 香港特別行政區的行政機關、立法機關和司法機關，除使用中文外，還可使用英文，英文也是正式語文。

第一百三十六條 香港特別行政區政府在原有教育制度的基 礎上，自行制定有關教育的發展和改進的政策，包括教育體制和 管理、教學語言、經費分配、考試制度、學位制度和承認學歷等 政策。

Перевод на русский язык

Основной закон специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики

Ст.9 При осуществлении деятельности административных, законодательных и судебных органов специального административного района Гонконг помимо употребления китайского языка допускается употребление английского языка. Английский язык также обладает статусом официального языка.

Ст. 136 Правительство САР Гонконг, на основе имеющейся образовательной системы, имеет право формировать собственную политику развития образования, включающую систему образования и ее администрирование, язык обучения, финансирование, экзаменационную систему, систему ученых степеней и правила признания дипломов.

Основной закон специального административного района Макао Китайской Народной Республики, 1999

На китайском языке:

中華人民共和國澳門特別行政區基本法

第九條 澳門特別行政區的行政機關、立法機關和司法機關，除使用中文外，還可使用葡文，葡文也是正式語文。

第一百二十一條澳門特別行政區政府自行制定教育政策，包括教育體制和管理、教學語言、經費分配、考試制度、承認學歷和學位等政策，推動教育的發展。

Перевод на русский язык

Основной закон специального административного района Макао Китайской Народной Республики

Ст.9 При осуществлении деятельности административных, законодательных и судебных органов специального административного района Макао помимо употребления китайского языка допускается употребление португальского языка. Португальский язык также обладает статусом официального языка.

Ст. 121 Правительство САР Макао имеет право формировать собственную политику развития образования, включающую систему образования и ее администрирование, язык обучения, финансирование, экзаменационную систему, систему ученых степеней и правила признания дипломов.

Приложение 3.
Анкета 1

На китайском языке:

问卷调查

同学：

您好！请您回答以下一些问题。本问卷仅用于研究，不会对您个人带来任何影响！敬请放心！多谢合作！

基本信息

大学_____

专业 _____

性别

1. 男

2. 女

您的民族

1. 汉族

2. 少数民族(请写出您的少数民族)_____

1. 请写明您的出生地（省）

_____

2. 请写出您的母语（方言）

_____

3. 请写出您父母的母语（方言）

_____

4.除了方言以外您还会什么语言？

_____

5. 您的普通话水平怎么样? (请选择)

1）听力: ①4-优秀 ②3-良好 ③ 2-及格 ④1-不好

2）说: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

3）读: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

4) 写: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

6. 您在哪里开始学习普通话？(请选择)

1. 在家

2.在中学

3. 在大学

4. 其他（请列明）

_____

7. 您多大开始学习普通话？

_____

8. 您在哪一个范围使用普通话？(请选择)

1. 看书、报纸、杂志等时

2. 看电视节目、电影等时

3. 在社交网络媒体聊天儿时

4. 上班时

5. 跟朋友们聊天儿时

6. 在家

7. 跟老师交流时

8. 其他（请列明）

_____

9. 您会说什么外语?

_____

10. 您使用外语的频率?（请列出并选择）

A. 语言 1 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常　　2. 很少　　3. 有时候

B. 语言 2 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常　　2. 很少　　3. 有时候

C. 语言 3 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常　　2. 很少　　3. 有时候

На русском языке:

Уважаемый участник опроса,
предлагаем Вам ответить на следующие вопросы.
Ваши ответы помогут нам в исследовании.

1. Укажите, пожалуйста, Ваше место рождения (провинцию)

_____

2. Укажите, пожалуйста, Ваш родной язык (диалект)

_____

3. Укажите, пожалуйста, родной язык (диалект) Ваших родителей

_____

4. Какими языками, кроме родного, Вы владеете?

_____

5. Каков Ваш уровень владения путунхуа? (обведите кружочком)
Понимаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Говорите: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Читаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Пишете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо

6. Где Вы начали изучать путунхуа? (обведите кружочком)
1. дома
2. в школе
3. в университете
4. другое (уточните)

_____

7. В каком возрасте Вы начали изучать путунхуа?

_____

8. В каких сферах Вы используете путунхуа? (обведите кружочком)
1. при чтении литературы, газет, журналов
2. при просмотре телепередач, фильмов
3. при общении в социальных сетях
4. на работе
5. при общении с друзьями
6. дома
7. при общении с учителями
8. другое (уточните)

_____

9. Какими иностранными языками Вы владеете?

_____

_____

10. Как часто Вы используете иностранный язык?
язык 1(укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда

язык 2 (укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда
язык 3 (укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда

Пожалуйста, укажите данные о себе:

Место учебы _____
Специальность_____
Возраст _____
Пол (обведите кружочком)
1. мужской
2. женский
Ваша национальность (обведите кружочком)
1. хань
2. другая национальность (напишите, пожалуйста, какая)
_____

Анкета 2

На китайском языке:

问卷调查

同学：

您好！请您回答以下一些问题。本问卷仅用于研究，不会对您个人带来任何影响！敬请放心！多谢合作！

基本资料:

大学_____

专业 _____

年龄 _____

性别

1. 男

2. 女

您的民族

1. 汉族

2. 少数民族(请写出您的少数民族)_____

1. 请写明您的出生地（省）

_____

2. 请写出您的母语（方言）

_____

3. 请写出您父母的母语（方言）

_____

4.除了方言以外您还会什么语言？

_____

5. 您会说什么外语?

_____

6. 您的外语水平怎么样? (请列出并选择)

A. 语言 1 (请写出您所使用的外语)_____

1) 听力: ①4-优秀 ②3-良好 ③ 2-及格 ④1-不好

2) 说: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

3) 读: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

4) 写: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

B. 语言 2 (请写出您所使用的外语)_____

1) 听力: ①4-优秀 ②3-良好 ③ 2-及格 ④1-不好

2) 说: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

3) 读: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

4) 写: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

C. 语言 3 (请写出您所使用的外语)_____

1) 听力: ①4-优秀 ②3-良好 ③ 2-及格 ④1-不好

2) 说: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

3) 读: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

4) 写: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

7. 您是在哪里开始学习外语？

1. 在家
2. 在中学
3. 在大学
4. 其他（请列明）

_____

8. 您多大开始学习外语？

_____

9. 您决定学习俄语的原因是 ：

1. 语言的威望
2. 就业前途
3. 其他原因（请列出）

_____

10. 您在哪一个范围用外语？

1. 看书、报纸、杂志等时

2. 看电视节目、电影等时

3. 在社交网络媒体聊天儿时

4. 上班时

5. 跟朋友们聊天儿时

6. 在家

7. 跟老师交流时

8. 其他（请列出）

_____

11. 学习外语时您遇到了什么问题?

_____

_____

_____

12. 您平时使用外语的频率?

A. 语言 1 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常　　2. 很少　　3. 有时候

B. 语言 2 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常　　2. 很少　　3. 有时候

C. 语言 3 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常　　2. 很少　　3. 有时候

На русском языке:

Уважаемый участник опроса,
предлагаем Вам ответить на следующие вопросы.
Ваши ответы помогут нам в исследовании.

1. Укажите, пожалуйста, Ваше место рождения (провинцию)

_____

2. Укажите, пожалуйста, Ваш родной язык (диалект)

_____

3. Укажите, пожалуйста, родной язык (диалект) Ваших родителей

_____

4. Какими языками, кроме родного, Вы владеете?

_____

5. Какими иностранными языками Вы владеете?

_____

6. Оцените свой уровень владения иностранными языками (обведите кружочком)

язык 1 (укажите язык)_____

Понимаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Говорите: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Читаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Пишете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо

язык 2 (укажите язык) _____

Понимаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Говорите: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Читаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Пишете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо

язык 3 (укажите язык)_____

Понимаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Говорите: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Читаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Пишете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо

7. Где Вы начали изучать иностранный язык? (обведите кружочком)

1. дома
2. в школе
3. в университете
4. другое (уточните) _____

8. В каком возрасте Вы начали изучать иностранный язык?

_____

9. Каковы мотивы, побудившие Вас к изучению русского языка? (обведите кружочком)

1. престиж языка
2. перспектива трудоустройства
3. иные (уточните)

_____

10. В каких сферах Вы используете иностранный язык? (обведите кружочком)

1. при чтении литературы, газет, журналов
2. при просмотре телепередач, фильмов
3. при общении в социальных сетях
4. на работе
5. при общении с друзьями
6. дома
7. при общении с учителями

8. другое (уточните)
_____

11. С какими трудностями Вы столкнулись при изучении иностранных языков?

_____
_____
_____

12. Как часто Вы используете иностранный язык?

язык 1(укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда
язык 2 (укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда
язык 3 (укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда

Пожалуйста, укажите данные о себе:

Место учебы _____
Специальность _____
Возраст _____
Пол (обведите кружочком)
1. мужской
2. женский
Ваша национальность (обведите кружочком)
1. хань
2. другая национальность (напишите, пожалуйста, какая)
_____

Анкета 3

На китайском языке:

问卷调查

您好：

请您回答以下一些问题。本问卷仅用于研究，不会对您个人带来任何影响！敬请放心！多谢合作！

基本信息:

您的职业 _____

年龄 _____

性别

1. 男

2. 女

您的民族

1. 汉族

2. 少数民族(请写出您的少数民族)_____

1. 请写明您的出生地（省）

_____

2. 请写出您的母语（方言）

_____

3. 请写出您父母的母语（方言）

_____

4.除了方言以外您还会什么语言？

_____

5. 您的普通话水平怎么样? (请选择)

1）听力: ①4-优秀 ②3-良好 ③ 2-及格 ④1-不好

2）说: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

3）读: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

4）写: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

6. 您在哪里开始学习普通话？(请选择)

1. 在家

2.在中学

3. 在大学

4. 其他（请列明）

_____

7. 您多大开始学习普通话？

_____

8. 您在哪一个范围使用普通话？(请选择)

1. 看书、报纸、杂志等时

2. 看电视节目、电影等时

3. 在社交网络媒体聊天儿时

4. 上班时

5. 跟朋友们聊天儿时

6. 在家

7. 跟老师交流时

8. 其他（请列明）

_____

9. 您会说什么外语?

_____

10. 您的外语水平怎么样? (请列出并选择)

A. 语言 1 (请写出您所使用的外语)_____

1) 听力: ①4-优秀 ②3-良好 ③ 2-及格 ④1-不好

2) 说: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

3) 读: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

4) 写: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

B. 语言 2 (请写出您所使用的外语)_____

1) 听力: ①4-优秀 ②3-良好 ③ 2-及格 ④1-不好

2) 说: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

3) 读: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

4) 写: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

C. 语言 3 (请写出您所使用的外语)_____

1) 听力: ①4-优秀 ②3-良好 ③ 2-及格 ④1-不好

2) 说: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

3) 读: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

4) 写: ①4-优秀 ②3-良好 ③2-及格 ④1-不好

11. 您在哪一个范围使用外语？(请选择)

1. 看书、报纸、杂志等时
2. 看电视节目、电影等时
3. 在社交网络媒体聊天儿时
4. 上班时
5. 跟朋友们聊天儿时
6. 在家
7. 跟老师交流时
8. 其他（请列明）

_____

12. 您使用外语的频率?（请列出并选择）

A. 语言 1 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常 2. 很少 3. 有时候

B. 语言 2 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常 2. 很少 3. 有时候

C. 语言 3 (请写出您所使用的外语)_____

1. 经常 2. 很少 3. 有时候

На русском языке:

Уважаемый участник опроса,
предлагаем Вам ответить на следующие вопросы.
Ваши ответы помогут нам в исследовании.

1. Укажите, пожалуйста, Ваше место рождения (провинцию)

_____

2. Укажите, пожалуйста, Ваш родной язык (диалект)

_____

3. Укажите, пожалуйста, родной язык (диалект) Ваших родителей

_____

4. Какими языками, кроме родного, Вы владеете?

_____

5. Каков Ваш уровень владения путунхуа? (обведите кружочком)
Понимаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Говорите: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Читаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Пишете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
6. Где Вы начали изучать путунхуа? (обведите кружочком)
1. дома
2. в школе
3. в университете
4. другое (уточните)

_____

7. В каком возрасте Вы начали изучать путунхуа?

_____

8. В каких сферах Вы используете путунхуа? (обведите кружочком)
1. при чтении литературы, газет, журналов
2. при просмотре телепередач, фильмов
3. при общении в социальных сетях
4. на работе
5. при общении с друзьями
6. дома
7. при общении с учителями
8. другое (уточните)

_____

9. Какими иностранными языками Вы владеете?

_____

_____

10. Оцените свой уровень владения иностранными языками (обведите кружочком)
язык 1 (укажите язык)_____
Понимаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Говорите: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Читаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Пишете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
язык 2 (укажите язык) _____
Понимаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Говорите: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Читаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Пишете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
язык 3 (укажите язык)_____

Понимаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Говорите: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Читаете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо
Пишете: 4-отлично, 3-хорошо, 2- удовлетворительно, 1-слабо

11. В каких сферах Вы используете иностранный язык? (обведите кружочком)

1. при чтении литературы, газет, журналов
2. при просмотре телепередач, фильмов
3. при общении в социальных сетях
4. на работе
5. при общении с друзьями
6. дома
7. при общении с учителями
8. другое (уточните)

_____

12. Как часто Вы используете иностранный язык?

язык 1(укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда
язык 2 (укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда
язык 3 (укажите язык)_____
1. часто 2. редко 3. иногда

Пожалуйста, укажите данные о себе:

Профессия _____
Возраст _____
Пол (обведите кружочком)
1. мужской
2. женский
Ваша национальность (обведите кружочком)
1. хань
2. другая национальность (напишите, пожалуйста, какая)
_____